

БОЛЬШИЕ ФФ КНИГИ

Генри
Каттнер

ПОЖИРАТЕЛЬ ДУШ

*Об ангелах, демонах
и потусторонних кошмарах*

« А З Б У К А »

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Генри Каттнер

**Пожиратель душ. Об
ангелах, демонах и
потусторонних кошмарах**

«Азбука-Аттикус»

1936-1951

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Каттнер Г.

Пожиратель душ. Об ангелах, демонах и потусторонних кошмарах
/ Г. Каттнер — «Азбука-Аттикус», 1936-1951 — (Фантастика и
фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-23473-4

Генри Каттнер отечественному читателю известен в первую очередь как мастер иронического фантастического рассказа. Многим понравились неподражаемые мутанты Хогбены, столь же гениальный, сколь и падкий на крепкие напитки изобретатель Гэллегер и многие другие герои, отчасти благодаря которым Золотой век американской фантастики, собственно, и стал «золотым». Но литературная судьба Каттнера складывалась совсем не линейно, он публиковался под многими псевдонимами в журналах самой разной тематической направленности. В этот сборник вошли произведения в жанрах мистика и хоррор, составляющие весомую часть его наследия. Даже самый первый рассказ Каттнера, увидевший свет, – «Кладбищенские крысы» – написан в готическом стиле. Автор был знаком с прославленным Говардом Филлипсом Лавкрафтом, вместе с женой, писательницей Кэтрин Мур, состоял в «кружке Лавкрафта», – и новеллы, относящиеся к вселенной «Мифов Ктулху», также включены в эту книгу. Большинство произведений на русском языке публикуются впервые или в новом переводе.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-23473-4

© Катнер Г., 1936-1951

© Азбука-Аттикус, 1936-1951

Содержание

Тайна Кралица	8
Пожиратель душ	13
Салемский кошмар	15
Черный поцелуй	27
Насмешка Друм-ависты	39
Лягушка	41
Захватчики	51
Колокола ужаса	61
Гидра	70
Охота	80
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Генри Каттнер

Пожиратель душ: Об ангелах, демонах и потусторонних кошмарах (сборник)

Henry Kuttner

THE SECRET OF KRALITZ © Henry Kuttner, 1936

THE EATER OF SOULS © Henry Kuttner, 1937

THE SALEM HORROR © Henry Kuttner, 1937

THE BLACK KISS © Henry Kuttner and Robert Bloch, 1937

THE JEST OF DROOM-AVISTA © Henry Kuttner, 1937

THE FROG © Henry Kuttner, 1939

THE INVADERS © Henry Kuttner, 1939

THE BELLS OF HORROR © Henry Kuttner, 1939

HYDRA © Henry Kuttner, 1939

THE WATCHER AT THE DOOR © Henry Kuttner, 1939

THE HUNT © Henry Kuttner, 1939

THE GRAVEYARD RATS © Henry Kuttner, 1936

THE DEVIL RIDES © Henry Kuttner, 1936

POWER OF THE SNAKE © Henry Kuttner, 1936

IT WALKS BY NIGHT © Henry Kuttner, 1936

I, THE VAMPIRE © Henry Kuttner, 1937

THE UNRESTING DEAD © Henry Kuttner, 1938

THE SHADOW ON THE SCREEN © Henry Kuttner, 1938

TERROR IN THE HOUSE © Henry Kuttner, 1937

GRAB BAG © Henry Kuttner and Robert Bloch, 1991

TOWERS OF DEATH © Henry Kuttner, 1939

PEGASUS © Henry Kuttner, 1940

TIME TO KILL © Henry Kuttner, 1940

IMPROBABILITY © Henry Kuttner, 1940

THE ROOM OF SOULS © Henry Kuttner, 1940

THE UNCANNY POWER OF EDWIN COBALT © Henry Kuttner, 1940

THE TOUCHING POINT © Henry Kuttner, 1941

WOLF OF ARAGON © Henry Kuttner, 1941

THE TREE OF LIFE © Henry Kuttner, 1941

CHAMELEON MAN © Henry Kuttner, 1941

MASQUERADE © Henry Kuttner, 1942

VOLLUSWEN © Henry Kuttner, 1943

GHOST © Henry Kuttner, 1943

THE DARK ANGEL © Henry Kuttner, 1946

CALL HIM DEMON © Henry Kuttner, 1946

GOLDEN APPLE © Henry Kuttner and C. L. Moore, 1951

BEFORE I WAKE © Henry Kuttner, 1945

All rights reserved

© Н. Б. Берденников, перевод, 2023

© К. А. Боков, перевод, 2023

© О. Г. Зверева, перевод, 2023

© Б. М. Жужунава (наследники), перевод, 2023

- © Е. В. Кисленкова, перевод, 2023
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2023
© А. Н. Круглов, перевод, 2023
© С. Б. Лихачева, перевод, 2023
© В. О. Михайлова, перевод, 2023
© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023
© А. С. Полошак, перевод, 2023
© С. Б. Теремязева, перевод, 2023
© А. В. Третьяков, перевод, 2023
© С. Б. Удалин, перевод, 2023
© Е. Ю. Фокина, перевод, 2023
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

* * *

Генри Каттнер (1915–1958) прожил недолго, но успел сделать и в фантастике, и для фантастики столько, что иному не сделать, доживи он хоть до мафусаиловых лет. Юмор и внешняя простота, за которой скрывается напряженная писательская работа, доброта и человечность – вот качества его как писателя и как человека. Не говоря уже о влиянии Каттнера на многие имена, ставшие впоследствии звездными (Рэй Бредбери, Роджер Желязны). Часть произведений создана Каттнером в соавторстве с женой, Кэтрин Мур, и это ни для кого не тайна. В России первый сборник Каттнера вышел в знаменитой «зэфке» в 1968 году. Писатель и историк Роман Подольный отозвался о книге так: «Творчество Каттнера дошло до нас, «как свет давно умерших звезд». Ошибся он лишь в одном: звезда Каттнера живет до сих пор.

* * *

Пусть мои слова покажутся богохульством, но я все же признаюсь, что не скоро прощу Господа Бога за то, что в 1958 году забрал у нас Генри Каттнера... Это абсолютно неправильный поступок, потому что этот писатель обладал очень необычным, особенным талантом. Наше общество привыкло считать, что в нем полно непризнанных гениев. Судя по моему опыту, это глубочайшее заблуждение. Генетически обусловленный интуитивный талант – редкая штука. Настоящих творцов крайне мало, и они разбросаны по всему миру... Большинство писателей похожи друг на друга как две капли воды, их можно с легкостью заменить одного на другого, и наша культура не изменилась бы ни на йоту. Нас окружают полчища посредственностей, людей, не способных к созиданию, поэтому Генри Каттнер – исключительно своеобразный писатель, маниакально одержимый творчеством, – всегда был для меня предметом восхищения.

Рэй Бредбери

Тайна Кралица

Я очнулся от глубокого сна и увидел, что рядом со мной безмолвно стоят две укутанные в черное фигуры и бледные лица растворяются в полумраке. Пока я пытался проморгаться со сна, один из незнакомцев нетерпеливо велел следовать за ним, и я вдруг понял цель этого полночного визита. Годы я ждал его – с тех пор, как мой отец, барон Кралиц, поведал мне о тайне и проклятии, висящем над нашим старинным родом. Поэтому я, не произнеся ни слова, встал и пошел за провожатыми, которые повели меня по мрачным коридорам замка, что был мне домом от самого моего рождения.

Пока я шагал, в уме моем возникло суровое лицо отца, а в ушах зазвучал его торжественный голос, рассказывающий легенду о проклятии дома Кралицев – о тщательно скрывавшейся от посторонних тайне, которая из поколения в поколение передавалась старшему сыну.

Передавалась в урочный час.

– Когда же? – спросил я отца, уже лежавшего на смертном одре и сопротивлявшегося небытию.

– Когда ты будешь готов воспринять, – отвечал он, пристально вглядываясь мне в лицо из-под кустистых белых бровей. – Одним тайну открывают раньше, другим позже. Со времен первого барона Кралица тайну передавали...

Он схватился за грудь и умолк. Прошло добрых пять минут, прежде чем отец собрался с силами и вновь зазвучал его могучий рокошующий голос. Барону Кралицу не пристало шептать и задыхаться в предсмертных признаниях!

– Франц, ты видел близ деревни руины старого монастыря, – заговорил он наконец. – Первый барон сжег его, а монахов предал мечу. Слишком часто настоятель мешал капризам барона. Однажды девушка искала убежища в обители, а настоятель отказался ее выдать. Терпение барона подходило к концу – тебе известны истории, которые по сию пору о нем рассказывают. Барон умертвил аббата, монастырь сжег, а девушку забрал себе. Перед смертью аббат проклял своего убийцу и сыновей его во всех грядущих поколениях. Суть этого проклятия и составляет тайну нашего дома. Я не вправе рассказать тебе, в чем проклятие заключается. Не пытайся узнать о нем раньше, чем оно будет тебе открыто. Ожидай с терпением, и в должное время хранители тайны проведут тебя по лестнице в подземную пещеру. И тогда ты узнаешь тайну Кралица.

Как только последнее слово слетело с губ моего отца, он испустил дух. Его строгое лицо и после смерти исчерчивали глубокие морщины.

Погруженный в воспоминания, я не заметил, как мы шли, но вот мои темные спутники замедлили ход у зияющего провала в каменном полу, где в подземные глубины уходила лестница, которую в своих прогулках по замку я раньше никогда не замечал. Меня повели вниз по ступеням, и некоторое время спустя я понял, что вижу некий свет – тусклое фосфоресцирующее сияние неясного происхождения, которое было не столько настоящим светом, сколько следствием привыкания глаз к почти полной темноте.

Шел я долго. Лестница поворачивала и петляла в камне, и лишь покачивающиеся впереди фигуры нарушали монотонность бесконечного спуска. Наконец глубоко под землей длинная лестница кончилась, и из-за плеч моих провожатых я увидел массивную дверь, преграждавшую путь. Она была грубо высечена из цельного камня и покрыта причудливыми, странно тревожащими резными письменами – символами, которых я не узнал. Дверь распахнулась, я вошел и заозирался, силясь что-либо разглядеть в сером море тумана.

Я стоял на пологом пандусе, который терялся в скрытой дымкой дали. Оттуда доносилась какофония приглушенных воплей и высоких резких вскриков, напоминающих непристойный

смех. Из дымки выплыли на свет темные, едва различимые фигуры и вновь исчезли, а над головой у меня на беззвучных крыльях пронеслись крупные неясные тени. Рядом со мной оказался длинный прямоугольный стол, высеченный из камня, и за этим столом восседали, разглядывая меня, человек сорок. Их глаза тускло светились в глубоких глазницах. Оба провожатых молча заняли места среди сидящих.

И внезапно густой туман стал редеть. Порыв пронизывающего ветра разорвал его в клочья и унес прочь. В быстро рассеивающейся дымке открылись дальние темные углы пещеры. Я стоял молча, скованный всепоглощающим страхом и, как ни странно, столь же мощным, необъяснимым восторгом. Часть моего сознания словно спрашивала: «Откуда этот страх?» А другая нашептывала: «Тебе здесь все знакомо!»

Но я наверняка не видел прежде этой пещеры. Если бы осознавал, что лежит глубоко внизу под замком, то не смог бы сомкнуть глаз от страха, который обуревал бы меня по ночам. Ибо сейчас, охватываемый боровшимися друг с другом волнами то ужаса, то восторга, я стоял недвижимый и созерцал причудливых обитателей подземного мира.

Демоны, монстры, не имеющие названия существа! В темноте с ревом вышагивали громадные фигуры из ночных кошмаров, двигались на коротких ножках аморфные серые твари, похожие на гигантских прямоходящих слизней. В дьявольском свечении извивались и корчились сущности из мягкой бесформенной массы, создания с налитыми огнем глазами, разброшанными, как у мифического Аргуса, по всему уродливому туловищу. В мрачном воздухе хлопали крыльями и пикировали какие-то твари, но не летучие мыши. Они с присвистом шептали – человеческими голосами.

Далеко, у подножия пандуса, можно было разглядеть студеный блеск воды – потайное море, не выдавшее солнечного света. Гладь водоема, о размерах которого я мог только догадываться, тревожили резвящиеся и вскрикивающие существа, милосердно скрытые от меня расстоянием и полутьмой. Какая-то летающая тварь простерла над моей головой кожистые крылья наподобие навеса, спикировала, зависла на мгновение, буравя меня пылающими глазами, и умчалась прочь во тьму.

И все это время, хоть я и содрогался от страха и отвращения, меня не покидало внутреннее зловещее ликование – все тот же голос, который шептал: «Тебе все это знакомо! Здесь твое место! Ты рад вернуться домой?»

Я оглянулся. Огромная дверь успела беззвучно закрыться, бежать было уже невозможно. И тогда на помощь мне пришла гордость. Я Кралиц. А истинный Кралиц не выдаст своего страха, даже оказавшись лицом к лицу с самим дьяволом!

Сделав шаг, я предстал перед стражами, которые по-прежнему сидели и пристально смотрели на меня, и в их глазах тлело пламя. Поборов дикий ужас от того, что передо мной может оказаться сборище бесплотных скелетов, я прошел во главу стола, где высилось подобие грубого трона, и взгляделся в безмолвную фигуру по правую руку от меня.

Я смотрел не на голый череп, а на мертвенно-бледное бородатое лицо. Плотно кривящиеся губы малинового цвета были словно накрасены помадой, а тусклые глаза равнодушно смотрели сквозь меня. В глубоких морщинах белого лица запечатлелась нечеловеческая мука, а ввалившиеся глаза горели гнетущей тоской. Не могу передать всей странности, всей потусторонности, которая окружала его настолько явственно, что казалась физически ощутимой, как и могильное зловоние, исходившее от его темных одеяний. Он указал укутанной в черную ткань рукой на свободное место во главе стола, и я сел.

Это ощущение нереальности происходящего, будто в ночном кошмаре! Казалось, я сплю и некая скрытая часть моего сознания медленно пробуждается, обретая зловещие черты, и подчиняет себе мои действия. Стол был уставлен старомодными кубками и блюдами – такими не пользуются уже сотни лет. На блюдах лежало мясо, а в украшенные драгоценностями кубки

был разлит красный напиток. В ноздри мне вливался пьянящий всепоглощающий аромат, смешанный с могильным духом моих товарищей по застолью и заплесневелым запахом влажного и сумрачного помещения.

Все бледные лица были обращены ко мне, и все они были мне смутно знакомы, хоть я и не знал почему. Все они походили одно на другое одинаковыми кроваво-красными чувственными губами и выражением мучительного страдания. Горящие черные глаза, напоминающие о безднах Тартара, буравили меня, так что я почувствовал, как шевелятся волоски на шее. Но я же Кралиц! Я встал и дерзко сказал на архаичном немецком, который сам по себе, совершенно привычно слетел с моих губ:

– Я Франц, двадцать первый барон Кралиц. Зачем вы меня позвали?

Вокруг длинного стола пробежал шепот одобрения. Все зашевелились. На дальнем краю поднялся огромный бородатый мужчина с пугающим шрамом, от которого вся левая сторона его лица превратилась в страшную затянувшуюся рану. И вновь по мне пробежал странный трепет узнавания. Я видел это лицо раньше и смутно помнил, как смотрю на него в тусклых сумерках.

Человек заговорил на старом гортанном немецком:

– Приветствуем тебя, Франц, барон Кралиц. Приветствуем и поднимаем тост за тебя, Франц, – и за дом Кралицев!

С этими словами он ухватил стоявший перед ним кубок и высоко воздел его. Все персоны за длинным столом, укутанные в черное, встали, и каждая взяла свой инкрустированный кубок и подняла в мою честь. Они выпили до дна, отдавая должное напитку, а я поклонился, как требовала традиция. И ответил словами, которые словно сами собой полились изо рта:

– Приветствую вас, хранители тайны Кралицев, и, в свою очередь, поднимаю за вас тост.

Везде вокруг, до самых дальних уголков тускло освещенной пещеры, установилась тишина. Не слышно стало ни криков, ни завываний, ни безумного хохота летающих тварей. Мои товарищи выжидающе подались вперед. Стоя напротив всех них во главе стола, я поднял кубок и отпил. Напиток был хмельной, будоражащий, с легким солоноватым привкусом.

И я разом осознал, почему терзаемое болью, измученное лицо моего собеседника показалось мне знакомым: я часто видел его среди портретов моих предков – хмурый изувеченный лик основателя дома Кралицев, сурово смотревший на меня сверху вниз в полумраке большой залы. В пронзившем меня жгуче-белом свете откровения я понял, кто сидит со мной за столом. Я узнавал их, одного за другим, припоминая, каким каждый изображен на холсте. Но была в них какая-то перемена! Нечто вроде неосязаемой вуали, печати неискоренимого зла лежало на истерзанных лицах тех, кто принимал меня, и это нечто странным образом изменяло их черты, так что не всякий раз я был уверен, что узнал верно. Одно бледное сардоническое лицо напомнило мне лицо отца, но в точности я бы сказать не мог – так монструозно переменялось выражение.

Я трапезничал со своими предками – с домом Кралицев!

Кубок мой был поднят, и я осушил его, ибо мрачное откровение не оказалось совершенно неожиданным. Странный жар затрепетал в жилах, и я захохотал во весь голос от дьявольского восторга, переполнявшего меня. Прочие тоже захохотали, оживленно и гортанно, словно залаляли волки, – натужный смех вздернутых на дыбу, безумный хохот преисподней! И по всей тусклой пещере понесся гомон дьявольской братии! Гигантские фигуры, возвышавшиеся над нами метра на два, закачались в громогласном ликовании, а летающие существа лукаво захихикали у нас над головой. И по всему бескрайнему затуманенному простору пронеслось пугающее воодушевление, и даже едва различимые твари в черных водах испустили столь оглушительные вопли, что у меня чуть не полопались барабанные перепонки, а недоступная глазу крыша где-то высоко вверху отражала грохочущее эхо всеобщего веселья.

Я хохотал вместе со всеми, хохотал как безумный, пока не упал в изнеможении на свое кресло. Мужчина со шрамом на другом конце стола заговорил:

– Ты достоин нашего общества и достоин есть с нами за одним столом. Мы подняли тост друг за друга, так что ты теперь один из нас, разделим же трапезу.

И мы набросились на еду, вгрызаясь, как голодные звери, в сочное белое мясо, лежащее на драгоценных блюдах. Нам прислуживали диковинные монстры, а когда я почувствовал холодное прикосновение к своей руке и обернулся, то увидел, как мой бокал наполняет жуткое существо багрового цвета, похожее на ребенка, с которого содрали кожу. Станным было наше пиршество, странным и нечестивым. Мы кричали, смеялись и насыщали утробу в дымном свете, а вокруг бесновалось адское воинство. Под замком Кралицев жил ад, и сегодня ночью он устроил безудержный карнавал.

Мы грянули неистовую застольную песню, раскачивая глубокими чашами в такт нашим возгласам. Это была древняя песня, но старинные слова не представляли никакой сложности, я выводил их так, будто выпитал с молоком матери. При мысли о матери по мне пробежали дрожь и слабость, но я прогнал их глотком хмельного напитка.

Мы еще долго пели, кричали и пировали в этой огромной пещере, а потом все встали и толпой отправились туда, где над мрачными водами озера взметнулся узкий мост с высокими арками. Но я не осмеливаюсь говорить ни о том, что было на другом конце моста, ни о неназываемых вещах, которые я видел – и которые проделывал! Я узнал о нечеловеческих грибообразных существах, которые обитают на далеком холодном Югготе, о циклопических фигурах, посещающих неспящего Ктулху в его подводном городе, о странных удовольствиях, доступных последователям чешуйчатого Йог-Сотота, подземного жителя, и узнал я также о том, каким невероятным способом поклоняются Иоду, Великому Источнику, за пределами внешних галактик. Я проник в самые черные глубины ада и вернулся – вернулся, смеясь. Я был единое целое с остальными темными хранителями и праздновал с ними их вакханалию ужаса, пока к нам снова не обратился мужчина со шрамом.

– Время наше истекает, – сказал он; его бледное бородатое лицо, изувеченное шрамом, в полумраке напоминало морду горгульи. – Скоро нам отправляться. Но ты, Франц, – истинный Кралиц, и мы встретимся снова и снова будем пировать и веселиться дольше, чем ты думаешь. Один последний тост!

– За дом Кралицев! – провозгласил я. – Да не падет он во веки веков!

И с торжествующим криком мы осушили последние терпкие капли напитка.

На меня напала непонятная апатия. Вместе со всеми я повернулся спиной к пещере и тварям, которые скакали, вопили и ползали в ней, и, пройдя сквозь вырубленные в камне ворота, стал подниматься. Мы шли вереницей по лестнице, шли бесконечно, пока не вышли сквозь отверстие в каменном полу проход и не двинулись дальше, всей темной молчаливой толпой, обратно по этим бесконечным коридорам. Окружающая обстановка понемногу становилась странно знакомой, и внезапно я узнал, где нахожусь.

Мы шли под замком, по огромной усыпальнице, где со всеми почестями хоронили баронов Кралицев. Каждого барона помещали в каменный гроб в отдельном зале. Один зал находился рядом с другим, как бусины в ожерелье, и мы двигались от самых дальних гробниц первых баронов Кралицев к еще не занятым усыпальницам. По традиции незапамятных времен каждая могила стояла открытой – как пустой мавзолей, до той поры, пока не придет ее время и внушительный каменный гроб с высеченной мемориальной надписью не будет в нее водружен. Воистину подходящее место для сохранения тайны Кралицев.

Неожиданно я почувствовал, что остался один, если не считать бородатого мужчины с уродливым шрамом. Прочие куда-то исчезли, но я, глубоко погруженный в размышления, не

сожалел об этом. Спутник остановил меня, протянув укутанную в черное руку, и я вопросительно повернулся к нему.

– Теперь я должен тебя покинуть, – звучным голосом произнес он. – Мне нужно вернуться.

И он показал туда, откуда мы пришли.

Я кивнул, поскольку уже догадался, кто были мои товарищи. Я понял, что каждый барон Кралиц, которого хоронят в гробнице, восстает после смерти в виде чудовищного существа, не живого и не мертвого, спускается в пещеру и участвует в дьявольских сатурналиях. Понял я и то, что с приближением рассвета они возвращаются в свои каменные гробы и лежат в трансе, похожем на смерть, до тех пор, пока заходящее солнце не принесет им краткое освобождение. Благодаря моим оккультным штудиям я распознал эти жуткие явления.

Я поклонился собеседнику и хотел уже вернуться в верхние палаты замка, но он преградил мне путь и медленно покачал головой. В фосфоресцирующей полутьме его шрам выглядел особенно пугающе.

– Мне еще нельзя уйти? – спросил я.

Он удивленно посмотрел на меня измученными горящими глазами, которые узрели ад, и указал на что-то рядом со мной, и меня яркой вспышкой озарило кошмарное откровение: я узнал тайну проклятия Кралицев. Пришло понимание, от которого мой ум обернулся дикой пляской визжащих порождений тьмы; пришло осознание страшного факта: когда именно каждый барон Кралиц проходит инициацию в братство крови. Теперь я знал – знал доподлинно, – что ни один гроб не помещали в гробницы незанятым. И на каменном саркофаге у своих ног я прочел надпись, которая открыла мне мою судьбу. Прочел не что иное, как свое собственное имя: «Франц, двадцать первый барон Кралиц».

Пожиратель душ

В Бел-Ярнаке на неземном языке рассказывают, что в неизмеримой бездне, известной как Серая пропасть Ярнака, некогда жило злобное и опасное существо. Бел-Ярнак находится не на Земле или на какой-нибудь из планет, обращающихся вокруг звезд на известных нам небесах; башни и серебряные минареты этого города стоят на зеленой, цветущей, пышущей сладострастной юностью планете далеко за Бетельгейзе, за Звездами-Великанами. Обитатели Бел-Ярнака не ходят на двух ногах, да и вообще мало похожи на людей, но долгими теплыми ночами в их диковинных очагах горит огонь, а если где-то во Вселенной есть огонь, одни будут складывать возле него легенды, а другие слушать их затаив дыхание, к удовольствию рассказчика. Правит Бел-Ярнаком милосердный Синдара, однако в стародавние времена обреченность и страх саваном укутывали эти земли, а в Серой пропасти Ярнака обитала жуткая мерзость. Небеса скрывала мрачная колдовская завеса, за которой было не видно ни одной из трех лун.

В эти земли прибыло страшное существо, чтобы утолить свой злобный голод, и поэтому обитатели Бел-Ярнака нарекли его Пожирателем душ. Невозможно описать это существо, ибо всякий, кому удавалось его увидеть, уже не возвращался, чтобы о нем рассказать. Оно дремало в бездне, пока голод не вынуждал его проснуться, и тогда оно издавало беззвучный клич, и в корчмах и храмах, у очагов и во мраке ночи кто-нибудь обязательно поднимался с бесстрастным, отмеченным печатью смерти лицом и шагал из Бел-Ярнака к Серой пропасти. Никто не возвращался. Поговаривали, что тварь из бездны – наполовину бог, наполовину демон и что души убитых обречены вечно служить ей, выполняя невероятные поручения в ледяных пустошах среди звезд. Гидроманты утверждали, что тварь прибыла с темного солнца, где была рождена в богомерзком союзе бессмертных Древних, странствующих через вселенные, и черного светила неизвестной природы. Некроманты говорили иное, но они ненавидели гидромантов, которые в те времена пользовались почетом, и потому их предсказания по рунам отменялись как недостоверные. Но Синдара прислушивался к волшебникам обеих школ и размышлял на своем халцедоновом троне, покуда не решил добровольно отправиться к Серой пропасти Ярнака, которая считалась бездонной.

Некроманты дали Синдаре удивительные орудия из костей мертвых, а гидроманты подарили ему затейливо переплетенные трубки из прозрачного хрусталя, с помощью которых можно было одолеть Пожирателя душ. После этого некрманты с гидромантами расселись у городских ворот и принялись заунивно причитать вслед Синдаре, отправившемуся к западу на своем верном горлаке, быстроногом, но отвратительном ящере. Отъехав на почтительное расстояние, Синдара выбросил все подарки, ибо он поклонился Ворвадосу, как и все прежние Синдары. Никто, кроме Синдар Бел-Ярнака, не может служить Ворвадосу: таково повеление самого бога. Поэтому Синдара спешил и истово помолился Ворвадосу. Какое-то время ответа не было.

Потом пески вздыбились, и Синдару ослепил водоворот танцующих песчинок. Из водоворота зазвучал тонкий голос бога, похожий на перезвон множества крошечных хрустальных кубков.

– Ты идешь на верную гибель, – зловеще возвестил Ворвадосс. – Но в Бел-Ярнаке спит твой сын, а значит, у меня будет последователь, когда тебя не станет. Ступай без страха, ибо одному богу не одолеть другого бога; это под силу лишь человеку, создавшему его.

Произнеся эти загадочные слова, Ворвадосс скрылся, а Синдара, поразмыслив, продолжил свой путь. Вскоре он прибыл к неизмеримой бездне, из которой, по легенде, родилась ближайшая луна, и пал ниц у ее края, с дрожью и тошнотой заглянув в туманную пустоту. Из

пропасти дул холодный ветер, дна не было видно. Вдалеке смутно маячил противоположный край ущелья.

Быстро карабкаясь по острым камням с помощью многочисленных конечностей, из бездны поднялся тот, кого надеялся найти Синдара. Он был белым, мохнатым и донельзя отвратительным, казался громадным из-за паучьих ног, но уродливая голова поднималась до пояса Синдары, не выше. Следом за ним вылезли души, которые он забрал; шепча мольбы, они толпились в воздухе, причитали, вздыхали о Нирване, путь в которую был им заказан. Синдара вынул меч и замахнулся на врага.

Сказители до сих пор складывают саги о той битве на краю бездны, ибо она заняла бесконечный отрезок вечности. Синдара был изранен, измотан и залит кровью, а его противник не получил ни царапины и презрительно смеялся. Затем демон приготовился к трапезе.

В голове Синдары раздался шепот, звонкий зов Ворвадосса:

– Во вселенной существует много видов плоти, но есть и то, что к плоти не относится. Этим и кормится Пожиратель душ.

И он рассказал Синдаре об удивительном пиршестве, о том, как в итоге слияния двух личностей и поглощения более слабой рождается более сильный полубог, а освободившаяся душа присоединяется к скорбной процессии тех, кто служит существу. Знание поселилось в мозгу Синдары, а с ним пришла мрачная решимость. Широко раскинув руки, он был готов принять смертельные объятия, ибо Ворвадосс также поведал ему, как обмануть злой рок.

Тварь бросилась навстречу Синдаре, его кости и плоть застонали в невыносимых муках; цитадель его естества пошатнулась, душа с криком забилась в угол своих покоев. На краю Серой пропасти Ярнака произошло чудовищное слияние – метаморфоза и поглощение, – богопротивное и неопишимо жуткое. Словно проглоченные зыбучими песками, Синдара и тварь растворились друг в друге.

Но даже среди этой ослепляющей агонии Синдара почувствовал еще более сильную боль, узрев перед собой всю красоту земли, которой он правил. Он подумал, что никогда не видел ничего столь же прекрасного, как его зеленая, цветущая страна, и его сердце пронзила боль, ощущение утраты и щемящей пустоты, которую никогда не заполнить. И он заглянул в черные злобные глаза Пожирателя душ, что блестели прямо напротив, и сквозь них, в холодную, серую, устрашающую бездну. Слезы брызнули у него из глаз, и сердце затосковало по серебряным минаретам и башням Бел-Ярнака, такого беззащитного и прекрасного в ярких лучах трех лун, ибо Синдара знал, что больше его не увидит.

Ослепленный слезами, он в последний раз повернул голову, чувствуя приближение рока. Прыгнув вперед, он услышал отчаянный вопль, и в тот же миг полубог с человеком полетели вниз с головокружительной высоты, а стена пропасти понеслась вверх мимо них. Так, и только так, говорил Ворвадосс, можно снять заклятие.

И чем дальше вниз уходила стена пропасти, тем сильнее она выгибалась, пока не скрылась в тусклой серой дымке, и Синдара летел в глухом тумане, чтобы исчезнуть в кромешной тьме – навсегда.

Салемский кошмар

Впервые услышав в подвале какие-то звуки, Карсон подумал: крысы. Позже до него дошли рассказы о прежней жилище старинного особняка, Абигейл Принн, – о ней перешептывались суеверные поляки с фабрики на Дерби-стрит. Ныне из тех, кто помнил злобную старую ведьму, в живых никого уже не осталось, но зловещие легенды, расцветшие пышным цветом в «ведьминском квартале» Салема, подобно буйным сорнякам на заброшенной могиле, изобиловали жутковатыми подробностями ее деятельности и с пренебрежительной откровенностью повествовали об отвратительных жертвоприношениях, что она якобы совершала перед изъеденным червями, увенчанным серповидными рогами идолом сомнительного происхождения. А старожилы и по сей день пересказывали разные байки про Абби Принн, которая, к вящему ужасу всех и каждого, хвасталась, будто она-де – верховная жрица чудовищно могущественного божества, что живет глубоко в холмах. На самом деле именно дерзкая похвальба старой карги послужила причиной ее внезапной загадочной смерти в 1692 году, приблизительно в то же время, когда состоялись знаменитые казни на Виселичном холме. Говорить об этом не любили, но время от времени какая-нибудь беззубая старушенция боязливо бормотала, что, дескать, огонь не в силах был причинить ей вред, потому что благодаря «ведьминскому знаку» все тело ее не чувствовало боли.

Абби Принн вместе со своей необычной статуей давным-давно сгинули в никуда, но найти жильцов в ее обветшалый дом с фронтонами, нависающим вторым этажом и диковинными створными оконцами с ромбовидными решетками, было непросто. Дурная слава о доме давно распространилась по всему Салему. За последние годы не произошло ровным счетом ничего, что могло бы дать пищу невероятным рассказам, но те, кто снимал особняк, обычно вскорости поспешно из него выезжали, обычно отделяваясь туманными и невразумительными объяснениями касательно крыс.

Крыса-то и привела Карсона в ведьминскую комнату. Писк и приглушенный топоток внутри гниющих стен не раз и не два будили Карсона по ночам в течение первой недели его пребывания в доме: он арендовал особняк, надеясь в уединении закончить роман, который требовали издатели: очередной образчик легкого чтива вдобавок к длинной череде Карсоновых бестселлеров. Но лишь спустя какое-то время Карсон принялся строить вопиюще фантастические догадки касательно разумности крысы, что однажды вечером шмыгнула у него из-под ног в темной прихожей.

Электричество в доме было, но тусклая маленькая лампочка в прихожей света почти не давала. Крыса уродливой темной тенью метнулась в сторону, отбежала на несколько футов и остановилась, явно наблюдая за жильцом.

В другое время Карсон просто прогнал бы тварь угрожающим жестом и вернулся к работе. Но движение на Дерби-стрит грохотало громче обычного, и Карсону никак не удавалось сосредоточиться на романе. Бог весть почему нервы его были на взводе: ему даже пришло в голову, что крыса, устроившаяся за пределами досягаемости, смотрит на него и сардонически усмехается.

Поулыбавшись собственным странным причудам, Карсон шагнул к крысе – и она метнулась к подвальной двери, которая, к вящему его удивлению, оказалась распахнута настежь. Должно быть, он сам позабыл затворить ее, когда заходил в подвал в последний раз, хотя обычно он тщательно прикрывал двери, ибо в старинном особняке повсюду гуляли сквозняки. Крыса ждала на пороге.

Во власти необъяснимого раздражения, Карсон кинулся вперед. Крыса метнулась вниз по лестнице. Он включил в подвале свет: тварь устроилась в углу и не сводила с него внимательных блестящих глазок.

Спускаясь по ступеням, Карсон никак не мог избавиться от ощущения, что ведет себя как распоследний дурак. Но работа его утомила; подсознательно он был только рад отвлечься. Он направился к крысе, с изумлением отмечая, что тварь не трогается с места и неотрывно глядит на него. В душе его всколыхнулось странное беспокойство. По всем ощущениям, крыса вела себя ненормально, а немигающий взгляд ее холодных, как обувные пуговицы, глаз вселял безотчетную тревогу.

А в следующий миг Карсон рассмеялся про себя: крыса внезапно метнулась в сторону и скрылась в небольшой дыре в стене. Карсон небрежно нацарапал носком ботинка крест в пыли перед самой норой, решив, что поутру поставит там мышеловку.

Крыса опасно выставила нос и пошевелила истрепанными усами. Выснулась, замешкалась, отпрянула. А затем грызун повел себя необычно и необъяснимо: прямо-таки подумаешь, что крыса танцует, сказал себе Карсон. Она робко подалась вперед – и вновь отступила. Рванулась было наружу, резко остановилась, поспешно вернулась; как если бы перед входом в нору свернулась змея, закрывая крысе путь к бегству, промелькнуло в голове у Карсона неожиданное сравнение. Между тем там не было ничего, кроме нарисованного в пыли крестика.

Вне всякого сомнения, это сам Карсон мешал крысе удрать – ведь он стоял в нескольких футах от норы. Он шагнул вперед – и тварь поспешно спряталась.

Заинтересовавшись, Карсон отыскал палку и пошарил ею в норе. И тут, оказавшись к стене чуть не вплотную, заметил в каменной плите над самой норой нечто необычное. Оглядел ее края – и подозрения подтвердились. Плита, по всей видимости, крепилась отнюдь не намертво.

Карсон внимательно изучил плиту и обнаружил с краю углубление, позволяющее ухватиться рукой. Пальцы легко легли в пазы – и он осторожно потянул на себя. Камень чуть сдвинулся – и застрял. Карсон дернул резче – посыпалась сухая земля, и плита отошла от стены, точно провернувшись на шарнирах.

В стене зиял черный прямоугольный провал высотой примерно по плечи. Из глубины потянуло неприятной затхлостью спертого воздуха; Карсон непроизвольно отпрянул. В памяти разом воскресли страшные рассказы про Абби Принн и страшные тайны ее дома. Уж не обнаружил ли он ненароком какое-нибудь потаенное убежище давно покойной ведьмы?

Прежде чем лезть в черный провал, Карсон сходил наверх за электрическим фонариком. И, осторожно пригнувшись, вступил в тесный, дурно пахнущий проход и поволил лучом прямо перед собою предосторожности ради.

Он оказался в узком коридоре с низким потолком – немногим выше его головы, стены и пол которого были выложены каменными плитами. Коридор уводил прямо вперед метров на пятнадцать, после чего расширялся, превращаясь в просторную комнату. Карсон вступил в подземный покой – вне всякого сомнения, сокровенное убежище Абби Принн, ее тайник надо думать, который, однако ж, не спас владелицу в тот день, когда обезумевшая от страха толпа бесновалась на Дерби-стрит, – и охнул от изумления. Поразительная комната, просто фантастика, да и только!

Взгляд Карсона был прикован к полу. Тускло-серый цвет стен здесь сменялся мозаикой разноцветных камней, с преобладанием синих, зеленых и пурпурных оттенков, – что примечательно, более теплые тона отсутствовали. Рисунок, должно быть, состоял из тысяч и тысяч фрагментов цветного камня, поскольку размером любой из них был не больше каштана. Мозаика, по всей видимости, складывалась в некий определенный узор, Карсону неведомый: пурпурные и фиолетовые изгибы перемежались с угловатыми зелено-синими линиями, сплетаясь в фантастические арабески. Тут были и круги, и треугольники, и пентаграмма, и другие, менее известные фигуры. Линии и формы по большей части отходили от определенной точки: от центра зала, обозначенного круглым диском тусклого черного камня примерно фута два в диаметре.

Вокруг царил мертвая тишина. Грохот машин, что время от времени проезжали наверху по Дерби-стрит, сюда не доносился. В неглубокой стенной нише Карсон заметил какие-то знаки и беспешно направился в ту сторону, водя лучом фонарика вверх и вниз по впадине.

Знаки, уж что бы они из себя ни представляли, были намалеваны на камне давным-давно, ибо то, что осталось от загадочных символов, расшифровке не поддавалось. Карсон рассмотрел несколько полустертых иероглифов, с виду похожих на арабские, а впрочем, кто их знает. На полу ниши обнаружился проржавевший металлический диск примерно восьми футов в диаметре: Карсон был практически уверен, что диск сдвигается с места, но приподнять его так и не смог.

Тут он осознал, что стоит точно в центре комнаты, в круге из черного камня, вокруг которого сконцентрирован странный узор. И снова Карсон отчетливо осознал, какая глубокая тишина стоит вокруг. словно по наитию, он выключил фонарик. И очутился в непроглядной темноте.

В это самое мгновение странная мысль родилась в его мозгу. Ему вдруг представилось, что он стоит на дне колодца, а сверху обрушивается неодолимый поток – несется вниз и вот-вот его поглотит. Ощущение было настолько сильным, что Карсону даже почудилось, будто он слышит глухой гул и рев водопада. Содрогнувшись, он включил свет и панически заозирался. Что до грохота – это, конечно же, просто-напросто в висках стучало, а в гробовой тишине этот звук слышался вполне отчетливо. Но если здесь так тихо...

И тут его осенило – как если бы кто-то вложил нужную мысль в его сознание. А ведь здесь идеальное место для работы! Можно провести сюда электричество, поставить стол и стул, при необходимости воспользоваться электровентилятором, хотя затхлая вонь, столь ощутимая в первые мгновения, развеялась, будто ее и не было. Карсон вернулся к выходу из коридора и, оказавшись вне комнаты, почувствовал, как все мышцы его необъяснимым образом расслабились, а ведь он и не сознавал, в каком напряжении они пребывали. Он все списал на нервозность и поднялся наверх – сварить себе чашку черного кофе и написать домовладельцу в Бостон о своем открытии.

Гость, впущенный Карсоном, с любопытством заозирался, оглядывая прихожую и удовлетворенно кивая сам себе. Он был высок, худощав, над пронизательными серыми глазами нависали густые седые, стального оттенка, брови.

– Вы, надо думать, по поводу ведьминской комнаты? – неприветливо осведомился Карсон.

Его домовладелец язык за зубами держать не пытался – и в результате всю последнюю неделю Карсон поневоле вынужден был принимать у себя антикваров и оккультистов, жаждущих хоть одним глазком взглянуть на потайную комнату, в которой Абби Принн творила свои заклинания. Раздражение Карсона росло день ото дня, и он уже подумывал переехать в какой-нибудь дом поспокойнее, но врожденное упрямство не позволяло ему стронуться с места: он твердо вознамерился закончить книгу, несмотря на докучливых визитеров.

– Прошу меня простить, но комната больше не демонстрируется, – отрезал Карсон, смеясь гостя холодным взглядом.

Тот было опешил, но тут же в глазах его блеснуло понимание. Он достал визитку и вручил ее Карсону.

– Майкл Ли... оккультист, значит? – повторил Карсон. И вдохнул поглубже. Оккультисты, как он убедился на собственном опыте, были хуже всех прочих, вместе взятых, с их зловещными намеками на то, чему и названия-то нет, и с их жадным интересом к мозаичному узору на полу ведьминской комнаты. – Мне страшно жаль, мистер Ли, но... я действительно очень занят. Прошу меня простить.

И Карсон нелюбезно повернулся к двери.

– Минуточку, – быстро возразил Ли.

И не успел Карсон воспротивиться, как Ли ухватил писателя за плечи и заглянул в его глаза. Потрясенный Карсон отпрянул, но успел-таки заметить странное выражение в лице гостя: причудливую смесь тревоги и удовлетворения, как если бы оккультист увидел нечто неприятное, но не то чтобы совсем неожиданное.

– Это еще что такое? – резко осведомился Карсон. – Я не привык...

– Прошу меня извинить, – промолвил Ли глубоким, приятным голосом. – Я должен попросить у вас прощения. Я подумал... впрочем, извините еще раз. Боюсь, я слишком разволновался. Видите ли, я приехал из самого Сан-Франциско только для того, чтобы увидеть эту вашу ведьминскую комнату. Может быть, вы мне все-таки ее покажете? Я охотно заплачу любую сумму...

Карсон примирительно развел руками.

– Нет, – отозвался он, чувствуя, что вопреки себе все больше проникается симпатией к этому человеку – к его выразительному, приятному голосу, к его властному лицу, к его притягательной личности. – Нет-нет, мне просто хочется хоть немного покоя – вы и представить себе не можете, как мне докучают, – продолжал он, слегка удивляясь собственным оправдывающимся интонациям. – Ужасно досадно на самом деле. Я почти жалею, что обнаружил эту комнату.

Ли взволнованно подался вперед:

– Можно мне взглянуть на нее? Мне это крайне важно – я живо интересуюсь такого рода вещами. Обещаю, что не займу больше десяти минут вашего времени.

Поколебавшись, Карсон кивнул. Ведя гостя в подвал, он, к вящему своему изумлению, осознал, что рассказывает об обстоятельствах, при которых обнаружил пресловутую комнату. Ли жадно слушал, время от времени перебивая рассказчика вопросом-другим.

– А крыса... вы не видели, что с ней случилось? – полюбопытствовал гость.

Карсон озадаченно нахмурился:

– Да нет. Наверное, в нору спряталась. А что?

– Как знать, – загадочно отозвался Ли.

И они вошли в ведьминскую комнату. Карсон включил свет. Он провел в подвал электричество, и тут и там стояли стулья и стол, но во всем остальном комната нимало не изменилась. Карсон внимательно наблюдал за выражением лица оккультиста и с удивлением отметил, как тот помрачнел и словно бы не на шутку рассердился.

Ли подошел к центру комнаты и долго разглядывал стул, установленный на черном каменном круге.

– Вы здесь работаете? – медленно осведомился он.

– Да. Здесь тихо – я обнаружил, что наверху работать не могу. Слишком там шумно. А здесь – просто идеально: отчего-то мне здесь и пишется легко. Разум словно... – Карсон замялся, подыскивая нужное слово, – словно освобождается, отрешается от всего лишнего. Очень необычное ощущение.

Ли кивнул, как если бы слова Карсона подтвердили некие его собственные догадки. Он направился к нише и к металлическому диску на полу. Карсон последовал за ним. Оккультист подошел к стене вплотную и проследил очертания поблекших символов длинным указательным пальцем. И пробормотал что-то про себя – тарабарщину какую-то, как показалось Карсону.

– Ньюгтха... к'йарнак...

Гость резко развернулся, он был мрачен и бледен.

– Я видел достаточно, – тихо проговорил он. – Не выйти ли нам?

Удивленный Карсон кивнул и вывел гостя обратно в подвал.

Уже поднявшись наверх, Ли помялся немного, словно не решаясь затронуть щекотливую тему. И наконец спросил:

– Мистер Карсон, можно у вас полюбопытствовать, не снилось ли вам за последнее время чего-либо примечательного?

Карсон воззрился на гостя: в глазах его заплясали смешливые искорки.

– Снилось? – повторил он. – А, понятно. Ну что ж, мистер Ли, признаюсь честно: вам меня не запугать. Ваши собратья – ну, другие оккультисты, которых я здесь принимал, – уже пытались.

Ли приподнял кустистые брови:

– Да? Они вас спрашивали про сны?

– Некоторые – спрашивали.

– И вы им рассказали?

– Нет.

Ли, озадаченно нахмурившись, откинулся в кресле, а Карсон между тем медленно продолжал:

– Хотя, признаться, я и сам не вполне уверен.

– То есть?

– Мне кажется... есть у меня смутное ощущение... будто в последнее время мне и впрямь что-то снится. Но я не поручусь. Из этого сна я ничего ровным счетом не помню. И – о, вполне вероятно, что не кто иной, как ваши собратья-оккультисты и вложили эту мысль мне в голову!

– Не исключено, – уклончиво отозвался Ли, поднимаясь на ноги. И, поколебавшись, добавил: – Мистер Карсон, я вам задам неделикатный вопрос. А так ли вам необходимо жить в этом доме?

Карсон обреченно вздохнул:

– Когда мне задали этот вопрос в первый раз, я объяснил, что мне нужно тихое, спокойное прибежище для работы над книгой – причем подойдет любое. Но найти такое непросто. Теперь, когда я обосновался в ведьминской комнате и мне так легко пишется, не вижу, с какой стати мне съезжать, – чего доброго, из графика выбьюсь! Я покину этот дом, как только закончу роман, а тогда, господа оккультисты, приходите и делайте с особняком что угодно, хоть в музей его превращайте, хоть во что. Мне дела нет. Но пока книга не закончена, я намерен оставаться здесь.

Ли потер подбородок:

– Правда ваша. Я вас понимаю. Но... неужели во всем доме нет другого удобного места для работы?

Мгновение он вглядывался в лицо Карсона, а затем поспешно продолжил:

– Я не жду, что вы мне поверите. Вы материалист, как люди в большинстве своем. Но есть немногие избранные, кому ведомо, что над и за пределами так называемой науки есть наука еще более великая, основанная на законах и принципах, для среднего человека непостижных. Если вы читали Мейчена, то, конечно, помните его рассуждения о бездонном провале между миром сознания и миром материи. Но через провал этот возможно перекинуть мост. Таким мостом как раз и является ведьминская комната! Вы знаете, что такое акустический свод – или так называемая «шепчущая галерея»?

– Что? – недоуменно отозвался Карсон. – При чем тут?..

– Это аналогия – всего-навсего аналогия! Можно прошептать слово в галерее или в пещере – и, если вы стоите в некоем определенном месте на расстоянии сотни футов, вы услышите этот шепот, а человек в десяти шагах от говорящего не услышит. Простой акустический трюк, не более, – звук фокусируется в одной точке. Но тот же самый принцип применим далеко не только к звуку. А к любому волновому импульсу – и даже к мысли!

Карсон попытался перебить гостя, но Ли неумолимо продолжал:

– Черный камень в центре вашей ведьминской комнаты – одна из таких точек фокуса. Узор на полу... когда вы сидите на том черном круге, вы становитесь повышенно чутки к определенным вибрациям или флюидам – определенным мысленным приказам, – о, сколь опасна эта чувствительность! Как думаете, почему, работая здесь, вы ощущаете небывалую ясность в мыслях? Это заблуждение, обманное чувство прозрачности восприятия, ибо вы всего-навсего орудие, микрофон, настроенный улавливать некие пагубные эманации, сути которых не понимаете!

В лице Карсона, как в зеркале, отражалось изумленное недоверие.

– Но... вы же не хотите сказать, что и вправду верите...

Ли отстранился, взгляд его утратил напряженность. Теперь гость смотрел холодно и мрачно.

– Хорошо же. Но я изучал историю этой вашей Абигейл Принн. А она тоже понимала сверхнауку, о которой я говорю. И пользовалась ею в недобрых целях – черная магия, вот как это называется. Я читал, что в старину она прокляла Салем, – а ведьминское проклятие – штука опасная. Вы не... – Гость встал, закусил губу. – Вы не позволите мне зайти к вам завтра?

Едва ли не против воли Карсон кивнул:

– Но я боюсь, вы даром теряете время. Я не верю... Ну, то есть я хочу сказать, что у меня нет... – Он запнулся, не находя нужного слова.

– Мне всего лишь хотелось бы удостовериться, что вы... Да, и еще одно. Если вам сегодня что-то приснится, вы не попытаетесь запомнить сон? Если попытаться прокрутить сон в голове сразу после пробуждения, то, скорее всего, он уже не забудется.

– Хорошо. Если, конечно, мне и впрямь что-то приснится.

В ту ночь Карсону и впрямь приснился сон. Он проснулся перед самым рассветом с неистово бьющимся сердцем и подспудным ощущением тревоги. В стенах и под полом воробовато сновали и возились крысы. Карсон поспешно выбрался из постели, дрожа в зябких предутренних сумерках. Бледная луна все еще слабо светила в тускнеющем небе.

И тут Карсон вспомнил слова своего гостя. Да, сон ему приснился – вне всяких сомнений. Но вот содержание сна – дело другое. Сколько бы он ни пытался, вспомнить, о чем был сон, не удавалось, осталось лишь смутное ощущение панического бегства сквозь тьму.

Карсон по-быстрому оделся и, поскольку недвижимое безмолвие раннего утра в старом особняке действовало ему на нервы, вышел купить газету. Было слишком рано, магазины еще не открылись, так что он зашагал в западном направлении в поисках какого-нибудь мальчишки-газетчика и свернул на первом же углу. Он шел, и мало-помалу им овладевало странное, необъяснимое чувство: узнаваемость! Он ходил здесь прежде, очертания домов и контуры крыш казались смутно, пугающе знакомыми. Но – вот ведь фантастика! – на его памяти он на этой улице в жизни не бывал! В этом районе Салема он прогуливался нечасто, ибо по природе своей был ленив; и однако ж – удивительное дело! – его захлестывали воспоминания, и чем дальше он шел, тем живее и ярче они становились.

Карсон дошел до угла и не задумываясь свернул налево. Загадочное ощущение нарастало. Он шагал медленно, размышляя про себя.

Вне всякого сомнения, он действительно ходил этим путем прежде – просто он, по-видимому, в тот момент настолько глубоко погрузился в мысли, что даже не сознавал, где находится. Разумеется, вот вам и объяснение! И однако ж стоило ему выйти на Чартер-стрит – и в душе его всколыхнулась безотчетная тревога. Салем пробуждался; с рассветом флегматичные рабочие-поляки потоком хлынули в сторону фабрик. Время от времени мимо проезжала машина.

Впереди на тротуаре собралась целая толпа. Предчувствуя недоброе, Карсон ускорил шаг. И, потрясенный до глубины души, осознал, что перед ним кладбище на Чартер-стрит,

древний «Погост», пользующийся самой недоброй славой. Карсон поспешно протолкался сквозь людское сборище.

До слуха его донеслись приглушенные замечания, прямо перед ним воздвиглась широкая спина в синем. Карсон заглянул полисмену через плечо – и задохнулся от ужаса.

К железной решетке кладбищенской ограды прислонился человек в дешевом, безвкусном костюме. Он вцепился в проржавевшие прутья так крепко, что на тыльных сторонах волосатых рук взбугрились мышцы. Человек был мертв, и в лице его, запрокинутом к небу под неестественным углом, застыло выражение неизбывного, ледящего душу ужаса. Глаза чудовищно вытарашены, одни белки видны; губы скривились в безрадостной ухмылке.

Какой-то зевака, белый как полотно, обернулся к Карсону.

– Похоже, он от страха помер, – хрипло промолвил он. – Не дай боже мне увидеть, чего он насмотрелся. Бррр... Вы только на лицо его взгляните!

Карсон непроизвольно отпрянул, чувствуя, как ледяное дыхание неназванного пробирает его до костей. Он провел рукой по глазам, но перед внутренним взором его по-прежнему плавало искаженное мертвое лицо. Он попятился назад, до глубины души потрясенный, дрожа мелкой дрожью. Ненароком глянул в сторону, обвел глазами могилы и памятники, испещрившие старое кладбище. Здесь уже больше века никого не хоронили, и затянутые лишайником надгробия с их крылатыми черепами, щекастыми херувимами и погребальными урнами словно источали неувлимые миазмы архаики. Что же напугало беднягу до смерти?

Карсон вдохнул поглубже. Труп представлял собою жуткое зрелище, что правда, то правда, но нельзя позволять себе так расстраиваться. Нельзя ни в коем случае – а то, чего доброго, книга пострадает. Кроме того, мрачно доказывал он сам себе, объяснение происшествия напрашивается само собою. Покойный, по всей видимости, из числа тех поляков-иммигрантов, которые живут в окрестностях салеменной гавани. Бедолага проходил ночью мимо кладбища – того самого места, что на протяжении трех веков обрастало кошмарными легендами, – и одурманенный винными парами взгляд, должно быть, наделил реальностью смутные фантомы суеверного ума. Всем и каждому известно, насколько эти поляки эмоционально неуравновешенны, насколько склонны к массовым истериям и безумным домыслам. Великая иммигрантская паника 1853 года, в ходе которой сожгли дотла три ведьминских дома, вспыхнула от сбивчивых, истерических рассказов какой-то старухи о том, что она-де своими глазами видела, как загадочный, одетый в белое иностранец «снял с себя лицо». «И чего прикажете ждать от таких людей?» – думал Карсон.

Тем не менее разнервничался он не на шутку и домой возвратился только после полудня. Обнаружив, что Ли, давешний оккультист, уже дожидается под дверью, Карсон весьма обрадовался гостю и сердечно пригласил его заходить.

Ли был непривычно серьезен.

– А вы уже слышали про эту вашу приятельницу Абигейл Принн? – осведомился он без предисловия.

Карсон, разливавший через сифон содовую по бокалам, воззрился на гостя во все глаза, рука его застыла в воздухе. Повисла долгая пауза. Наконец он нажал на рычаг, и жидкость, шипя и пенясь, хлынула в виски. Он протянул один бокал Ли, второй аккуратно взял сам – и только тогда ответил на вопрос.

– Не понимаю, о чем вы. Абигейл Принн... Ну и что такого она натворила? – вымученно пошутил он.

– Я ознакомился с архивами, – сообщил Ли, – и выяснил, что Абигейл Принн была похоронена четырнадцатого декабря тысяча шестьсот девяностого года на кладбище Чартер-стрит, причем в сердце ей вонзили кол. Что с вами?

– Ничего, – невыразительно отозвался Карсон. – Что же дальше?

– Так вот, ее могила была вскрыта и разграблена, вот и все. Кол был вырван: его обнаружили неподалеку, и повсюду вокруг могилы земля испещрена следами. Следами ботинок. Карсон, вам что-нибудь снилось нынче ночью? – отрывисто осведомился Ли.

Его серые глаза смотрели сурово и холодно.

– Не знаю, – растерянно отозвался Карсон, потирая лоб. – Не помню. Нынче утром я был на кладбище Чартер-стрит.

– А! Значит, вы слышали про того парня, который...

– Я его видел, – перебил Карсон, передернувшись. – До сих пор в себя прийти не могу.

И он одним глотком осушил бокал.

Ли не сводил с него глаз.

– Итак, – промолвил он немного времени спустя. – Вы по-прежнему намерены оставаться в этом доме?

Карсон опустил бокал и поднялся на ноги.

– А почему бы и нет?! – рявкнул он. – Какая такая причина может мне воспрепятствовать? А?

– После всего того, что случилось прошлой ночью...

– А что такого случилось? Ограбили могилу. Суеверный поляк случайно увидел грабителей – и умер от страха. И что?

– Вы пытаетесь убедить самого себя, – спокойно парировал Ли. – В глубине души вы знаете – не можете не знать – правду. Вы стали орудием в руках чудовищных, кошмарных сил, Карсон. На протяжении трех веков Абби Принн – живой мертвец – лежала в могиле, дожидаясь, чтобы кто-нибудь угодил в ее ловушку – в ведьминскую комнату. Возможно, сооружая ее, она прозревала будущее: увидела, что в один прекрасный день кто-то случайно наткнется на адский покой и попадет в западную мозаичного узора. Попались вы, Карсон, и дали возможность этой мерзкой нежити перекинуть мост через провал между сознанием и материей, установить с вами связь. Для существа, наделенного страшной властью Абигейл Принн, гипноз – это детские игрушки. Ей ничего не стоило принудить вас пойти к ее могиле, вырвать кол, удерживающий ее в плену, а затем стереть в вашем разуме воспоминание об этом действии, чтобы оно даже во сне не воскресало!

Карсон вскочил на ноги, глаза его вспыхнули странным светом.

– Во имя Господа, вы вообще понимаете, что говорите?

Ли хрипло рассмеялся:

– Во имя Господа? Скорее во имя дьявола – того самого дьявола, что в это мгновение угрожает Салему: ибо Салем в опасности, в страшной опасности! Абби Принн прокляла мужчин, и женщин, и детей города, когда ее привязали к столбу и обнаружили, что огонь ее не берет! Сегодня утром я поработал с кое-какими секретными архивами и вот пришел в последний раз попросить вас покинуть этот дом.

– Вы закончили? – холодно осведомился Карсон. – Прекрасно. Так вот, я остаюсь здесь. Вы либо не в себе, либо пьяны, но вся эта чушь меня не убеждает.

– А если я предложу вам тысячу долларов, вы уедете? – спросил Ли. – Или даже больше – десять тысяч? В моем распоряжении имеется весьма значительная сумма.

– Нет, черт побери! – рявкнул Карсон в порыве гнева. – Все, чего я хочу, – это в тишине и покое закончить мой новый роман. Нигде больше я работать не могу и не хочу. И не стану!..

– Я этого ждал, – тихо промолвил Ли. В голосе его, как ни странно, звучало сочувствие. – Господи, да вы же не способны вырваться! Вы угодили в ловушку и освободиться уже не в силах – пока разум Абби Принн контролирует вас через ведьминскую комнату. А самое страшное в том, что являть себя она может только с вашей помощью, – она пьет ваши жизненные силы, Карсон, кормится вами, как вампир!

– Вы с ума сошли, – глухо отозвался Карсон.

– Мне страшно. Тот железный диск в ведьминской комнате – я боюсь его и того, что под ним. Абби Принн служила странным богам, Карсон, и я прочел кое-что на стене в той нише, что дало мне подсказку. Имя Ньюгта вам что-нибудь говорит?

Карсон раздраженно помотал головой. Ли пошарил в кармане и извлек клочок бумаги.

– Я выписал этот отрывок из одной книги в кестерской библиотеке, называется она «Некрономикон», а сочинил ее человек, настолько глубоко ушедший в изучение запретных тайн, что его прозвали безумным. Вот, прочтите.

Нахмурившись, Карсон прочел следующее:

Люди знают его как Обитателя Тьмы, этого собрата Властителей по имени Ньюгта, Тот, кого быть не должно. Его возможно призвать на поверхность земли через потайные пещеры и расселины; колдуны и чародеи видели его в Сирии и под черной башней на плато Ленг; из грота Танг в Тартарии вырвался он, сея ужас и разрушение среди шатров великого хана. Лишь с помощью египетского креста, заклинания Вак-Вираддж и эликсира тиккоун возможно изгнать его обратно в ночную черноту и мерзость сокрытых пещер, где его обиталище.

Ли спокойно выдержал недоуменный взгляд Карсона:

– Теперь понимаете?

– Заклинания и эликсиры! – фыркнул Карсон, возвращая выписку. – Чушь несусветная!

– Вовсе нет. И заклинание, и эликсир известны оккультистам не первое тысячелетие. Мне и самому доводилось их использовать в определенных... обстоятельствах. А если я прав насчет вот этого... – Ли направился к двери, губы его сложились в бескровную линию. – Прежде таким материализациям удавалось воспрепятствовать, но главная проблема – в эликсире: раздобыть его куда как непросто. И все же я надеюсь... Я еще вернусь. Вы не могли бы до тех пор не заходить в ведьминскую комнату?

– Ничего обещать не буду, – отрезал Карсон.

У него ныла голова; тупая боль мало-помалу нарастала, вторгаясь в сознание; его слегка подташнивало.

– До свидания.

Он проводил Ли к выходу и помешкал на ступенях: возвращаться отчего-то не хотелось. А пока он глядел вслед стремительно удаляющейся высокой фигуре оккультиста, из соседнего дома вышла какая-то женщина. При виде Карсона она разразилась визгливой, гневной тирадой, ее необъятная грудь так и ходила ходуном.

Карсон обернулся и недоуменно воззрился на нее. В висках пульсировала боль. Женщина направилась к нему, угрожающе потрясая мясистым кулаком.

– Вы чего мою Сару пугаете? – завопила она. Ее смуглое лицо побагровело от ярости. – Чего ее пугаете своими дурацкими фокусами, а?

Карсон облизнул пересохшие губы.

– Я прошу прощения, – медленно проговорил он. – Мне страшно жаль. Но я не пугал вашу Сару. Меня весь день дома не было. Что такое ее напугало?

– Ента бурая тварюка – Сара говорит, она к вам в дом забежала...

Женщина умолкла на полуслове, челюсть у нее отвисла, глаза расширились. Она сделала характерный знак правой рукой – наставила указательный палец и мизинец на собеседника, а большим пальцем прижала остальные.

– Старая ведьма!

И она поспешно ретировалась, испуганно бормоча что-то под нос на польском.

Карсон развернулся и возвратился в дом. Налил в бокал виски, поколебался, отставил его в сторону, так и не пригубив. И принялся расхаживать взад-вперед, то и дело потирая лоб сухими, горячими пальцами. В голове проносились сбивчивые, невнятные мысли. Лихорадило, в висках стучало.

Наконец Карсон спустился вниз, в ведьминскую комнату. Да там и остался, хотя работать не работал: в мертвой тишине подземного убежища головная боль слегка отпустила. Спустя какое-то время он уснул.

Долго ли продремал, он не знал и сам. Ему снился Салем: по улицам со страшной скоростью проносилась смутно различимая студенистая темная тварь, что-то вроде невероятно громадной угольно-черной амебы, она преследовала мужчин и женщин – те с воплями обращались в бегство, но чудовище с легкостью их настигало и заглатывало. Карсону снилось, что прямо на него смотрит похожее на череп лицо: иссохший, сморщенный лик, на котором живыми казались только глаза, – и глаза эти горели адским злобным огнем.

Наконец он проснулся и резко сел. Его пробирал холод.

Вокруг царил гробовая тишина. В свете электрической лампочки зелено-пурпурная мозаика словно извивалась и корчилась, подползая к нему; но едва он протер сонные глаза, иллюзия развеялась. Он глянул на наручные часы. Стрелки показывали два. Он проспал весь вечер и большую часть ночи.

Карсон ощущал странную апатичную вялость, она не давала ему подняться с кресла. Силы словно иссякали, вытекали капля по капле. Леденящий холод пробирался до самого мозга, но головная боль прошла. Сознание было кристально ясным – застыло в ожидании, словно что-то вот-вот должно было произойти. Краем глаза Карсон заметил движение.

Каменная плита в стене шевельнулась. Послышался негромкий скрежет; черный провал медленно расширился от узкого прямоугольника до квадрата. Там, во тьме, кто-то затаился. Вот тварь пошевелилась, выкарабкалась на свет – и Карсона захлестнул слепой ужас.

Существо походило на мумию. В течение невыносимой, длиною в вечность секунды эта мысль пульсировала в мозгу Карсона: «Оно похоже на мумию!» То был тощий как скелет, бурый, как пергамент, труп: казалось, на костяк натянули кожу какого-то гигантского ящера. Вот труп пошевелился, пополз вперед: слышно было, как длинные ногти царапают по камню. Он выбрался в ведьминскую комнату; яркий свет безжалостно высветил бесстрастное лицо, глаза горели замогильным светом. На побуревшей морщинистой спине отчетливо выделялся зубчатый хребет.

Карсон словно окаменел. Неизбывный ужас лишил его возможности двигаться. Его словно сковал сонный паралич – когда мозг, сторонний наблюдатель, не может или не желает передавать нервные импульсы в мышцы. Карсон лихорадочно убеждал себя, что на самом деле спит и вот-вот проснется.

Иссохшая мумия поднялась на ноги. Выпрямилась во весь рост, тощая как скелет, двинулась к нише с железным диском в полу. Развернувшись спиной к Карсону, помедлила немного – и в гробовой тишине зашелестел сухой, неживой шепот. Едва заслышав его, Карсон хотел закричать что было сил, но голос отнялся. А жуткий шепот все звучал и звучал – на языке, что явственно не принадлежал этой земле, и, словно бы в ответ на него, по железному диску прошла едва заметная дрожь.

Диск дрогнул и стал медленно приоткрываться. Сморщенная мумия торжествующе воздела костлявые руки. Диск был примерно в фут толщиной, и, по мере того как он поднимался над полом, по комнате разливался смутный запах – острый, тошнотворный, наводящий на мысль о каком-то пресмыкающемся. Диск неотвратимо приподнимался – и вот уже из-под края высунулось первое щупальце тьмы. Карсон внезапно вспомнил свой сон про студенистую черную тварь, что проносилась по улицам Салема. Он попытался сбросить оковы паралича, удерживающие его в неподвижности, но тщетно. В комнате темнело, голова у Карсона шла кругом, черный смерч набирал силу, грозя захлестнуть его. Комната словно раскачивалась, уходила из-под ног.

А железный диск между тем приподнимался все выше, и морщинистая мумия все стояла, воздев иссохшие руки в кощунственном благословении, и медленно сочилась наружу амебовидная чернота.

И тут в шелестящий шепот мумии вклинился новый звук: дробный перестук стремительных шагов. Краем глаза Карсон заметил, как в ведьминскую комнату ворвался человек. То был Ли, давешний оккультист; на его мертвенно-бледном лице ярко горели глаза. Он метнулся мимо Карсона напрямиком к нише, где из провала вздымался черный ужас.

Иссохшая тварь обернулась – обернулась пугающе медленно. В левой руке Ли сжимал какое-то орудие: *crux ansata*, крест с петлей, из золота и слоновой кости; правая рука была стиснута в кулак. Голос неожиданного гостя зазвучал гулко и властно. На побелевшем лбу выступили капельки испарины.

– *Йа на кадишту нил гх'ри... стелл'бсна кн'аа Ньюгта... к'йарнак флегетор...*

Нездешние, мистические звуки прогремели громом, эхом отразившись от стен. Ли медленно двинулся вперед, высоко воздев египетский крест. А из-под железного диска выплеснулся черный ужас!

Диск приподнялся, отлетел в сторону, и гигантская волна переливчатой черноты – не жидкая и не твердая, чудовищная студенистая масса – хлынула напрямиком к Ли. Не сбавляя шага, не останавливаясь, он быстро взмахнул правой рукой – крохотная склянка взмыла в воздух, ударила в цель, и черная тварь поглотила ее.

Бесформенный ужас замешкался. Поколебался немного с видом пугающе-нерешительным – и проворно отпрянул. В воздухе разлилась удушливая вонь гари и тления, и на глазах у Карсона от черной твари начал отслаиваться кусок за куском, съезживаясь, точно под разъедающим воздействием кислоты. Разжижающимся потоком тварь потекла назад, роняя по пути омерзительные ошметки черной плоти.

Из основного сгустка вытянулась ложноножка, точно громадное щупальце, ухватила живой труп, потащила его к провалу и перебросила через край. Еще одно щупальце подцепило железный диск, без труда проволокло по полу, и, едва чудище кануло в бездну и скрылось из виду, диск с оглушительным грохотом лег на место.

Комната широкими кругами завращалась вокруг Карсона, невыносимая тошнота подступила к горлу. Нечеловеческим усилием он попытался подняться на ноги, а в следующий миг свет быстро померк – и угас вовсе. Темнота поглотила его.

Романа Карсон так и не закончил. Он сжег рукопись, но писать не перестал, хотя ни одно из поздних его произведений так и не было опубликовано. Издатели качали головой и недоумевали, отчего столь блестящий автор популярных романов внезапно увлекся сверхъестественными ужасами.

– Сильно написано, – заметил один из редакторов, возвращая ему рукопись под заглавием «Черное божество безумия». – Произведение в своем роде незаурядное, но уж больно жуткое и нездоровое. Никто этого читать не станет. Карсон, ну почему вы больше не пишете таких романов, как раньше? Вы ж на них прославились!

Тогда-то Карсон и нарушил свой обет никогда не упоминать про ведьминскую комнату – и рассказал все как есть, от начала и до конца, в надежде на доверие и понимание. Едва договорив, он упал духом: в лице собеседника читалось скептическое сочувствие.

– Вам ведь это все приснилось, верно? – уточнил редактор, и Карсон горько рассмеялся:

– Да, конечно – приснилось.

– Должно быть, сон произвел на вас крайне сильное впечатление. Такие случаи нередки. Но со временем все забудется, – ободрил его редактор, и Карсон кивнул.

Больше Карсон не упоминал о том ужасе, что увидел в ведьминской комнате, очнувшись от обморока, – ужасе, что неизгладимо отпечатался в его сознании; он знал, что тем самым

лишь подаст повод усомниться в собственной вменяемости. Перед тем как они с Ли, смертельно бледные и дрожащие, выбежали из подземелья, Карсон быстро оглянулся через плечо. Сморщенные, прожженные клочья, отслоившиеся от порождения кошунственного безумия, необъяснимым образом исчезли, оставив на камнях черные пятна. Абби Принн, надо думать, возвратилась в тот ад, которому служила, а ее безжалостное божество сокрылось в неведомых безднах за пределами людского разумения, будучи изгнано могучими силами древней магии, которыми владел оккультист. Но ведьма оставила о себе напоминание – кошмарный «сувенир»: в последний раз обернувшись, Карсон заметил, что из-под края железного диска торчит, точно застыв в издевательском приветствии, иссохшая клешнястая рука!

Черный поцелуй

*В зелени травы и тины поднялись со дна морей,
Где безглазые и злые бродят скопища теней...*

*Г. К. Честертон. Лепанто.
Перевод М. Фромана*

Глава 1

Нечто в водах

Грэм Дин нервно смял сигарету и встретил озадаченный взгляд доктора Хедвига.

– Мне никогда не было так тревожно, – сказал Грэм. – Эти сны повторяются с удивительной настойчивостью. Они не похожи на обычные беспорядочные кошмары. Кажется, будто... Знаю, это звучит нелепо, но кажется, будто они распланированы!

– Сны распланированы? Вздор! – Доктор Хедвиг всем своим видом выражал насмешку. – Вы, мистер Дин, художник, и совершенно естественно, что у вас впечатлительная натура. Этот дом в Сан-Педро вам незнаком, и вы говорили, что слышали о нем дикие рассказы. Ваши сны – плод фантазии и переутомления.

Дин с ухмылкой на неестественно бледном лице посмотрел в окно.

– Надеюсь, вы правы, – тихо сказал он. – Но сны так не влияют на внешний вид. Вы согласны?

Молодой художник показал на большие синие круги у себя под глазами, на бескровно-бледные впалые щеки.

– Мистер Дин, все это следы переутомления. Я лучше вас знаю, что с вами случилось.

Седовласый врач взял со стола лист бумаги, исписанный его собственными заметками, которые едва можно было расшифровать, и углубился в их изучение.

– Итак, несколько месяцев назад вы унаследовали дом в Сан-Педро. И поселились там один, чтобы работать.

– Да. Здесь на побережье встречаются изумительные виды.

На мгновение лицо Дина снова помолодело, оттого что энтузиазм раздул его потухший огонь. Затем, тревожно нахмурившись, Дин заговорил снова:

– Но в последнее время я не могу писать – по крайней мере, морские пейзажи, что очень странно. Мои наброски теперь какие-то неправильные. У них словно бы появилось некое свойство, которого я в них не вкладываю...

– Свойство, говорите?

– Да, нечто зловещее, если так можно выразиться. Это трудно описать. Что-то внутри картины забирает всю красоту. Кстати, доктор Хедвиг, последние несколько недель я не слишком утомлялся.

Доктор снова заглянул в бумагу, которую держал в руке:

– Ну, здесь я с вами не соглашусь. Вы можете и не осознавать объем затраченных усилий. Эти сны о море, которые вас тревожат, лишены смысла, они разве что указывают на ваше нервное состояние.

– Ошибаетесь! – Дин внезапно вскочил, голос его был резок. – В том и состоит самое ужасное. Эти сны не лишены смысла. Они словно соединяются в одно, накапливаются и идут по заранее составленному плану. Каждую ночь они становятся все правдоподобнее, и я все шире вижу одно и то же зеленое, сияющее пространство под водой. Я подбираюсь все ближе и ближе к плавающим там черным теням и знаю, что это не тени, а нечто хуже. Каждую ночь я вижу чуть больше. Как будто делаю набросок, добавляя все новые и новые детали, пока...

Хедвиг пристально наблюдал за своим пациентом.

– Пока?.. – подсказал доктор.

Но напряженное лицо Дина расслабилось. Он вовремя справился с собой.

– Нет, доктор Хедвиг. Наверное, вы правы. Перенапряжение и нервы, как вы говорите. Если я поверил тому, что мексиканцы рассказали мне о Морелии Годольфо, – ну что ж, значит, я сумасшедший и глупец.

– Кто такая эта Морелия Годольфо? Женщина, которая забивает вам голову глупыми сказками?

– Об этом можете не беспокоиться, – улыбнулся Дин. – Морелия – моя двоюродная прапрабабушка. В свое время она жила в этом доме в Сан-Педро, и, видимо, с нее и пошли легенды.

Хедвиг что-то строчил на листе бумаги.

– Все ясно, молодой человек! Вы услышали эти байки – воображение разгулялось, и вы увидели сны. Этот рецепт приведет вас в порядок.

– Спасибо.

Дин взял листок, забрал со стола свою шляпу и двинулся было к двери. На пороге он задержался и криво усмехнулся:

– Вот только, доктор, вы не совсем правы, считая, что сны я начал видеть из-за этих легенд. Я их видел еще до того, как узнал историю дома.

И с этими словами он вышел.

Возвращаясь на машине в Сан-Педро, Дин попытался понять, что же с ним произошло, но каждый раз наткнулся на глухую стену невероятности. Любое логическое объяснение забредало в дебри фантазии. Главное, что он не мог объяснить – то же, что не смог объяснить и доктор Хедвиг, – были сны.

Начались они вскоре после того, как он вступил в права наследования: получил по завещанию старинный дом к северу от Сан-Педро, долго стоявший пустым. Здание выглядело живописно состарившимся, и это сразу привлекло Дина. Дом был построен одним его предком в те времена, когда Калифорнией еще владели испанцы. Один из Динов – тогда фамилия звучала как «Дина» – уехал в Испанию и вернулся с невестой. Ее звали Морелия Годольфо, и, собственно, вокруг этой давно исчезнувшей женщины и строились все легенды.

По сей день в Сан-Педро еще живы сморщенные беззубые мексиканцы, которые шепотом пересказывают невероятные байки о Морелии Годольфо – о той, которая не старела и обладала странной недоброй властью над морем.

Годольфо входили в число самых родовитых семей Гранады, но люди украдкой поговаривали об их сношениях со страшными мавританскими колдунами и некромантами. Морелия, если верить намекам на эти ужасы, постигала зловещие тайны в черных башнях мавританской Испании; и когда Дина привез ее за море как невесту, она уже заключила договор с темными силами и в ней уже произошла определенная перемена.

Так гласили предания, а далее они повествовали о жизни Морелии в старом доме в Сан-Педро. После свадьбы ее муж прожил еще лет десять с небольшим, только ходили слухи, что души у него уже не было.

Одно ясно: Морелия Годольфо таинственным образом скрыла его смерть и продолжала жить в большом доме у моря одна.

Перешептывания батраков впоследствии обросли пугающими подробностями. Они касались перемены в Морелии Годольфо, колдовской перемены, которая заставляла ее в лунные ночи заплывать далеко в море, и наблюдатели видели, как сверкает среди брызг ее белое тело. Мужчинам, имевшим дерзость смотреть с утесов, порой удавалось разглядеть, как она забавляется с причудливыми морскими существами, которые резвились в черных водах и тыкались в нее невообразимо уродливыми головами. Утверждали, будто это были не тюлени и не какие-то другие известные формы подводной жизни, хотя порой слышалось хихиканье и взрывы грубого хохота. Поговаривали, что Морелия Годольфо однажды заплыла в море и не вернулась. Но после этого далекий смех слышался громче, а игры в черных скалах продолжались, так что давние сказки батраков подпитывались новыми слухами по сей день.

Таковы были дошедшие до Дина легенды. Факты же имелись скудные и противоречивые. Старый дом обветшал, и за многие годы его снимали лишь изредка. Арендаторы появлялись не только нечасто, но и ненадолго. Никаких особенных изъянов у дома между мысом Уайт и мысом Фермин не было, но те, кто там пожил, говорили, что из окон, выходящих на море, звук прибоя слышится немного по-особенному и что они плохо спали. Порой кто-то из постояльцев с непонятным ужасом говорил о лунных ночах, когда море видно особенно отчетливо. Во всяком случае, жильцы часто покидали дом с поспешностью.

Дин въехал в него сразу, как вступил в права на наследство, так как счел место идеальным для написания своих любимых пейзажей. Легенду и стоящие за ней факты он узнал позже, и к этому времени необычные сны уже начались.

Поначалу они были достаточно заурядны, хотя, как ни странно, все вращались вокруг милого его сердцу моря. Но во сне он видел не то море, которое любил.

В его снах жили горгоны. Зловеще извиваясь, по темным бурным водам плыла Сцилла, а над волнами с криками летали гарпии. Причудливые твари медлительно ползли наружу из чернильно-черных глубин, где обитали толстобрюхие безглазые чудовища. Ужасные морские гиганты выпрыгивали из воды и ныряли обратно, а уродливые пресмыкающиеся свивались в причудливых поклонах перед глумящейся луной. Отвратительные ужасы, скрытые в морских пучинах, окружали его во сне.

Это было достаточно неприятно, но оказалось лишь прелюдией. Сны изменялись. Как будто первые кошмары сложили фон для грядущих, еще более пугающих. Из мифических образов древних морских богов возникло новое видение. Сперва оно было смутным и очень медленно, на протяжении нескольких недель, обретало форму и смысл. И это был тот сон, которого сейчас так страшился Дин.

Сон появлялся обычно перед самым пробуждением – картины ярко-зеленого света, в котором медленно проплывали темные тени. Ночь за ночью прозрачное изумрудное сияние разгоралось ярче, а тени сплетались во все более различимый ужас. Их никогда не было видно отчетливо, хотя бесформенные головы, как ни странно, казались Дину отталкивающе узнаваемыми.

Далее в этом его сне существа-тени сместились, словно давая дорогу чему-то иному. В зеленую дымку вплыла свивающаяся кольцами фигура – похожая ли на остальные, сказать было трудно, поскольку здесь сон Дина всегда прерывался. При появлении этой последней фигуры он неизменно просыпался в приступе безотчетного страха.

Дину снилось, что он где-то в глубинах моря, среди плавающих теней с уродливыми головами, и каждую ночь одна тень подбиралась все ближе и ближе.

Теперь каждый день, пробудившись на заре с порывами холодного морского ветра, бьющего в окна, он еще долго после рассвета лежал в ленивом полузабытьи. Встав, он чувствовал себя необъяснимо усталым и не мог рисовать. Этим утром, увидев в зеркале отражение своего осунувшегося лица, он понял, что пора идти к врачу. Но доктор Хедвиг ничем ему не помог.

Тем не менее по пути домой Дин все же купил прописанное лекарство. Глоток горькой коричневатой микстуры придал ему сил, но, когда он припарковал машину, его вновь охватила депрессия. Он подошел к дому озадаченный и почему-то встревоженный.

Под дверью лежала телеграмма. Недоуменно нахмурившись, Дин прочитал ее:

УЗНАЛ ЧТО ТЫ ПОСЕЛИЛСЯ В ДОМЕ В САН-ПЕДРО ТЧК ВОПРОС ЖИЗНИ И СМЕРТИ ЧТОБЫ ТЫ НЕМЕДЛЕННО СЪЕХАЛ ТЧК ПОКАЖИ ЭТУ ТЕЛЕГРАММУ ДОКТОРУ МАКОТО ЯМАДЕ БУЭНА-СТРИТ 17 САН-ПЕДРО ТЧК ВОЗВРАЩАЮСЬ САМОЛЕТОМ ТЧК К ЯМАДЕ СХОДИ СЕГОДНЯ

МАЙКЛ ЛИ

Дин перечитал сообщение, и внезапно память его прояснилась. Майкл Ли был его дядя, но они не виделись много лет. Для всей семьи Ли всегда оставался загадкой. Он был оккультистом и по большей части проводил время в изучении дальних уголков земли. Иногда он надолго исчезал из виду. Телеграмма, которую держал в руках Дин, была отправлена из Калькутты, – видимо, Ли недавно объявился в какой-то дыре посреди Индии и тут узнал о полученном Дином наследстве.

Дин покопался в памяти. Теперь он припоминал, что много лет назад этот дом стал предметом семейной ссоры. Подробности уже стерлись, но ему вспомнилось, что Ли требовал снести дом в Сан-Педро. Разумных причин Ли не приводил и, когда в просьбе ему отказали, на некоторое время пропал. А теперь пришла эта странная телеграмма.

После долгой поездки Дин устал, да и бесполезная беседа с доктором разозлила его больше, чем ему показалось. К тому же у него не было настроения исполнять дядину просьбу и тащиться на Буэна-стрит, до которой было ехать много миль. Однако сонливость, которую он почувствовал, была следствием обычной здоровой усталости, в отличие от протрации последних недель. Все-таки укрепляющая микстура действовала.

Он рухнул в свое любимое кресло у окна, выходящего на море, и заставил себя наблюдать пылающие цвета заката. Солнце упало за горизонт, и в комнату прокрались серые сумерки. Появились звезды, и далеко на севере засветились тусклые огни игорных кораблей близ Вениса¹. Горы закрывали вид на Сан-Педро, но бледное рассеянное сияние в той стороне подсказало, что этот новый Варварийский берег² пробуждается и там закипает буйная жизнь. Лик Тихого океана медленно прояснялся. Над холмами Сан-Педро восходила полная луна.

Дин долго сидел у окна в неподвижности, позабыв о трубке в руке, и глядел вниз на медленно вздымающийся океан, который пульсировал мощной и чуждой жизнью. Постепенно подобралась сонливость и одолела его. Перед тем как Дин провалился в пучину сна, в мозгу пронеслась фраза да Винчи: «Две самые прекрасные вещи в мире – это улыбка женщины и движение могучих вод».

Он видел сон, и на этот раз сон был иным. Сперва лишь чернота, рев и грохот, словно шум разгневанного моря, и с ними причудливо мешалась туманная мысль о женской улыбке и женских губах, пухлых, неуловимо зовущих... Но как ни странно, эти губы не были красными, нет! Они были бледными, бескровными, как у существа, которое долго пребывало в пучине моря...

Туманное изображение сменилось другим, и на мгновение Дину показалось, что он видит безмолвное зеленое пространство из прошлых снов. За дымкой темные тени двигались быстрее, но вся картина длилась едва ли дольше секунды. Промелькнула и погасла, и Дин очутился в одиночестве на берегу, который в своем сне он узнал: это была песчаная бухта под домом.

Соленый бриз холодом окатил лицо, море сверкало в лунном свете, будто серебряное. Едва различимый всплеск выдал присутствие морского существа, которое потревожило

---

¹ Венис – район Лос-Анджелеса.

² Варварийский берег – северное побережье Африки; начиная с позднего Средневековья – крупный центр пиратства.

поверхность воды. На севере море омывало неровные скалы, испещренные черными тенистыми полосами и пятнами. Дин почувствовал необъяснимый порыв двигаться туда. И поддался ему.

Перебираясь через скалы, он внезапно ощутил необычное чувство, словно на него нацелен чей-то взгляд – взгляд, который наблюдал за ним и предостерегал! В уме у него смутно возникло угрюмое лицо дяди, Майкла Ли, чьи глубоко посаженные глаза ярко горели. Но все это быстро пропало, и Дин увидел впереди глубокую нишу в скале, заполненную чернотой. Он знал, что ему надо войти туда.

Он протиснулся между двумя выступами и очутился в еще более глубокой, давящей черноте. Однако каким-то образом он понимал, что находится в пещере, и слышал, как рядом плещется вода. Вокруг стоял затхлый соленый запах морских разложений, зловонный дух пустых океанических пещер и трюмов древних кораблей. Дин шагнул вперед, и, оттого что поверхность под ногами круто пошла вниз, споткнулся и упал головой в мелкую ледяную лужу. Он скорее почувствовал, чем увидел, как что-то промелькнуло, а затем внезапно страстные губы прижались к его губам.

«Человеческие», – сперва подумалось Дину.

Он лежал на боку в зябкой воде, и его губы касались чужих податливых губ. Он ничего не видел, поскольку все терялось в черноте пещеры. Неземной соблазн тех невидимых губ прокатился по нему дрожью.

Дин ответил на прикосновение, яростно приник к губам, дал им то, что они жадно искали. Невидимые волны напоздали на скалы, шепча предостережения.

Пока длился поцелуй, Дина охватило странное ощущение. Он почувствовал, как сквозь него проходят изумление и трепет, а потом вдруг – дрожь внезапного экстаза, а за нею по пятам пришел ужас. Отвратительное черное безумие, неопишное, но пугающе реальное, окатило его сознание, заставило содрогнуться от тошноты. Словно невыразимое зло втекало в его тело, его ум, саму его душу через этот исполненный скверны поцелуй на его губах. Дин почувствовал себя омерзительным, нечистым. Он упал навзничь и тут же вскочил.

И сейчас, когда от входа внутрь пещеры прокрался бледный луч тонущей луны, Дин впервые увидел отвратительное существо, которое он поцеловал. Перед ним восстало нечто – чудовище, похожее на пресмыкающееся, с телом тюленя. Оно свивалось кольцами и сжималось, двигалось к нему, поблескивая гадостной слизью. Дин вскрикнул, повернулся, чтобы бежать от кошмара, терзающего его мозг, и услышал позади тихий всплеск, словно нечто тяжелое соскользнуло обратно в воду...

Глава 2

Визит доктора Ямады

Дин проснулся. Он по-прежнему сидел в кресле перед окном; луна бледнела в преддверии серого рассвета. Дина трясло от тошноты, мутило от отвратительной реалистичности его сна. Одежда его промокла от пота, а сердце яростно колотилось. Дина как будто охватила непреодолимая апатия, из-за которой лишь огромным усилием ему удалось подняться с кресла и добрести до кровати, куда он упал и урывками проспал несколько часов.

Поднял его пронзительный дверной звонок. Дин все еще испытывал слабость и головокружение, но пугающая апатия несколько отступила. Когда Дин открыл дверь, стоявший на крыльце японец было коротко поклонился, но его движение резко прервалось, как только пронзительные черные глаза взгляделись в лицо Дина. Посетитель резко втянул в себя воздух.

– Ну что? – с раздражением спросил Дин. – Вы хотите меня видеть?

Гость, невысокий худощавый человек с копной жестких седых волос и узким бледным лицом, покрытым паутинкой морщин, все всматривался в него.

– Я доктор Ямада, – наконец представился посетитель.

Дин озадаченно нахмурился. Он сразу вспомнил полученную накануне дядину телеграмму. В нем начало расти необъяснимое раздражение, и он сказал резче, чем хотел:

– Надеюсь, этот визит не связан с вашей работой. Я уже...

– Ваш дядя – вы же мистер Дин? – ваш дядя прислал мне телеграмму. Он изрядно встревожен. – Доктор Ямада украдкой огляделся.

Дин почувствовал, как внутри зреет отвращение, и его раздражение усилилось.

– Боюсь, мой дядя слишком эксцентричен. Ему не о чем тревожиться. Мне жаль, что вы впустую потратили время.

Доктора Ямаду обхождение Дина, похоже, не задело. Наоборот, на его маленьком лице на мгновение неожиданно проступило сочувствие.

– Вы не возражаете, если я войду? – спросил он и уверенно шагнул вперед.

Дину никак было не остановить его, кроме как встать на пути, и он угрюмо проводил гостя в комнату, где провел последнюю ночь, указал на кресло, а сам занялся кофейником.

Ямада сидел неподвижно и молча наблюдал за Дином. Затем безо всякого вступления сказал:

– Мистер Дин, ваш дядя – великий человек.

– Я видел его лишь однажды, – отмахнулся Дин.

– Он один из величайших оккультистов современности. Я тоже изучал потусторонние явления, но по сравнению с вашим дядей я дилетант.

– Дядя эксцентричен, – сказал Дин. – Оккультизм, как вы выразились, меня никогда не интересовал.

Маленький японец бесстрастно смотрел на него.

– Мистер Дин, вы совершаете широко распространенную ошибку. Вы считаете оккультизм развлечением для сумасбродов. Не возражайте, – он поднял худую руку, – недоверие у вас на лице написано. Что ж, оно понятно. Это суеверие, которое пришло к нам из давних времен, когда ученых называли алхимиками и колдунами и сжигали за сделки с дьяволом. Но на самом деле нет ни колдунов, ни ведьм. В том смысле, который придают этим словам. Есть мужчины и женщины, которые овладели мастерством в определенных науках, не вполне подчиняющихся общепринятым физическим законам.

На лице Дина появилась скептическая ухмылка. Ямада спокойно продолжал:

– Вы не верите, потому что не понимаете. Немного есть тех, кто может – или кто хочет – воспринять эту великую науку, не скованную земными законами. Но для вас, мистер Дин, имеется дополнительное затруднение. – В черных глазах блеснула искорка иронии. – Вы можете сказать, откуда я узнал, что вы в последнее время страдаете от ночных кошмаров?

Дин резко обернулся и застыл в изумлении. Потом улыбнулся и произнес:

– Доктор Ямада, между прочим, я знаю ответ. Вы, врачи, общаетесь между собой, а я вчера, кажется, о чем-то подобном обмолвился доктору Хедвигу.

Тон Дина был оскорбительным, но Ямада лишь повел плечом.

– Вы читали Гомера? – некстати спросил он и после удивленного кивка Дина продолжил: – Знаете, кто такой Протей? Морской старик, который обладал способностью менять облик. Рискую вызвать ваше недоверие, но уже давно все, кто изучает темные искусства, знают, что за этим мифом стоит страшная реальность. Все легенды об одержимости духами, о реинкарнации, даже сравнительно безвредные эксперименты по передаче мысли на расстояние указывают на истину. Почему, как вы думаете, фольклор изобилует сказками о людях, способных превращаться в зверей, – вервольфах, гиенах, тиграх, людях-тюленях у эскимосов? Потому, что эти сказки основаны на реальности! Я не имею в виду, что возможно физическое измене-

ние тела, – по крайней мере, насколько распространяются наши знания. Но с давних времен известно, что ум, сознание адепта может быть перенесено в мозг и тело подходящего объекта. Мозг животных слаб, ему не хватает силы сопротивляться. Иначе обстоит дело у людей, если только не складываются определенные обстоятельства...

Воспользовавшись заминкой, Дин протянул японцу чашку кофе – сваренного, как сейчас принято, в кофеварке, – и Ямада принял ее с легким церемониальным поклоном. Дин выпил свою порцию в три торопливых глотка и налил еще. Ямада, вежливо пригубив, отставил чашку в сторону и с серьезным видом подался вперед:

– Мистер Дин, я должен просить вас открыть свой ум. Не позволяйте общепринятым представлениям о жизни влиять на вас в нынешней ситуации. Исключительно в ваших интересах, чтобы вы внимательно меня выслушали и поняли. Тогда, возможно... – Он замялся и снова бросил в окно тот же взгляд исподтишка. – Морская жизнь пошла не тем путем, что жизнь на суше. Эволюция следовала иным курсом. В великих глубинах океана была обнаружена жизнь, совершенно чуждая нашей: светящиеся существа, которые взрывались, когда попадали в более низкое атмосферное давление, – и в этих огромных глубинах развились совершенно неземные ее формы, формы, которые неподготовленный ум сочтет невозможными. В Японии, стране островной, мы уже на протяжении нескольких поколений знаем об этих морских обитателях. Ваш английский писатель Артур Мейчен выразил в одном своем утверждении глубокую истину: страшись этих странных существ, человек приписал им прекрасные или очаровательно гротескные формы, которыми они на самом деле не обладают. Так у нас возникли nereиды и океаниды – тем не менее человек не мог полностью скрыть всю мерзость этих созданий. Так появились легенды о горгонах, о Сциллах, о гарпиях и – что немаловажно – о русалках и о том, что они лишены души. Несомненно, вы знаете сказку о русалках: они жаждут души человека и крадут ее через поцелуй.

Дин стоял у окна, повернувшись к японцу спиной.

– Продолжайте, – бесстрастно произнес он, когда Ямада замолчал.

– У меня есть основания полагать, – вкрадчиво сказал Ямада, – что Морелия Годольфо, женщина из Альгамбры, была не вполне... человеком. Она не оставила потомков. Эти существа не рожают детей – попросту к этому неспособны.

– Что вы хотите сказать?

Дин обернулся. Его лицо было смертельно бледным, а тени под глазами отливали жутковатой синевой.

– Что вы хотите сказать? – хрипло повторил он. – Вам не запугать меня своими сказками – если вы этого добиваетесь. Вы... Мой дядя по какой-то, лишь ему ведомой причине хочет, чтобы я съехал из этого дома. Вы таким способом пытаетесь меня отсюда прогнать?

– Вы должны покинуть этот дом, – сказал Ямада. – Ваш дядя едет, но он может не успеть. Послушайте меня: эти существа – обитатели моря – завидуют человеку. Солнечного света, тепла огня, земных полей – всего этого они лишены. Всего этого – а еще любви. Вы помните, что я говорил о переносе сознания? Это единственный способ, которым существа могут получить желаемое и познать любовь мужчины или женщины. Иногда – нечасто – кому-то из тварей удается добыть человеческое тело. Они всегда начеку. Когда случается кораблекрушение, они отправляются на его место, как стервятники на пир. Они умеют необыкновенно быстро плавать. Когда человек тонет, защитные силы его сознания снижаются, и бывает, что обитатели моря могут заполучить человеческое тело. Есть легенды о спасшихся после кораблекрушения людях, которые впоследствии странно изменились. Морелия Годольфо была таким существом! Семья Годольфо много знала о темных искусствах, но использовала их в злых целях – для так называемой черной магии. И я думаю, именно так некий обитатель моря обрел силу, чтобы захватить мозг и тело этой женщины. Произошел перенос. Сознание обитателя моря завладело телом Морелии Годольфо, а ум настоящей Морелии был вытеснен в ужасное создание из

морских пучин. Со временем человеческое тело женщины умерло, и ум-захватчик вернулся в свою первоначальную оболочку. Тогда сознание Морелии Годольфо было выброшено из своей временной тюрьмы и осталось бездомным. Это была ее подлинная смерть.

Дин медленно покачал головой, словно отрицая услышанное, но ничего не ответил.

– С тех пор многие годы, многие поколения она обитала в море, ждала, – неумолимо продолжал рассказ Ямада. – Сильнее всего ее сила здесь, где она когда-то жила. Но, как я уже говорил... перенос вероятен лишь при необычном стечении обстоятельств. Жильцы этого дома могут испытывать затруднения со сном, но не более того. У этого злого существа не было силы украсть их тела. Ваш дядя знал это, иначе бы он настоял, чтобы дом немедленно уничтожили. Он не предвидел, что однажды здесь поселитесь вы.

Маленький японец наклонился вперед. Его глаза превратились в двойную точку черного света.

– Вам нет нужды рассказывать, что вы испытали за последний месяц. Я все знаю. Обитатель моря имеет над вами власть. Во-первых, существуют кровные узы, пусть даже вы и не прямой ее потомок. И еще ваша любовь к океану – ваш дядя рассказывал. Вы живете здесь наедине с картинами и творческими фантазиями и ни с кем не видите. Вы идеальная жертва, и этому морскому ужасу не составило труда вступить с вами en rapport³. Уже сейчас у вас проявляются знаки.

Дин молчал. Его лицо казалось бледной тенью среди темных теней в углах комнаты. Что пытается доказать этот человек? Куда ведут его недомолвки?

– Помните, что я говорил? – Голос доктора Ямады был взволнован до одержимости. – Вы нужны этому существу из-за вашей молодости – из-за вашей души. Эта дама заманила вас во сне видениями Посейдона, сумеречными гротами в глубине моря. Сперва она посылала вам манящие фантазмы, чтобы скрыть свои истинные намерения. Она высосала из вас жизненные силы, ослабила ваше сопротивление и ждет, когда достаточно окрепнет, чтобы захватить ваш мозг. Я рассказал вам, чего она хочет: того же, чего жаждут все эти получеловеческие твари. Со временем она вам откроется; и когда ее власть над вами спящим будет сильна, вы начнете исполнять ее приказания. Она уведет вас в морские глубины и покажет зловещие бездны, где обитают существа, подобные ей. Вы охотно пойдете – и будете обречены. Возможно, она заманит вас на пиры, где они угощаются утопленниками, которых собирают на поверхности воды над затонувшими кораблями. И вы будете проживать это сумасшествие во сне, поскольку она вами управляет. А затем – когда в достаточной мере ослабеете, она исполнит свое желание. Морское существо завладеет вашим телом и снова выйдет на сушу. А вы отправитесь вниз, во тьму, где когда-то пребывали во снах, канете навсегда. Если не ошибаюсь, вы уже видели немало и знаете, что я говорю правду. Думаю, ужасный момент недалек, и хочу предостеречь вас, что в одиночку вам это зло не одолеть. Только с помощью вашего дяди и моей...

Доктор Ямада подошел к оцепеневшему юноше и встал с ним лицом к лицу.

– В ваших снах, – тихо спросил он, – эта тварь вас целовала?

На несколько секунд установилось полное молчание. Дин открыл было рот, но в голове зазвучала странная предостерегающая нотка. Она нарастала, как тихий шум раковины, и Дином овладела легкая тошнота.

Он услышал, как помимо воли произносит:

– Нет.

Приглушенно, словно с невероятно далекого расстояния, он услышал, как Ямада втянул воздух, будто от удивления.

---

³ В связь (фр.).

– Это хорошо, – сказал японец. – Очень хорошо. Теперь слушайте: скоро прилетит ваш дядя. Он забронировал себе специальный рейс. Не откажетесь воспользоваться моим гостеприимством, пока он не приедет?

Комната перед глазами Дина потемнела. Очертания японца стирались, уменьшались в размерах. На окно обрушился прибой и волнами прокатился в мозг Дина. В грохот прибоя проник тонкий, настойчивый шепот.

– Соглашайся, – велел он. – Соглашайся!

И Дин услышал собственный голос: он принял приглашение Ямады.

Кажется, он был неспособен связно мыслить. Тот последний сон не отпускал его... а теперь еще эта гнетущая история доктора Ямады... он болен – да! Очень болен. Ему очень хотелось спать, прямо сейчас. Темнота подступила к нему, омыла волной и поглотила. Он с наслаждением позволил ей прокатиться через свою усталую голову. Не существовало ничего, кроме тьмы и непрерывного плеска беспокойных волн.

И тем не менее неким причудливым образом Дин знал, что он – какая-то внешняя его часть – по-прежнему пребывает в сознании. Он понимал, что они с доктором Ямадой вышли из дома, сели в машину и едут, едут долго. Он – то его странное, внешнее «я» – рассеянно разговаривает с доктором, входит в его дом в Сан-Педро, пьет, ест. И все это время его душа, его подлинная сущность, погребена под волнами черноты.

Вот, наконец, и постель. Плещущий внизу прибой смешался с чернотой, охватившей его мозг. Прибой говорил с ним, когда он тихонько поднялся и вылез через окно. Падение серьезно сотрясло его внешнее «я», но он очутился на земле безо всяких повреждений. Пробираясь на берег, он держался теней – черных голодных теней, похожих на тьму, которая окутывала его душу.

Глава 3

Три страшных часа

Внезапно Дин снова пришел в себя – окончательно. Его привела в чувства холодная вода – вода, в которой он плавал, когда очнулся. Он был в океане, его несли волны, серебристые, как молния, время от времени вспыхивающая над головой. Он слышал гром, чувствовал болезненные удары капель. Не задаваясь вопросом о столь внезапном перемещении, он поплыл вперед, словно отчетливо представив себе какую-то конечную точку. Впервые почти за месяц он чувствовал себя полным сил, чувствовал себя самим собой. Он испытывал душевный подъем вопреки всему; он больше не тревожился о недавней болезни, о непонятных предостережениях дяди и доктора Ямады и о чужеродной темноте, которая до этого омрачала его ум. В сущности, ему больше не надо было думать – его словно направляли во всех движениях.

Теперь он плыл параллельно берегу и с удивительной отстраненностью отмечал, что буря утихла. Бледное туманное сияние нависало над плещущимися волнами и манило к себе.

Воздух был зябкий, как и вода; волны – высокими, но Дин не испытывал ни холода, ни усталости. А увидев тех, кто ожидал его впереди на каменистом берегу, он полностью утратил ощущение себя в нарастающем потоке безудержной радости.

Это казалось необъяснимым, поскольку то были существа из его последнего, самого дикого кошмара. Даже сейчас он не мог их четко разглядеть из-за прибоя, в котором они играли, но их зловещие очертания смутно напомнили о пережитом ужасе. Существа были похожи на тюленей: большие, рыбообразные, толстобрюхие монстры с мясистыми бесформенными головами. Эти головы покоились на удлинённых шеях, волнообразно двигавшихся со

змеиной гибкостью, и он отметил, без каких бы то ни было эмоций, за исключением любопытного чувства узнавания, что головы и тела существ выбелены морской водой.

Вскоре он уже плывал среди них – плывал с необычайной и пугающей легкостью. Он внутренне ликовал, вспоминая прошлый опыт, что теперь его нимало не пугают морские чудовища. Вместо этого он с ощущением родственной близости слушал их странное низкое кряхтение и фырканье. Слушал и – понимал!

Он просто знал, что они говорят, и это его не изумляло. Он не пугался того, что слышал, хотя в предыдущих снах те же слова сотрясали всю его душу бездонным ужасом.

Дин знал, куда они направляются и что собираются делать, когда вся группа снова выплыла на открытую воду, и все же не устрасился. Вместо этого при мысли о том, что его ожидает, он почувствовал странный голод – голод, который заставил его встать впереди и повести к северу всех этих существ, с волнообразной стремительностью скользящих по чернильным водам. Они плыли с невероятной скоростью, и все же прошло несколько часов, прежде чем из мрака соткался нависающий над водой морской берег, озаренный с воды слепящим светом.

Сумерки над океаном сгустились до настоящей темноты, но свет был яркий. Похоже, он шел с останков огромной конструкции, затонувшей у самого берега, – от внушительных размеров корпуса, плавающего в воде, как раненое животное. Вокруг него толпились лодки и покачивались огоньки, в свете которых вырисовывался берег.

Словно влекомый инстинктом, Дин и плывущая вслед за ним стая направлялись к этому месту. Неслись быстро и беззвучно; их покрытые слизью головы растворялись в тени, где они старались держаться, кружа вокруг лодок и постепенно приближаясь к разбитому остову. Вот конструкция уже нависла над ними, и Дин увидел, как люди в отчаянии размахивают руками, один за другим уходя под воду. Огромная бесформенная масса, с которой они прыгали, представляла собой груды переломанных балок, в коих угадывались искореженные очертания смутно знакомой ему формы.

С удивительным равнодушием он лениво плывал вокруг, стараясь не попадать в лучи света, прыгающие по волнам, и наблюдал за действиями своих спутников. Те выискивали добычу. Широко раскрывались зловещие пасти в ожидании тонущих людей, а узкие когти выгребали тела из темноты. Каждый раз, когда над волнами появлялся человек, которого еще не успели подхватить спасательные лодки, кто-нибудь из морских тварей умело подцеплял свою жертву.

Через некоторое время они развернулись и медленно поплыли прочь. Но теперь многие из существ прижимали к своей чешуйчатой груди жуткие трофеи. Удачливые охотники утаскивали с собой во мрак утопленников, чьи бледные белые конечности бессильно тянулись за ними в воде. В сопровождении низкого плотоядного смеха чудовища вдоль берега уходили обратно.

Дин плыл вместе с остальными. Его ум снова затуманился. Дин знал, что такое были эти твари в воде, однако не мог их назвать. Он видел, как омерзительные исчадия ада схватили обреченных людей и потащили на глубину, но не препятствовал – ведь все происходило как должно. Даже теперь, когда плыл с пугающим проворством, он чувал зов и не вполне мог понять его – зов, на который отвечало его тело.

Постепенно стая, состоящая из монстров с их поклажей, рассеивалась. Со зловещим всплеском они исчезали в ледяных черных водах, утягивая за собой безжизненные тела людей – в черноту глубин.

Они были безумно голодны. Дин знал это как само собой разумеющееся. Он плыл дальше вдоль берега, подчиняясь странному позыву. Да, именно так: он был голоден.

И теперь он отправлялся за едой.

Многие часы неуклонного движения к югу. И вот знакомый пляж, а над ним освещенный дом, который Дин узнал: его собственный дом на скале. По склону спускались фигурки – два человека с фонарями. Нельзя было допустить, чтобы они его увидели, – он не понимал почему, но твердо знал – нельзя. Он прокрался вдоль берега, держась поближе к кромке воды. И даже так он двигался стремительно.

Люди с фонарями остались позади. Впереди вырисовывались другие знакомые очертания – пещера. Кажется, он перелезал раньше через эти камни. Он знал участки тени, которыми была испещрена скала, и знал узкий проход в камне, через который он сейчас протиснул свое обессиленное тело.

Что это – кто-то кричит вдалеке?

Темнота и плеск бухты. Он пополз дальше, чувствуя, как холодные воды охватывают его тело. Снаружи пещеры, заглушенный расстоянием, донесся настойчивый зов:

– Грэм! Грэм Дин!

В ноздри ему проник запах илистой морской гнили – знакомый приятный запах. Теперь Дин знал, где он. Это была пещера, где в своем сне он поцеловал морскую обитательницу. Пещера, в которой...

Теперь он вспомнил. Черный морок в голове рассеялся, и Дин все вспомнил. Его мозг соединил пробелы в памяти, и он снова увидел, как приходил сюда раньше, тем же вечером, до того как очутился в воде.

Сюда его призвала Морелия Годольфо; сюда в сумерках направил его зловещий шепот этой морской твари, когда он встал с постели в доме доктора Ямады. Как песнь сирены, этот шепот выманил Дина сюда в его снах.

Теперь он вспомнил, как она свилась у его ног, когда он вошел, вздыбила побелевшее от морской воды тело, чтобы ее звериная голова оказалась рядом с его головой. А затем страстные мясистые губы прижались к его губам – отвратительные склизкие губы поцеловали его снова. Влажным, промозглым, пугающе жадным поцелуем! Чувства Дина потонули в мерзости этого поцелуя, ибо он знал, что с этим вторым поцелуем он обречен.

«Морская обитательница заберет ваше тело», – говорил доктор Ямада, и второй поцелуй означал гибель.

И все это произошло каких-то несколько часов назад!

Дин метался по каменному мешку, стараясь не угодить в воду. В какой-то момент он впервые за эту ночь опустил взгляд на свое тело: волной изогнув шею, глянул на обличье, которое носил на протяжении трех часов, проведенных в море. Он увидел рыбоподобную чешую, бородавчатую белесую кожу, покрытую слизью; увидел жилистые плавники. И тогда он заглянул в воду бухты, чтобы разглядеть отражение своего лица в тусклом лунном свете, просачивающемся через трещины в скале.

Он увидел все...

Его голова покоилась на длинной шее рептилии. Антропоморфная голова с резкими, до уродливости нечеловеческими очертаниями. Глаза были белые и выпуклые; они таращились стеклянным взглядом утопленника. Носа не было, а центр лица занимали сплетенные в клубок червеобразные синие щупальца. Самым отвратительным был рот. Дин увидел на мертвом лице бледные белые губы – человеческие губы. Губы, которые целовали его собственные губы. А теперь – они принадлежали ему!

Он пребывал в теле кошмарной морской твари – той, что однажды завладела душой Морелии Годольфо!

В этот момент Дин с радостью принял бы смерть, ибо вынести дикий, богомерзкий страх этого открытия было выше его сил. Теперь он все понял о своих снах и о легендах; он познал истину и заплатил ужасную цену. Он явственно вспомнил, как очнулся в воде и поплыл навстречу тем – другим. Он вспомнил громадную черную массу, с которой утонувших людей

собирали в лодки, – останки разбитой конструкции в воде. Что там рассказывал Ямада? «Когда случается кораблекрушение, они отправляются на его место, как стервятники на пир». И сейчас наконец он понял то, что ночью от него ускользнуло: что это была за конструкция в воде. Это был рухнувший дирижабль. Дин отправился к обломкам вместе с этими тварями, и они забирали людей... Три часа... О боже! Дину остро захотелось умереть. Он обитал в морском теле Морелии Годольфо, и оно было слишком гнусно, чтобы в нем жить.

Морелия Годольфо! Где она сейчас? И где его собственное тело, внешняя оболочка Грэма Дина?

Шорох в тени пещеры, раздавшийся позади, возвестил ему ответ. В лунном свете Грэм Дин увидел себя – увидел свое тело, разглядел все его очертания. Согнувшись, оно тайком кралось мимо бухты в попытке улизнуть.

Перепончатые плавники Дина стремительно задвигались. Его тело повернулось.

Видеть себя отраженным без зеркал было отвратительно; еще отвратительнее было видеть, что на его лице больше нет его глаз. Хитрые, злобные глаза морской твари глядели на него, скрываясь за маской из живой плоти, и горели праисторическим дьявольским огнем. Псевдочеловек рыкнул на него и попытался юркнуть в темноту. Дин последовал за ним, на всех своих четырех конечностях.

Он знал, что надо сделать. Эта морская тварь – Морелия – забрала его тело во время того последнего черного поцелуя, а его насильно отравила в свое тело, но она еще не окрепла в достаточной степени, чтобы выйти в мир. Потому-то он и нашел ее все в той же пещере. Но теперь она уйдет, и дядя Майкл никогда ничего не узнает. Не узнает и мир, какой ужас крадется по нему, – узнает, только когда уже будет поздно. Дин, содрогаясь от отвращения к собственной жалкой оболочке, понимал, что должен сделать.

Он намеренно загнал свое ложное тело в каменный угол. В ледяных глазах появился страх...

Звук заставил Дина изогнуть змеиную шею и обернуться. Остекленевшими рыбьими глазами он увидел Майкла Ли и доктора Ямаду. Они входили в пещеру с фонарями в руках.

Дин знал, что они сделают, и ему уже было все равно. Он навалился на человеческое тело, которое вмещало душу морской твари, обхватил трепещущими плавниками, обнял и приблизил зубы к белой, человеческой шее чудовища.

Позади он слышал крики, но это было уже не важно. Ему необходимо исполнить долг, совершить искупление. Уголком глаза он увидел ствол револьвера, сверкнувшего в руке Ямады.

Затем пришли две разящие вспышки пламени и забвение, которого Дин так жаждал. Но он умер счастливым, ибо искупил черный поцелуй.

Уже проваливаясь в небытие, Грэм Дин звериными клыками прокусил свое собственное горло, и сердце его наполнилось миром, ибо на пороге смерти он увидел, как он сам умирает...

Его душа растворилась в третьем черном поцелуе смерти.

Насмешка Друм-ависты

Есть история о зловещих голосах, однажды ночью раздавшихся на мраморных улицах давно павшего Бел-Ярнака. «Зло пришло в наши земли, рок настиг прекрасный город, где живут дети наших детей. Горе, горе Бел-Ярнаку», – говорили они. Тогда жители города в страхе собрались тесными группами, опасливо поглядывая на Черный минарет, громада которого нависала над храмовыми садами, ибо известно каждому: когда в Бел-Ярнак приходит беда и близится страшный конец света – вини Черный минарет.

Горе, горе Бел-Ярнаку! Давно пали его сияющие серебряные башни, ушло волшебство, померк лоск. А ночами, втайне, под тремя лунами, стремительно совершающими свой забег по бархатному небу, из Черного минарета выбиралось неотвратимое зло.

Жрецы Черного минарета были могущественными волшебниками. Алхимики и колдуны, они вечно искали философский камень, ту неведомую силу, что позволила бы им превращать все на свете в редчайший металл. Глубоко под храмовыми садами Торазор, величайший из жрецов, мудрейший из жителей Бел-Ярнака, в лиловом свете окуру-ламп неустанно трудился над блестящими дистилляторами и пылающими тиглями. В поисках эликсира он работал денно и ночью, неделями, годами, пока чудесные луны катились к горизонту. Улицы Бел-Ярнака уже были вымощены золотом и серебром; блестящие алмазы, лунные опалы и пламенеющие метеоритные камни фиолетового цвета превратили город в восхитительное зрелище, сделали его сверкающим в ночи маяком для усталых путников, заплутавших в песках. Но Торазор искал более редкий элемент. Тот существовал на других планетах – затейливые телескопы астрономов обнаружили его присутствие на беспорядочно разбросанных по небу пылающих звездах, из-за которых ночное небо над Бел-Ярнаком превращалось в зеркало, отражавшее искрометное великолепие города, в пурпурный звездный гобелен, на котором вышивали узоры три луны. Поэтому Торазор не переставал трудиться под Черным минаретом, сложенным из блестящего оникса.

Он терпел неудачу за неудачей и в конце концов решил, что сможет отыскать заветный эликсир лишь с божественной помощью. Но не мелких идолов или богов добра и зла святотатственно призвал Торазор из Бездны, а самого Друм-ависту, Того-что-живет-по-ту-сторону, его темное сиятельство. Ибо разум Торазора помутился; от многолетнего труда и многочисленных неудач им владела лишь одна мысль. Поэтому он совершил запретный ритуал: начертил Семь Кругов и произнес имя, пробудившее Друм-ависту от его сонных дум.

На Черный минарет стремительно упала тень. Но Бел-Ярнак остался невозмутим; славный и прекрасный город по-прежнему сиял, несмотря на странные тонкие голоса, что раздались на его улицах.

Горе, горе Бел-Ярнаку! Тень сгустилась, пока не охватила весь Черный минарет; полуночная мгла зловеще окутала колдуна Торазора. Он был один в своих покоях; ни луча света не проникало сквозь жуткую тьму, возвещавшую о приходе Его Темного Сиятельства. Медленно, тягуче перед Торазором встала фигура. Жрец вскрикнул и отвел глаза, ибо душа любого, кто взглянет на Того-что-живет-по-ту-сторону, обречена на вечные муки.

Голос божества раскатился под Черным минаретом, словно звон гигантского набатного колокола. Но слышал его только Торазор, ведь он единственный призвал Друм-ависту.

– Кто потревожил мой сон?! – вскричал бог. – Теперь мои грезы порваны в клочья и мне придется сплести новые. Множество миров огромного космоса ты разрушил, но есть другие миры и другие грезы, – быть может, и на этой планетке я найду чем развлечься. Ведь не зря меня прозвали Насмешником.

Пряча глаза и дрожа от страха, Торазор ответил:

– О великий Друм-ависта, имя твое мне известно; я его произнес. Но даже тебя не минует злой рок, если ты откажешься исполнить одно пожелание того, кто тебя призвал.

Тьма задрожала и запульсировала.

– Так приказывай, – иронично ответил Друм-ависта. – О ничтожный глупец, приказывай своему богу! Исполнок веков люди желали подчинить себе богов, но так и не преуспели в этом.

Но Торазор не внял предостережению. Его терзала лишь мысль об эликсире, могущественном волшебном средстве, способном превратить что угодно в редчайший элемент, – и он без страха заявил об этом Друм-ависте. Только этого он желал.

– И все? – задумчиво проговорил бог. – Ради такой мелочи ты нарушил мой сон? Но я выполню твое желание, не будь я Насмешником. Сделай то-то и то-то.

И Друм-ависта рассказал, как превратить все в Бел-Ярнаке в редчайший металл. Затем бог исчез, а с ним ушла и тень. Друм-ависта вновь погрузился в сонные думы, сплетая хитрые космогонии, и вскоре забыл о Торазоре. А колдун трепетал от восторга: на полу у его ног лежал драгоценный камень – прощальный подарок бога.

Камень пылал удивительным огнем и разбрасывал искры, освещая темную комнату, прогоняя тени в углы. Но его красота не интересовала Торазора: ведь это был эликсир, философский камень! Торжествуя, волшебник принялся готовить снадобье по рецепту Друм-ависты.

Смесь кипела и пузырилась в золотом тигле. Торазор занес над ней сверкающий камень. Надежды всей его жизни казались близки к исполнению, когда он уронил камень в бурлящее варево.

Миг-другой ничего не происходило. Но вот, поначалу медленно, затем все быстрее, золотой тигль стал менять цвет, темнея. Торазор громко вознес хвалу Друм-ависте, ибо тигль перестал быть золотым. Сила камня превратила золото в редчайший из металлов.

Камень лежал на поверхности, будто был легче кипящей жидкости. Но превращение еще не окончилось. Пьедестал, на котором стоял тигль, окутала тьма, разливавшаяся, словно черная плесень, по ониковому полу. Она достигла ног Торазора, и колдун застыл, таращась на собственное тело, которое менялось: вместо плоти и крови – твердый металл. И тут до него дошло, в чем была насмешка Друм-ависты: сила эликсира превращала в редчайший элемент абсолютно все.

Он едва успел вскрикнуть, прежде чем его глотка стала металлической. Темное пятно медленно расползлось по полу и каменным стенам комнаты. Блестящий оникс померк. Ненасытное пятно выбралось за пределы Черного минарета и растеклось по мраморным улицам Бел-Ярнака, где по-прежнему скорбно причитали тонкие голоса.

Горе, горе Бел-Ярнаку! Померкла его слава, потускнели золото и серебро, некогда роскошные, холодной и безжизненной стала прекрасная волшебная цитадель. Пятно расползлось все шире и шире, преображая все на своем пути. Жители Бел-Ярнака больше не гуляют беззаботно у своих домов, улицы и дворцы полнятся безжизненными фигурами. Молча, неподвижно сидит Синдара на своем тусклом троне; темным и зловещим выглядит город под стремительными лунами. Теперь это Дис, проклятый город, где печальные голоса в тишине скорбят по утраченному великолепию.

Пал Бел-Ярнок! Волшебство Торазора и злая насмешка Друм-ависты превратили его в редчайший металл на планете, полной золота, серебра и драгоценных камней.

Нет больше Бел-Ярнака – теперь на его месте железный город Дис!

Лягушка

Норман Хартли был плохо знаком с мрачными легендами, ходившими о Монкс-Холлоу, да и не слишком интересовался ими. В старинном городке, затаившемся посреди уединенной долины, уже много лет было тихо, но рассказы стариков стали основой для любопытных и жутковатых сказаний о ведьмах, творивших отвратительное колдовство в смрадных Северных болотах, куда до сих пор боялись заходить местные жители.

Рассказывали, что давным-давно в стоялой трясине жили чудовища, и индейцы неспроста прозвали ее Запретным местом. Но ведьмы ушли, их богохульные книги были сожжены, а удивительные орудия – уничтожены.

Но темные знания не канули в глубь веков, и остались люди, помнившие ту ночь, когда, услышав отчаянные вопли из дома полоумной Бетси Кодман, горожане вломилась внутрь и увидели, как ее тело все еще дрожит в ведьминой колыбели⁴.

Однако Норман Хартли видел в Монкс-Холлоу обычный тихий городок, где можно найти уединение, немислимое в Нью-Йорке. Там в его мастерскую постоянно вваливались дружки-повесы, и, вместо того чтобы трудиться над картинами, Хартли был вынужден шляться по ночным клубам.

Это не шло на пользу работе. Поэтому он снял старинный дом с мансардной крышей в двух милях от городка, чувствуя, что здесь к нему вернется вдохновение, благодаря которому его картины стали знамениты.

Но ему не давал покоя Ведьмин камень.

Это была грубо отесанная серая глыба, около трех футов в высоту и двух в ширину, стоявшая в цветнике за домом. Всякий раз, когда Хартли видел ее за окном, его художественному чувству наносилось оскорбление.

Добсон, смотритель дома, пытался прикрыть камень цветами, рассадил рядом с ним ползучие растения, но почва, по-видимому, оказалась бесплодной. Ведьмин камень окружала голая коричневая земля, где не росли даже сорняки.

Добсон говорил, что это все из-за Персис Уинторп, но Добсон был суеверным болваном.

Камень мозолил глаза Хартли независимо от того, лежала под ним Персис Уинторп или нет. Красочный сад не притягивал взора, в отличие от пустого участка, где стояла глыба. Хартли, с религиозным рвением служивший красоте, испытывал крайнее раздражение от одного взгляда на Ведьмин камень. В конце концов он приказал Добсону убрать его. Морщинистое загорелое лицо старого смотрителя тут же исполнилось тревогой. Он пошаркал по полу деревянной ногой и высказал возражения.

– От него нет вреда, – заметил он, косо глядя на Хартли водянистыми голубыми глазами. – К тому же это в своем роде памятник.

– Послушайте! – Хартли вскипел без видимой причины. – Я здесь съемщик и имею право убрать камень, если он мне не нравится. А он мне не нравится – все равно что большое зеленое пятно на закате. Из-за него сад теряет симметрию. Вы что, боитесь к нему прикасаться?

Хартли фыркнул, его худое, задумчивое лицо залилось краской.

---

⁴ *Ведьмина колыбель* – приспособление, ограничивающее получение сенсорной информации, использовавшееся в некоторых ведьмовских ритуалах. В наиболее распространенных вариантах на ведьму надевался специальный костюм, ограничивающий подвижность, и маска, плотно закрывающая глаза и уши, после чего ведьму подвешивали особым образом и свободно вращали, чтобы та потеряла ориентацию в пространстве.

– Мне говорили, что старая Персис, когда ее топили в пруду, прокляла Монкс-Холлоу. К слову, утопить ее так и не смогли, что немудрено, учитывая, какой у нее был папаша... как-то ночью он явился с Северных болот и...

– Ох, бога ради!.. – брезгливо перебил Хартли. – Хотите сказать, она вылезет из могилы, если убрать камень, да?

– Не говорите так, мистер Хартли, – затаив дыхание, ответил Добсон. – Всем известно, что Персис Уинторп была ведьмой. Когда она жила в этом доме, тут такие ужасы творились!

Хартли отвернулся. Они были в саду, и художник отошел, чтобы лучше рассмотреть камень.

На нем были причудливые отметины, очевидно высеченные дилетантом. Грубые символы чем-то напоминали арабскую вязь, но Хартли не мог понять, что они означают. Он услышал, как Добсон ковыляет к нему.

– Он говорил – мой дед то бишь, – что, пока ее топили, пришлось отослать подальше всех женщин. Персис выбралась из воды, вся зеленая и скользкая, изрыгая проклятия, обращенные к каким-то нечистым богам...

Хартли насторожился, услышав звук мотора. Из-за поворота появился грузовик. Художник оглянулся на Ведьмин камень и бегом бросился к дороге. За его спиной Добсон продолжал бормотать что-то о таинственном отце Персис Уинторп.

Машина была загружена гравием. Хартли помахал водителю и, когда грузовик остановился, запрыгнул на подножку.

– Ребята, для вас есть работенка, – сказал он двоим рабочим. – Нужно вывезти из сада большую каменюку, но мне одному это не под силу. – Он достал кошелек. – Дело минутное.

Водитель, небритый ирландец с бычьей шеей, вопросительно посмотрел на своего приятеля и после короткой переглядки улыбнулся Хартли:

– Не вопрос, дружище. Рады будем помочь.

– Отлично, – ответил Хартли и добавил как бы про себя: – Можно куда-нибудь под куст бросить, лишь бы с глаз долой.

Вечером Хартли хмурился у окна. Из-за гор уже поднималась луна, но в саду все равно было темно. Художнику вдруг почудилось, что в этом мглистом черном море что-то движется. Монотонно стрекотали цикады, и Хартли по какой-то неведомой причине занервничал. Снизу доносились стук и шарканье – Добсон кашеварил на кухне.

Нужно сказать Добсону, чтобы он прикрыл чем-нибудь голое пятно в саду. Теперь, когда камень был убран, оно стало еще заметнее, и даже в сумерках Хартли казалось, что место, где стоял камень, темнее окружающей его земли.

Что говорилось в старой легенде? Охваченный паникой Добсон рассказывал ее, пока рабочие поднимали камень, упрашивал вернуть его на место, умолял передумать. Легенда намекала на то, что Персис Уинторп являлась с жуткими чудищами из Северных болот, в первую очередь с лягушкоподобным созданием, своим отцом – демоном, которому, по словам Добсона, давным-давно поклонялись индейцы.

Горожане не смогли убить Персис, но с помощью заклинаний развеяли злые чары и запечатали ее могилу словами силы – теми, что были выбиты на Ведьмином камне. Так утверждал наблюдатель, чье лицо превратилось в коричневую морщинистую маску ужаса.

В Монкс-Холлоу говорят, рассказывал он дрожащим шепотом, что в могиле Персис преобразилась и стала похожа на своего неведомого отца. И теперь, когда Хартли убрал Ведьмин камень...

Хартли закурил, глядя в таинственный сумрак сада. Либо Добсон был не в себе, либо его интерес к голому пятну в саду имел какое-то логическое обоснование. Что, если...

Художника вдруг осенило, и он усмехнулся. Конечно! Как он раньше не догадался? Добсон был скупердям – Хартли не раз убеждался в этом – и наверняка зарыл под Ведьминым камнем свои накопления. Где еще прятать их, как не в могиле печально известной ведьмы, куда не сунется суеверная деревенщина?

Что ж, поделом старику, злобно подумал Хартли. Решил запугать хозяина дурацким рассказом про ведьму, которая якобы еще жива...

Тут Хартли вскрикнул и уставился в окно. В саду кто-то копошился – виднелась чья-то темная тень. Он не мог различить ее очертаний, но тень медленно двигалась к дому.

Внезапно он понял, что уже давно не слышал Добсона. Деревянная нога больше не стучала по кухонному полу. Догадка заставила Хартли ухмыльнуться; он даже подумал, не распахнуть ли окно, чтобы окликнуть зрителя. Господи боже! Неужели старик испугался, что Хартли присвоит его жалкие гроши?

Хартли напомнил себе, что Добсон – старик с причудами, но тем не менее почувствовал слабое раздражение.

Черная тень приближалась. Хартли напряг глаза, но смог различить лишь смутный, удивительно приземистый силуэт. На миг он подумал, что Добсон совсем спятил и принялся ползать на четвереньках.

Тень юркнула к дому и скрылась под подоконником. Хартли пожал плечами, затушил сигарету и взял книгу, которую читал.

Подсознательно он, должно быть, ждал какого-то звука и едва не выронил книгу, когда раздался стук. Кто-то поднял и опустил дверной молоток.

Он подождал. Стук не повторился, но вскоре внизу послышались тихое шарканье и стук деревянной ноги Добсона.

О книге Хартли и думать забыл. Она лежала у него на коленях. Его напряженный слух уловил осторожный скрежет, затем звон разбитого стекла. Следом что-то тихо зашуршало.

Хартли быстро вскочил. Неужели Добсон случайно запер дверь снаружи и теперь, не получив ответа на стук, разбил окно, чтобы забраться в дом? Художник не мог даже представить, как одноногий, страдающий от ревматизма Добсон будет лезть в окно. К тому же шаги Добсона только что раздавались в доме.

Но что, если черной тенью в саду был не Добсон, а какой-то злоумышленник? Те рабочие как-то чересчур жадно глазели на толстый кошелек Хартли, когда он расплачивался с ними...

Внизу раздался громкий крик ужаса, эхом разлетевшийся по всему дому. Хартли выругался и бросился к двери. Открыв ее, он услышал торопливые шаги Добсона и стук деревянной ноги.

Но к звуку шагов примешивался все тот же странный скрежет, будто пол царапали собачьи когти. Хартли услышал, как открылась задняя дверь и шаги стихли вместе со скрежетом.

Он в три прыжка спустился по лестнице.

Когда он ворвался на кухню, снова раздался крик – и резко оборвался. Из-за открытой двери, что вела в сад, донеслось тихое бульканье. Хартли остановился, взял со стола большой разделочный нож и тихо вышел в ночь.

Луна уже поднялась высоко, и в ее тусклом сиянии сад выглядел призрачным, неземным, кроме участка, на который падала узкая желтая полоса света из дверного проема. Ночной воздух охлаждал лицо. Слева от Хартли, там, где на голом участке земли еще недавно стоял Ведьмин камень, раздался едва слышный шорох.

Хартли тихо отошел в сторону. Его начало охватывать дурное предчувствие. Он вспомнил о предостережениях Добсона, о его зловещих словах: ведьма не умерла, она лежит, дожидаясь, пока кто-нибудь не сдвинет удерживающий ее камень.

– Добсон, – тихо окликнул он. – Добсон!

Навстречу ему что-то двинулось – тихо и осторожно.

В свете луны появилась бугристая тень и стала приближаться к Хартли. Для человека силуэт был слишком крупным; кроме того, люди при дыхании не присвистывают, а их спины не бывают толстыми, зелеными и склизкими...

Господи помилуй! Что за кошмарное воплощение древнего ужаса прыгнуло на Хартли из темноты? Что за богохульное создание покоилось под Ведьминым камнем и какие темные силы Хартли пробудил, сам того не ведая?

Говорили, что в могиле она стала похожа на своего неведомого отца.

Хартли прижался спиной к стене дома. Рационализм, который он исповедовал всю жизнь, пошатнулся под натиском неопишемого ужаса. Такие твари не могли существовать – но существовали! Бесформенная мерцающая фигура прыжками двигалась в сторону художника, и ее стремительное приближение не сулило ничего хорошего.

Он уже слишком замешкался. Тварь была совсем рядом, когда он решил бежать. Его ноги подкосились, и Хартли с испугом подумал, что не удержит равновесия и упадет на землю, беспомощный перед натиском существа. Сделав несколько спотыкающихся шагов, он спиной почувствовал жадное дыхание, собрал силы и бросился вдоль дома.

Тварь погналась за ним. Хартли обогнул здание и помчался к дороге. Оторвавшись, он рискнул оглянуться, и ужас ледяными пальцами сковал его сердце. Злобное отродье не бросило погоню.

Монкс-Холлоу! Спohватившись, Хартли повернул и побежал по дороге к городу, не выпуская из рук разделочного ножа. Он уже успел забыть о нем, но теперь, увидев его в руке, сильнее сжал рукоять и ускорил бег. Добраться бы до города...

До города было две мили – две бесконечные мили по пустой дороге, где почти никто не ездил: надеяться, что мимо проедет автомобиль, не стоило. Дорога давно не ремонтировалась, была вся в колдобинах, и водители предпочитали ей новое скоростное шоссе.

Но шоссе шло за горами, и Хартли понимал, что на скалистой, неровной местности у него нет шансов на спасение. Даже на дороге приходилось тщательно вглядываться в темноту, скрывавшую ямы и выбоины. За его спиной, хрипло и тяжело дыша, скакало нечто.

Ночь была холодной, но на лбу Хартли крупными каплями выступил пот. Рубашка насквозь промокла. Домашний халат путался в ногах, и художник скинул его. Сзади раздался резкий глухой рев. Непродолжительная возня – и ритмичные шлепки возобновились.

«Пока ее топили, пришлось отослать подальше всех женщин. Персис выбралась из воды, вся зеленая и скользкая...»

Хартли стиснул зубы, сдерживая крик ужаса. Позади раздавалось ровное «шлеп-шлеп» и раскатистое дыхание. Тварь настигала его!

Только бы добраться до города! Он прибавил ходу, напрягшись до стука в висках. Но его усилия были тщетными. Тварь легко поддержала заданный темп, и шлепки стали громче. Однажды художнику даже показалось, что он почувствовал на шее жаркое зловонное дыхание. В груди бушевало пламя, легкие мучительно пылали, дыхание стало шумным и судорожным.

Он зацепился ногой за выбоину и едва не полетел носом в асфальт. Лишь ценой невероятных усилий он удержал равновесие и продолжил бег.

Но звуки погони становились все громче и страшнее. Хартли подумал, не сумеет ли он скрыться от преследователя, если резко свернет с дороги в густые заросли – темные пятна по обе стороны дороги. Вряд ли – тварь была слишком близко. Хартли уже перестал закрывать рот, настолько тяжело давался ему каждый вдох.

Тут он увидел свет. Желтые квадраты окон посреди вытянутого черного прямоугольника – далеко, очень далеко. Хотя нет, в темноте он неверно определил расстояние. До дома оказалось меньше пятидесяти футов. Он внезапно вырос перед ним, как будто из-под земли.

Когда Хартли рванулся к крыльцу, из его сухой болезненной глотки вырвался тонкий крик.

Но не успел он добраться до крыльца, как тяжелая туша навалилась на него сзади, придавив к земле, длинные, острые когти принялись рвать рубашку, царапая плоть. В глаза и рот набилась земля, но Хартли вспомнил о ноже, который по-прежнему держал в руке.

Кое-как извернувшись, он наудачу нанес удар через плечо. Хлюпающее хрипкое дыхание сменилось жутким квакающим воплем, нож полетел прочь из его руки. Хартли отчаянно пытался вырваться, но напрасно – так тяжел был тот, кто придавил его.

Тут он услышал удивленный крик. Следом раздались быстрые шаги и оглушительный выстрел. На спину больше ничто не давило. Неведомая тварь зашлепала прочь, в темноту, художник смог перевернуться и стереть грязь с лица. Глаза слезились, но он все же разглядел бледного мужчину в пыльном комбинезоне, со старомодным мушкетом в дрожащих руках.

Хартли не сразу понял, что рыдает.

Мужчина уставился в темноту, затем вытаращился на художника.

– Ч-что это было? – заикаясь, спросил он. – Господи помилуй, что это было?

Энам Пикеринг, чья маленькая ферма располагалась на окраине Монкс-Холлоу, внезапно проснулся. Сев на кровати, он нашарил на столике очки. На морщинистом лице отражалось крайнее замешательство. Что его разбудило? Какой-то незнакомый звук – вот он раздался снова, – тихое царапанье под окном. Удивленный фермер пристально посмотрел в ту сторону, и очки свалились с его носа на ковер.

– Кто там? – громко окликнул он. Ответа не последовало, но царапанье повторилось, сопровождаемое гулким тяжелым дыханием. – Марта! Марта, это ты?! – испуганно крикнул Энам.

В соседней комнате скрипнула кровать.

– Энам? – отозвался тонкий голос. – Что случилось?

Энам быстро вылез из постели и опустился на колени, чтобы поднять очки. Звон разбитого стекла заставил его затаить дыхание.

Он поднял голову, но подслеповатые глаза увидели только смутные очертания оконной рамы, за которой возвышалась какая-то черная громада. В ноздри ударило зловоние, пораженные ревматизмом конечности возмущенно задрожали.

Энам услышал шаги и голос сестры:

– Энам? Что...

Голос сорвался, последовала пауза: судя по всему, случилось нечто страшное. Затем незванный гость заворочался и захрипел, и женщина истошно завизжала от ужаса.

Удивленно охнув, Энам осторожно огляделся вокруг, сделал неуверенный шаг, запнулся о кровать и повалился на нее. Он скорее почувствовал, нежели увидел, как через него перепрыгнуло что-то огромное, черное и бесформенное. Раздался гулкий удар, и хлипкий домик содрогнулся.

Марта перестала визжать. Теперь она издавала хриплые гортанные звуки, словно хотела зарыдать, но никак не могла.

– Марта! – закричал Энам. – Марта, бога ради...

Последовало стремительное движение, и женщина испустила низкий, подозрительно глухой вопль. После этого в комнате раздавалось лишь хрипкое булькающее дыхание. Затем Энам, едва не лишившийся чувств, услышал то, отчего в его голове нарисовалась чудовищная картина: тихий звук разрываемой острыми когтями плоти.

Энам, всхлипывая, поднялся на ноги. Он медленно пересек комнату, повторяя про себя имя Марты и покачивая головой, не в силах разглядеть ничего в таинственном сумраке. Вдруг раздиранье плоти прекратилось.

Энам не остановился. Грубый ворс ковра царапал его босые ноги, тело сотрясалось от сильной дрожи. Шепча имя Марты, он почувствовал, как перед ним выросла черная громада...

Он прикоснулся к чему-то холодному и липкому, омерзительному, как громадный кусок жира. Раздался по-звериному свирепый, леденящий кровь гортанный рык, нечто шевельнулось в темноте – и смерть забрала Энама Пикеринга.

Так в Монкс-Холлоу пришел ужас. Подобно зловонному дыханию многолетнего разврата и декаданса, в котором погряз ведьмовской городок, над Монкс-Холлоу нависла зловещая миазматическая пелена, вырвавшаяся из могилы Персис Уинторп.

Утром Хартли вместе с десятком горожан вернулся домой и обнаружил, что цветник уничтожен. На месте бесплодного участка посреди сада появилась глубокая яма, где, словно в насмешку, лежала страшная находка – изувеченное и частично обглоданное тело старого Добсона, опознать которого сумели только благодаря обломкам деревянной ноги.

Останки лежали в вонючей, густой зеленоватой жиже. Никто не отважился наклониться над мерзкой ямой, но следы зубов на деревянной ноге выглядели достаточно красноречиво.

Хартли вспомнил кое-что из ночных событий. Часами сопоставляя кошмарные факты, блуждая по лабиринтам воображения, он пришел к единственному возможному выводу: всему этому ужасу было логическое, естественное объяснение.

Он упорно стоял на своем, хотя, конечно же, видел, как ночью, в освещенном луной саду, к нему кралась неведомая тварь. Горожане не понимали, почему Хартли отказывается соглашаться с невероятными версиями, которые они высказывали во время похода к ведьмовскому дому; они не знали, что скептицизм оставался последней опорой его рассудка.

«Я отказываюсь верить, – отчаянно повторял себе художник. – Это невозможно».

– Это какой-то зверь, – настаивал он в ответ на предположения Байрема Лиггета, крепко сбитого, загорелого фермера, который спас его. – Я уверен. Какой-то хищный зверь...

Лиггет с сомнением качал головой, держа наготове ружье – все мужчины пришли с оружием, – и внимательно оглядывая заросли.

– Нет, сэр, – твердо заявил он. – Вы забываете, что я тоже видел эту тварь. Не похоже ни на одно из Божьих созданий. Это *она* восстала из могилы.

Люди невольно отшатнулись от страшной ямы.

– Ладно, может быть, это гибрид, – возразил Хартли. – Уродец, мутант. Отпрыск двух разных зверей. Такое возможно. Опасное дикое животное, неизвестное науке, и все. Наверняка это так!

Лиггет странно посмотрел на него и хотел было ответить, но ему помешал парень, задыхавшийся от быстрого бега. Лицо его было бледным.

– Что случилось? – резко спросил Хартли, предчувствуя беду. Мальчишке понадобилось время, чтобы отдышаться, прежде чем он смог внятно ответить.

– Старый Энам и мисс Пикеринг, – выдохнул он наконец. – Шо-то их убило! Оба... на куски разорваны, вот... сам видел...

Вспомнив об увиденном, мальчишка задрожал и зарыдал от страха.

Разом побледневшие люди переглянулись, по толпе прокатился ропот, сперва тихий, потом все более громкий. Лиггет вскинул руки, чтобы утихомирить собравшихся. На его загорелом лице выступили капли пота.

– Вернемся в город, – возбужденно сказал он. – Как можно быстрее. Наши женщины и дети... – Тут его осенило, и он обратился к мальчику: – Джем, ты заметил у дома Энама какие-нибудь следы?

– Там... – мальчик сглотнул слезы, – да, там были следы. Огромные, как от лап лягушки, только больше моей головы. Они...

– Назад в город, – торопливо перебил его Лиггет. – Живо! Загоните всех женщин и детей в дома и не выпускайте.

По его команде группа рассыпалась, остались только Лиггет и Хартли. Мертвенно-бледный художник уставился на фермера.

– Это наверняка... наверняка чересчур, – сказал он. – Несколько мужчин... вооруженных...

– Проклятый болван! – рявкнул на него Лиггет, едва сдерживая ярость. – Додумался убрать Ведьмин камень! Да кто тебе вообще позволил здесь поселиться? Умничаешь тут, как все горожане, болтаешь про каких-то гибридов и этих, как их, мутантов... Да ты хоть знаешь, что творилось в Монкс-Холлоу лет сто назад? Вот я хорошо об этом наслышан – о бесовках вроде Персис Уинторп, которые промышляли тут колдовством и хранили языческие книги, и о жутких тварях, что жили в Северных болотах. Ты натворил достаточно бед. Пойдем со мной. Здесь тебе оставаться опасно. Всем опасно – пока мы не разберемся с... этим!

Хартли не ответил и молча побрел за Лиггетом к дороге.

По пути они обогнали спешивших к городу людей: сгорбленных, еле ковылявших стариков, которые испуганно озирались по сторонам, женщин, не отпуская от юбок ошеломленных детей. Медленно проезжали автомобили и старомодные двуколки. Жители обрывали телефоны. Изредка Хартли слышал, как люди украдкой перешептываются, и чем ближе они подходили к городу, тем громче становился шепот, переходя в низкую испуганную болтовню, стучавшую в ушах Хартли, словно огромные барабаны – вестники рока.

– Лягушка! Лягушка!

Наступила ночь. Монкс-Холлоу дремал под светом луны. Мрачные вооруженные мужчины патрулировали улицы. В гаражах не стали закрывать двери, чтобы мгновенно прийти на помощь в случае тревожного звонка. Нельзя было допускать повторения трагедии, случившейся накануне.

В два часа ночи Лиггета разбудил настойчивый звонок телефона. То был хозяин запра-вочной станции на шоссе в нескольких милях от города. На него кто-то напал, пронзительно прокричал он в трубку. Он заперся на станции, но стеклянные стены не защитят его от надвигающейся твари.

Помощь опоздала. Станция была охвачена пламенем, питавшимся топливом из подземных цистерн, и люди лишь мельком увидели громадное бесформенное существо, спокойно ускользавшее прочь от места катастрофы, несмотря на шквал пуль, выпущенных в его сторону.

По крайней мере, хозяин заправки нашел хорошую смерть. Он сгорел дотла; его кости, не тронутые хищными клыками, позднее нашли среди руин.

Той же ночью Хартли обнаружил чудовищные следы под окном своей спальни в доме Лиггета. Когда он показал их Лиггету, фермер с любопытством взглянул на него, но почти ничего не сказал.

Следующей ночью произошло новое нападение. Хартли выскочил из спальни и захлопнул дверь прямо перед носом твари. Та пытела, редела и царапала когтями тонкую дверь; но прежде чем Хартли и проснувшийся Лиггет вернулись с оружием, она ретировалась через разбитое окно.

Следы вели в заросли густого кустарника неподалеку от дома, но лезть в это мрачное место ночью было сущим самоубийством. Лиггет полчаса провел у телефона, уговаривая горожан встретиться у него дома на рассвете и отправиться в погоню.

– Она тебя запомнила, – сказал Лиггет. – Как я и думал, она охотится за тобой. Я тут прикинул... – он задумался, ковыряя ногтем щетину на подбородке, – может, получится заманить ее в западню...

– Использовать меня как наживку? – Хартли сообразил, к чему тот клонит. – Ни за что!

– А что еще делать? Выследить ее мы не смогли, днем она прячется в Северных болотах. Другого выхода нет. Хочешь, чтобы она сожрала еще больше людей? Хартли, может, нам всю жизнь держать детей взаперти?

– Есть же Национальная гвардия... – начал Хартли, но Лиггет перебил его:

– Как они достанут ее в болоте? Если бы эту тварь можно было уработать привычными способами, мы бы уже сделали это. Утром попробуем выследить еще раз, но толку наверняка не будет. На счету каждая минута, врубаешься? Вдруг она успела еще кого-нибудь слопать, пока мы тут с тобой болтаем. Усек?

Он остановился, пристально глядя на Хартли.

– Усек. Ты думаешь, это все из-за меня. Но... Господи! Я убеждал себя, что эта зверюга – мутант, адский результат скрещивания несовместимых видов. Однако...

– Теперь ты понимаешь, что все иначе, – тихо закончил за него Лиггет. – Ты знаешь, что это такое.

– Нет, – Хартли тупо помотал головой. – Этого не может...

Он запнулся, поймав взгляд Лиггета. Фермер смотрел за спину Хартли, в его глазах застыл ужас, смешанный с изумлением. Он успел выкрикнуть предупреждение испуганным голосом и резко оттолкнул художника. Тот увидел торчавшую в окне блестящую жуткую морду; устрашающую маску, не человеческую и не лягушачью – что-то среднее между тем и тем. Громадный щелевидный рот лениво шевелился, желтые, будто стеклянные глаза тарасились на Хартли. Пахнуло душливой вонью, и существо заскочило в комнату. Лиггет выстрелил из ружья.

Тварь извернулась в прыжке, и фермер упал под ее тяжестью. Раздался и резко оборвался предсмертный крик. Чудовище оторвало от тела Лиггета морду, покрытую свежей кровью, и издало булькающий горловой звук, страшно похожий на смех. У Хартли закружилась голова; он судорожно нащупал дверную ручку и распахнул дверь ровно в тот миг, когда тварь прыгнула.

Он успел захлопнуть ее за собой, но от мощного удара дверное полотно раскололось. Хартли вылетел в коридор.

Оказавшись снаружи, он на секунду замешкался, с мучительной нерешительностью оглядываясь по сторонам. В холодной предрассветной мгле был виден ближайший дом, футах в двухстах, но Хартли не успел даже дернуться – чудовище преградило ему путь. Судя по всему, оно вылезло из того же окна, в которое запрыгнуло.

Хартли вдруг вспомнил о пистолете, с трудом вытащил его и пальнул в упор, надеясь поразить приближающуюся тварь. Та злобно, грозно квакнула, рот-щель заходил ходуном; из раны на обвисшем, мешковатом горле медленно потек вонючий черный гной.

Но чудовище не остановилось, и Хартли, поняв, что такое громадное существо должно быть весьма живучим, бросился наутек. Тварь перекрывала путь к городу и, словно понимая это, преследовала Хартли по пятам, не позволяя развернуться. Художник невольно подумал, что чудовище загоняет его, как охотничья собака – зверя!

Он услышал скрип оконной рамы и крик. Затем бросился сломя голову вдоль дороги, по которой спасался бегством в ночь после пробуждения жуткого чудовища.

Заметив отворот на дорогу для фермерских повозок, он по наитию свернул туда. Возвращение в город было его единственной надеждой. За спиной раздавалось булькающее дыхание и ритмичные шлепки – признак погони.

Хартли наугад выстрелил через плечо, но промахнулся в обманчивой предрассветной дымке и решил больше не тратить пуль.

Тварь определенно загоняла его! Он дважды замечал тропинки, что вели к городу, и каждый раз чудовище преграждало ему путь, делая большие прыжки и смещаясь вправо, пока тропинки не скрывались из вида. Вскоре луга стали более дикими, пышными и неестественно зелеными. Хартли подумывал о том, чтобы забраться на дерево, но прямо у дороги деревьев не росло, а преследователь был слишком близко. Художник с ужасом осознал, что перед ним раскинулись Северные болота – зловещая трясина, упоминавшаяся чуть ли не во всех страшных местных легендах.

В бледно-серой полумгле вырисовывались очертания восточных гор. Вдали раздался звук, вселивший в сердце Хартли надежду. Шум автомобильного мотора – даже двух! Он вспомнил, что сосед Лиггета звал на помощь, когда он убежал. Наверное, он собрал горожан. Но хриплое дыхание чудовища слышалось все ближе.

Однажды тварь остановилась, и Хартли, оглянувшись, увидел, что она в ярости теревит свою раненую глотку. Вероятно, рана мешала ей вести погоню, иначе Хартли давно был бы разорван острыми когтями. Он прицелился, но чудовище как будто почуяло его намерения и снова прыгнуло вперед – пришлось бежать, чтобы не попасться ему в лапы. Шум моторов в преддверии тиши становился все громче.

Тропинка петляла через болото. Она поросла сорняками, была покрыта ямами и трещинами и порой сужалась так, что среди болотной жижи оставалась лишь тоненькая ленточка сухой земли. По сторонам раскинулись пышные зеленые мхи, среди которых виднелись зловонные черные озера. Кругом стояла удивительная тишина: ни единого движения. Ветер не тревожил листву, по воде не бежала рябь. Звуки, издаваемые тварью, и рев моторов казались бесцеремонным вторжением в это мертвое безмолвие.

Тропинка оборвалась внезапно, без предупреждения. На последнем десятке ярдов ее покрывала зеленая слизь. Хартли ступил в ледяную воду, доходившую до лодыжек, одна его нога провалилась в яму, и он тяжело плюхнулся в болото, вывихнув ступню. Падая, он резко дернулся вбок, ощущая движение воздуха – признак близости чудовища.

Хартли выставил перед собой руки, и они вдруг погрузились во что-то мягкое и липкое, начавшее неумолимо всасывать их. Художник с хриплым криком выдернул руки из зыбучей топи и перекатился на твердую дорогу. Он услышал выстрел, увидел, растянувшись посреди слизи, как над ним нависла чудовищная маска воплощенного ужаса. Грохотали моторы. До Хартли донеслись ободряющие крики.

Тварь остановилась и отступила, и Хартли, вспомнив о пистолете, выхватил его из-за пояса. Он выстрелил в упор, и одновременно с его выстрелом грянул залп со стороны машин. Над художником просвистел свинец, плечо обожгла резкая боль.

Внезапно из чудовища, как из громадного бурдюка, пробитого в дюжине мест, хлынула черная тошнотворная жижа. Хрипло хватая ртом воздух, тварь зашлепала в сторону, неуклюже, кренясь набок, прыгнула в придорожную трясику и быстро пошла ко дну.

Трясина поглотила ее. Гигантские задние лапы, черные, блестящие, мускулистые, скрылись почти мгновенно, а за ними – удлиненное, болезненно-белое брюхо. Хартли, едва не теряя сознание от тошноты, почувствовал, как его подхватили и поставили на ноги, услышал голоса, звучавшие словно вдалеке.

Но его взгляд был прикован к жуткой твари, тонувшей в десятке ярдов от него, к перепончатым лапам со шпорами и острыми, как пики, когтями, отчаянно месившими болотную жижу, к страшной бесформенной голове, болтавшейся туда-сюда в агонии. Из распахнутой пасти вырывались зловещее кваканье, ужасное хриплое рычание, в котором вдруг послышались знакомые, внятные и членораздельные слова: бешеные проклятия, которые могли сорваться с языка давно умершего человека.

Люди отступили, побледнев от отвращения, и Хартли опустился на колени. Его тошнило, он мучительно стонал от ужаса. А тварь, захлебываясь болотной жижей, рычала:

– Арррргх... ухх... вы... Будьте вы прокляты! Будьте вы все прокляты! Персис Уинторп проклинает вас, да сгниет ваша плоть, да провалитесь вы все в...

Страшные проклятия оборвал булькающий вскрик, который почти сразу заглох. Трясина ненадолго всколыхнулась, на ее поверхности образовался и лопнул огромный пузырь, и на Северные болота вновь опустилась вековая тишина.

Захватчики

– А, это вы, – сказал Хейворд. – Получили мою телеграмму?

Свет из дверного проема коттеджа очерчивал его высокую, худощавую фигуру, тень от которой, длинная и темная, падала на узкую освещенную полосу песка, доходя до черно-зеленых волн.

В темноте раздался зловещий крик морской птицы, и силуэт Хейворда неожиданно задрожал.

– Входите, – сказал Хейворд, живо отступив.

Мы с Мейсоном вошли в коттедж.

Майкл Хейворд был писателем, причем уникальным. Мало кому удавалось создать такую удивительную атмосферу сверхъестественного ужаса, какой были наполнены фантастические рассказы Хейворда. У него, как и у всех великих писателей, были подражатели, но никто не мог передать то четкое и ужасающее ощущение реальности происходящего, которым славились его фантазии, зачастую скандальные. Он выходил за границы человеческих познаний и распространенных суеверий, исследуя неведомые, неземные просторы. Рядом с ним блекли стихийные вампиры Блэквуда, мерзкие восставшие мертвецы М. Р. Джеймса, даже черный ужас мопассановской «Орля» и бирсовской «Проклятой твари».

Но дело было не столько в сверхъестественных существах, о которых писал Хейворд, сколько в мастерском изображении реальности; читатели всерьез пугались того, что он не выдумывает, а переносит на бумагу ужасающие происшествия, случившиеся на самом деле. Немудрено, что уставшая от рутины публика с радостью принимала все его новые истории.

В тот вечер в «Джорнэл», где я работал, позвонил Билл Мейсон и прочитал мне срочную телеграмму, в которой Хейворд просил нас – умолял – как можно быстрее приехать в его коттедж на побережье, к северу от Санта-Барбары. Теперь, глядя на него, я думал о том, чем вызвана такая срочность.

С виду он не был болен, хотя худое лицо казалось костлявее обычного, а глаза неестественно сверкали. Он явно нервничал, и мне вдруг показалось, что он прислушивается к каждому звуку, доносившемуся снаружи. Взяв наши плащи, он предложил нам сесть. Мейсон беспокойно посмотрел на меня.

Что-то было не так. Мы с Мейсоном это чувствовали. Хейворд набил трубку и закурил; султан дыма увенчал жесткую копну его черных волос. На висках играли синеватые тени.

– В чем дело, старина? – спросил я в лоб. – Из твоей телеграммы ни черта не понятно.

– Должно быть, слишком торопился, – лицо Хейворда залилось краской. – Джин, понимаешь... впрочем, давай без обиняков: дело плохо, очень плохо. Сперва я решил, что просто разнервничался, но оказалось, что нет.

Снаружи снова истошно закричала чайка, и Хейворд невольно повернулся к окну. Его взгляд был настороженным, и я заметил, как он едва сдерживает дрожь. Затем он, кажется, собрался с духом и повернулся к нам; губы были крепко сжаты.

– Джин, Билл, скажите, вы не заметили ничего необычного по дороге?

– Да нет, – ответил я.

– Ничего? Уверен? Не слышали странных звуков, которым просто не придали значения?

– Чайки орали, – хмуро ответил Мейсон. – Джин, помнишь, я обращал на это внимание.

– Чайки? – резко перебил Хейворд.

– Ну да, – ответил я. – Или другие птицы. Их крики не совсем похожи на чайачьи. Мы их не видели, но они как будто летели за машиной, перекликаясь. Мы хорошо их слышали. Но кроме птиц...

Я запнулся, с изумлением увидев, что на лице Хейворда отразилось полное отчаяние.

– Нет, Джин, об этом-то я и толкую, – сказал он. – Это были не птицы. Это... Нет, вы не поверите, – прошептал он испуганно. – Пока не увидите. А когда увидите, будет уже поздно.

– Майк, – сказал я, – ты перетрудился. Тебе бы...

– Нет, – перебил он. – Я не рехнулся. Если ты думаешь, что от моих странных историй у меня съехала крыша, то ошибаешься. Я, как и ты, в здравом уме. Дело в том, – произнес он очень медленно, осторожно подбирая слова, – что за мной следят.

Я внутренне простонал. Манья преследования – главный признак сумасшествия. Неужели Хейворд потерял-таки рассудок? Почему его глаза так сверкали, а худое лицо так разругалось? И почему он постоянно поглядывал в окно?

Я повернулся к окну, собираясь что-то сказать, но остановился.

Передо мной была лиана. Точнее, нечто, похожее на толстую тугую лиану, потому что до этого я не видел на подоконнике ничего подобного. Я открыл окно, чтобы получше разглядеть ее.

Она была толщиной с мою руку, цвета бледно-желтоватой слоновой кости. Ее поверхность была гляцевой, почти полупрозрачной, на конце был свежий обрубок с густыми жесткими волосками. Отчего-то это напомнило мне слоновий хобот, хотя реального сходства не было. Другой конец лианы свисал с подоконника и скрывался во тьме у фасада дома. В целом штукавина совершенно не понравилась мне.

– Что там? – спросил Мейсон из-за моей спины.

Я приподнял эту... эту... чем бы она ни была, и едва не подскочил от испуга, когда она выскользнула у меня из рук! Кто-то потянул ее, и я, растерянно наблюдая за происходящим, позволил ее кончику проползти сквозь пальцы и исчезнуть во мраке. Я высунулся из окна.

– Снаружи кто-то есть! – бросил я через плечо. – Я видел...

Меня схватили и оттолкнули.

– Окно нужно закрыть! – выпалил Хейворд. Он захлопнул раму и запер ее. Тут я услышал неразборчивый удивленный вскрик Мейсона.

Тот стоял в дверях и глядел наружу с гримасой удивления и отвращения на лице.

Из-за двери раздался пронзительный писк, за которым налетел шквалистый ветер. В комнату полетел песок. Мейсон отшатнулся, прикрывая рукой глаза.

Хейворд подскочил к двери и захлопнул ее. Я помог дрожащему Мейсону сесть в кресло. Было страшно видеть, как этот мужчина, обычно непоколебимый, поддается панике. Он грузно опустился в кресло, пуча на меня глаза. Я дал ему фляжку; он побелевшими пальцами вцепился в нее и отхлебнул. Его дыхание было быстрым и неровным.

Подождал Хейворд и с жалостью посмотрел на Мейсона.

– Что случилось, черт побери?! – воскликнул я. Но Мейсон пропустил мою реплику мимо ушей, не отводя глаз от Хейворда.

– Б-боже всемогущий... – прошептал он. – Хейворд, я что, сошел с ума?

– Я тоже их видел, – слабо покачал головой Хейворд.

– Билл, – резко произнес я, – что там? Что ты видел?

Он лишь резко потряс головой, подавляя сильнейший приступ дрожи.

Я повернулся, подошел к двери и открыл ее. Не знаю, что я ожидал увидеть – может, какого-то зверя вроде пумы или огромной змеи. Но снаружи не было никого, только пустой белый пляж.

Впрочем, неподалеку я заметил круг вздыбленного песка, но это еще ни о чем не говорило. Хейворд крикнул, чтобы я закрыл дверь. Я так и сделал.

– Там ничего нет, – сказал я.

– Значит... оно ушло, – выдавил Мейсон. – Дай мне еще выпить.

Я передал ему фляжку. Хейворд принялся копать в столе.

– Вот, смотрите, – вскоре сказал он, возвращаясь с клочком пожелтевшей бумаги. Он сунул его Мейсону, и у Билла вырвалось нечто нечленораздельное.

– Это она, – с трудом ворочая языком, произнес Мейсон. – Та... штука, которую я видел!

Я перегнулся через его плечо и внимательно посмотрел на листок. Там была карандашная зарисовка того, что можно назвать кошмаром натуралиста. Сперва я увидел сферу, сплюснутую сверху и снизу, покрытую, как мне показалось, редкими, но длинными и толстыми волосками. Затем я понял, что это не волосы, а тонкие щупальца. На морщинистой шкуре существа виднелся большой фасетчатый глаз, а под ним – окруженное складками отверстие, вероятно рот. Художник из Хейворда был так себе, но его поспешный набросок четко говорил о том, насколько отвратительна эта тварь.

– Это она, – повторил Мейсон. – Убери это! Она вся... блестела. И издавала этот... этот звук.

– Куда она подевалась? – спросил Хейворд.

– Н-не знаю. Но не укатилась прочь, не нырнула в океан, это точно. Я почувствовал порыв ветра, в глаза полетел песок. А когда я их открыл... ее уже не было.

Я вздрогнул.

– Холодно, – заметил Хейворд. – Когда они приходят, всегда холодает.

Он молча развел огонь в каменном очаге.

– Таких тварей не существует! – убеждая себя, запротестовал Мейсон, после чего в отчаянии добавил: – Но я ее видел, видел!

– Билл, успокойся, – огрызнулся я.

– Джин, плевать мне на твое мнение! – воскликнул он. – Я знаю, что видел. Да, я всегда смеялся над этим – над легендами, снами. Но господи, когда видишь такое... ох, Джин, я не вожу тебя за нос. Ты наверняка и сам скоро увидишь, – закончил он с непривычной ноткой ужаса в голосе.

Я понимал, что он не обманывает меня. Однако...

– Ты уверен, что это не... мираж? – спросил я. – Скажем, оптическая иллюзия от водяных брызг?

– Нет, Джин, – ответил за него Хейворд. В уголках его рта появились мрачные морщинки. – Это не иллюзия. Это ужасная реальность. Я до сих пор заставляю себя поверить в то, что это какой-то невероятный, фантастический кошмар, от которого я рано или поздно очнусь. Но нет. Я больше не в силах выносить это в одиночку. Твари появились здесь два дня назад. Их несколько – пять или шесть; может, больше. Поэтому я и послал вам телеграмму.

– Пять-шесть кого? – уточнил я, но Мейсон сразу перебил меня:

– Давай просто уедем? Моя машина недалеко, у дороги.

– Думаешь, я не пробовал? – воскликнул Хейворд. – Я боюсь. У меня тоже есть машина. Вчера я рискнул и поехал в Санта-Барбару. Думал, под покровом ночи они меня не заметят. Но звуки – их крики – становились все громче и громче, и я почувствовал, что они готовы напасть. Я остановил первого прохожего и заплатил ему, чтобы он послал вам телеграмму.

– Но что это за твари? – выпалил Мейсон. – Ты не знаешь? Не взяли же они из ниоткуда? Наверное, морские мутанты, ранее неизвестные науке...

Хейворд кивнул:

– Неизвестные науке – это точно. Но не морские, Билл, не морские. Внеземные, незнакомые человечеству. Из другого измерения, другой плоскости бытия.

Это было уже чересчур.

– Хейворд, прекрати, – сказал я. – Ты же не хочешь сказать... это противоречит всякой логике!

– Ты этого не видел, – покосился на меня Мейсон. – Если бы ты оказался на моем месте и сам увидел это жуткое непотребство...

– Послушайте, – вмешался Хейворд. – Мне... не стоило втягивать вас. Глядя на Билла, я понимаю... вам еще не поздно уехать. Может, будет лучше...

Я помотал головой. Убегать от каких-то криков во тьме, от странной лианы и оптической иллюзии? Ну уж нет. К тому же я понимал, сколько сил стоило Хейворду сдать назад. Но не успел я ответить ему, как снаружи раздался странный пронзительный крик. Хейворд мгновенно посмотрел в окно и задернул шторы.

– Я передумал, – мрачно заявил он. – Сегодня вам лучше никуда не ехать. Может быть, завтра...

Он подошел к столу, достал коробочку с таблетками, молча подставил ладонь и высыпал на нее несколько круглых темных капсул.

Я взял одну и с любопытством понюхал. Ноздри непривычно зашекотало, и я ни с того ни с сего вспомнил давно забытый случай из детства – ничего особенного, просто тайный поход в яблоневый сад с двумя юными приятелями. Мы набили два джутовых мешка...

Почему я вдруг вспомнил об этом? Я давным-давно забыл свое детское приключение – по крайней мере, не вспоминал о нем уже много лет.

Хейворд поспешно забрал у меня капсулу и присмотрелся ко мне.

– С этого все началось, – сказал он спустя несколько секунд молчания. – Да, это наркотик, – добавил он, заметив наше удивление. – Я уже некоторое время принимаю его. Нет, не гашиш и не опиум – уж лучше бы они! Гораздо хуже. Я вычитал формулу в «De Vermis Mysteriis» Людвиг Принна.

– Что? – Я был ошеломлен. – Где ты...

Хейворд кашлянул:

– Джин, честно говоря, мне пришлось дать взятку. Книга находится в тайном хранилище Хантингтонской библиотеки, но мне... удалось раздобыть фотокопии нужных страниц.

– А о чем вообще эта книга? – нетерпеливо спросил Мейсон.

– «Таинства Червя», – ответил я. – Я встречал это название в репортажах некоторых наших корреспондентов. Но ссылаться на нее запрещено, любые упоминания газета приказала удалять.

– Такие вещи всегда стараются засекретить, – добавил Хейворд. – Во всей Калифорнии мало кто знает, что эта книга есть в Хантингтонской библиотеке. Она не для широкой публики. Видишь ли, ее автором предположительно был средневековый фламандский колдун, владевший запретными знаниями и злой магией. Он написал эту книгу, пока сидел в темнице в ожидании приговора за колдовство. Во всех странах, где выходила книга, власти тут же запрещали ее. Помимо прочего, в ней содержится формула этого наркотика. – Он покатал капсулы по ладони. – Это... что скрывать, это источник вдохновения для моих невероятных историй. Наркотик чрезвычайно стимулирует воображение.

– И как он действует? – спросил я.

– Он влияет на время, – ответил Хейворд и посмотрел на нас в ожидании реакции. Мы, в свою очередь, уставились на него. – Я не имею в виду, что он позволяет перемещаться во времени. По крайней мере, физически. Но, приняв его, я вспоминаю то, чего со мной не случилось. Наркотик дает доступ к наследственным воспоминаниям, – быстро, откровенно продолжил он. – Что в этом такого уж удивительного? Я вспоминаю свои прошлые жизни, прежние воплощения. Вы наверняка слышали о переселении душ – в него верит больше половины жителей Земли. Согласно этой теории, в момент смерти душа покидает тело, чтобы переселиться в другое – как краб-отшельник меняет раковины.

– Это невозможно, – отрезал я. Но тут же вспомнил, какой фокус выкинула моя память, когда я осматривал таблетку.

– Почему? – возразил Хейворд. – Безусловно, у души, у этой живой сущности, есть память. Что, если эту скрытую, потерянную память можно переместить из подсознания в сознание? Джин, у древних мистиков имелись удивительные знания и способности. Не забудь, я ведь сам принимал этот наркотик.

– И каковы были ощущения? – с любопытством спросил Мейсон.

– Я почувствовал... как в мой разум хлынул поток воспоминаний. Похоже на то, как в кино сменяются кадры. Точнее не объясню. Сперва я очутился в Италии времен правления Борджиа. Я отчетливо вспомнил заговоры и контрзаговоры, затем переместился во Францию, где я – точнее, мой предшественник – был убит в кабацкой драке. Все было очень натуралистично, очень естественно. Я продолжил принимать наркотик, хотя зависимости он не вызывает. Его действие обычно длится от двух до четырех часов, и всякий раз, когда оно заканчивается, я выхожу из подобного сну состояния и чувствую себя свежим, свободным, раскованным. И принимаюсь писать. Вы даже представить не можете, как далеко уходят эти унаследованные воспоминания. На поколения, сотни, тысячи лет! Во времена Чингисхана, Египта, Вавилона и еще дальше, в эпохи легендарных затонувших цивилизаций Му и Атлантиды. В тех первобытных воспоминаниях, в стране, что ныне существует только в мифах и легендах, я и встретил впервые этих существ – этих ужасных тварей, которых вы сегодня увидели. Они населяли Землю бесчисленные тысячелетия назад. И я...

Его перебил все тот же пронзительный крик. На этот раз он, казалось, раздался прямо над коттеджем. Мне вдруг стало холодно, словно температура резко упала. Прибой накатывал на берег с тяжелым, зловещим рокотом, напоминавшим перестук военных барабанов.

На лбу Хейворда выступили капли пота.

– Я призвал их сюда, – невнятно пробормотал он и весь поник. – В «Тайнах Червя» указано, какие меры предосторожности необходимо принять перед употреблением наркотика. Пнакотический пятиугольник, каббалистические защитные символы, – впрочем, вы в этом не разбираетесь. В книге также содержатся предупреждения о том, что может случиться, если не принимать меры, и отдельно упоминается о появлении этих тварей, так называемых обитателей Скрытого мира. Но я... пренебрежительно отнесся к предупреждениям. Я не мог предвидеть... я думал, что без этого наркотик подействует сильнее, поможет улучшить мои рассказы. Я открыл ворота и призвал их обратно на Землю. – Он тупо уставился куда-то вдаль и пробормотал как бы про себя: – Проявив невнимательность, я совершил ужасный грех.

Мейсон вдруг вскочил на ноги, весь дрожа:

– Не хочу больше здесь оставаться! Мы все с ума сойдем. До Санта-Барбары ехать всего час – лучше так, чем ждать непонятно чего, пока эта тварь над нами!

Перед лицом неведомой угрозы, какой бы она ни была, Мейсон начал терять самообладание. Или рассудок?

Я убеждал себя, что причиной испуга Мейсона были всего-навсего морские птицы, водяной мираж и, возможно, люди.

Но в глубине души я понимал, что простой страх не довел бы двух моих друзей до истерики. И чувствовал, что не слишком хочу выходить на мрачный, молчаливый темный пляж.

– Нет, – сказал Хейворд. – Нельзя... так мы натолкнемся на тварь. Дома мы в безопасности...

Но голос его звучал неуверенно.

– Я не могу сидеть и ничего не делать! – воскликнул Мейсон. – Так мы все спящим, точно говорю. Чем бы ни была эта тварь, у меня есть пистолет. Готов поспорить, пули ее возьмут. Я ухожу!

Он был не в себе. Еще недавно его пугала сама мысль о том, чтобы выйти из коттеджа; теперь же он был готов на это, лишь бы сбежать от терзающего нервы бездействия. Достав из кармана плоский, грозного вида, автоматический пистолет, он двинулся к выходу.

Хейворд в ужасе вскочил.

– Бога ради, не открывай! – крикнул он.

Но Мейсон не обратил на него внимания и распахнул дверь. На нас подул ледяной ветер. Снаружи поднялся туман и маслянистыми щупальцами потянулся к дверному проему.

– Закрой дверь! – закричал Хейворд, бросаясь к Мейсону через всю комнату. Я поспешно ринулся за ним, но Мейсон уже скрылся в темноте. Мы с Хейвордом столкнулись и едва не упали. Снаружи раздался хруст шагов Мейсона по песку – и еще кое-что.

Пронзительный, протяжный крик. Гневный и, как мне показалось, торжествующий. Издалека в ответ понеслись другие, будто высоко над нами, в тумане, кружили десятки птиц.

Я услышал еще один тихий звук, который не смог опознать. Похожий на резко оборвавшийся вопль. Завыл ветер, и я увидел, как Хейворд цепляется за дверь, ошалело глядя наружу.

Мгновение спустя я понял почему. Мейсон исчез без следа, словно его унесла огромная хищная птица. Перед нами раскинулся пустой пляж, слева тянулись пологие дюны, но Билл Мейсон как сквозь землю провалился.

Я был ошеломлен. Он не мог убежать так далеко и полностью скрыться из вида, пока я ненадолго отвел глаза. Не мог он и спрятаться под домом, ведь тот был выстроен не на сваях, а прямо на песке.

Бледный как смерть Хейворд повернулся ко мне.

– Они его сожрали, – прошептал он. – Почему он не послушался? Теперь у них есть первая жертва, и одному Богу известно, что будет дальше.

Тем не менее мы продолжали высматривать Мейсона. Тщетно. Билл исчез. Мы даже дошли до его машины, но и там его не оказалось.

Если бы ключи остались в замке, я попытался бы уговорить Хейворда уехать со мной подальше от проклятого пляжа. Мне тоже становилось страшно, но я по-прежнему отказывался это признавать.

Мы медленно вернулись в коттедж.

– До рассвета осталось недолго, – сказал я, когда мы сели и молча уставились друг на друга. – Может, тогда Мейсон найдется.

– Не найдется, – тупо ответил Хейворд. – Он в какой-то невообразимой адской дыре. Может, даже в другом измерении.

Я упрямо помотал головой. Мне ни за что не хотелось в это верить. Происходящему должно было найтись логическое объяснение. Скепсис и недоверие были моей защитой, и я не осмеливался отказываться от нее.

Через некоторое время снаружи снова раздался протяжный крик. Затем еще раз, затем – сразу в нескольких местах. Дрожащими пальцами я зажег сигарету, встал и принялся нервно мерить шагами пол.

– Чертов наркотик, – пробормотал Хейворд. – Он открыл врата... я совершил тяжкий грех...

Вдруг мое внимание привлек текст на листке бумаги, вставленном в печатную машинку Хейворда. Я вытащил листок.

– Идеи для рассказа, – услышав звук, с горечью объяснил Хейворд. – Я начал писать набросок два дня назад, когда ко мне впервые пришли воспоминания. Я говорил, как работают эти чертовы таблетки. Днем я... вспомнил, а вечером сел, чтобы сложить воспоминания в единый сюжет. Но меня прервали.

Я не ответил. Меня заворожили эти полстраницы текста. Пока я читал, меня все сильнее окутывала, словно холодным влажным туманом, зловещая аура ужаса. В жуткой легенде, сложенной Хейвордом, упоминалось то, от чего мой разум отворачивался, хотя мне уже доводилось слышать о нем.

Вот что говорилось в рукописи:

Я жил в незапамятные времена. В стране, давно забытой еще во времена расцвета Атлантиды и Киммерии, в стране настолько древней, что спустя века о ней не сохранилось ни одного упоминания.

Первые люди жили в первобытной Му и поклонялись удивительным, забытым богам – громадному Ктулху из водяной бездны, змееподобному Йигу, Сияющему Охотнику Иоду, Ворвадосу из Бел-Ярнака.

В те времена на Землю прибыли существа из другого измерения, не похожие на людей чудовища, жаждавшие стереть с лица планеты всю жизнь. Эти существа хотели переселиться на Землю из своего умирающего мира и построить юную, плодородную планету своими исполинскими городами.

С их прибытием разгорелась жесточайшая война, в которой дружественные людям божества сразились с враждебными захватчиками.

В этой циклопической битве в первых рядах сражался самый могущественный из земных богов, Пылающий Ворвадос из Бел-Ярнака, и я, верховный жрец его культа, поддерживал...

На этом рукопись обрывалась.

Хейворд наблюдал за мной.

– Джин, это то, о чем я... грезил, когда в последний раз принимал наркотик времени. Обычно грезы бывали четче этой, в ней есть слепые пятна и провалы, с которыми моя память почему-то бессильна справиться. Но наркотик показал мне, что происходило в моей доисторической жизни, множество воплощений назад. Мы победили – точнее, наши боги победили. Этих захватчиков, этих тварей... – Его перебил протяжный крик, раздавшийся очень близко. Голос Хейворда сорвался, но он закончил фразу: – Прогнали обратно в их мир, в их измерение, и запечатали проход, чтобы они не смогли вернуться. Все эти тысячелетия он оставался закрыт. Он был бы закрыт до сих пор, – с горечью продолжил Хейворд, – если бы я не открыл его в ходе экспериментов, если бы соблюдал описанные в «Тайнах Червя» меры предосторожности. Теперь они сожрали Мейсона, и этого хватит. Не спрашивай, откуда я знаю. Чтобы отворить врата между нашим миром и их жутким измерением, нужна была жертва, и теперь полчища тварей хлынут на Землю... Именно так они попали сюда в первый раз. Посредством человеческой жертвы...

– Послушай! – Я жестом заставил его замолчать. Пронзительные крики прекратились, но снаружи слышался слабый писклявый стон. Хейворд не шелкнулся. – Может, это Мейсон?

Я вскочил и бросился к двери. На миг я замешкался, но потом распахнул дверь и шагнул на песок. Стоны стали громче. Хейворд медленно подошел ко мне. Его зрение было острее моего, и он вдруг удивленно воскликнул, заметив что-то в густом тумане.

– Боже милосердный! – Он показал рукой. – Ты только посмотри!

Я увидел, на что он указывает, и в оцепенении замер, не в силах отвести взгляд.

На тихоокеанском берегу, рядом с желтой полосой света, падавшего из открытой двери, было нечто неправильное, бесформенное. Оно кое-как двигалось к нам по песку, тихо постанывая. Когда оно оказалось прямо на свету, мы отчетливо увидели, что это такое.

Хейворд зашатался и захрипел, будто хотел закричать, – но не смог выдать из себя ни звука. Я отпрянул, от ужаса прикрыв рукой глаза.

– Не подходи! – хрипло закричал я. – Бога ради, не подходи! Ты... ты... ты не Билл Мейсон... стой, где стоишь, черт возьми!

Но существо ползло к нам. В тусклом свете на месте глаз виднелись черные слепые провалы. С него заживо содрали кожу, руки оставляли на песке красные следы. На окровавленной голове зловещей тонзурой блестел белый участок голого черепа.

Это еще не все, но я не в силах описать жуткие и отвратительные перемены, произошедшие с существом, которого некогда звали Биллом Мейсоном. Оно менялось прямо на ходу!

Его тело подверглось ужасным метаморфозам. Оно как бы теряло контуры и в конце концов, растянувшись на песке, принялось не ползти, а извиваться. Мне стало ясно! За считанные секунды все результаты эволюции человека были отменены! Существо полностью потеряло человеческий облик; оно изгибалось, как змея, отчего я вздрагивал и испытывал тошноту. Оно таяло и скукоживалось, пока не превратилось в гадкую вонючую жижу, и вот от него осталась лишь черная лужица омерзительной слизи. У меня вырывались невнятные истерические проклятия. И вдруг меня пронзил лютый холод. Высоко в тумане прозвучал долгий призывный крик.

– Они здесь, – прошептал Хейворд, схватив меня за руку и сверкая глазами. – Получили жертву и теперь прорываются в наш мир!

Я повернулся и одним прыжком преодолел расстояние до входа в коттедж. Неестественный ледяной холод сковывал мое тело, препятствовал движениям.

– Беги! – крикнул я Хейворду. – Не стой как дурак! Хватит и одной жертвы! Что толку, если погибнешь и ты?

Он заскочил в дом, и я накрепко запер дверь.

Пронзительные потусторонние крики теперь доносились со всех сторон, словно твари перекликались друг с дружкой. Мне почудилось, что в этих воплях теперь звучало предвкушение победы.

Рулонная штора со шелчком и шорохом скаталась, за окном за клубился туман, образуя фантастические фигуры. Внезапный порыв ветра сотряс раму, едва не разбив стекло.

– Господи, атмосферные помехи! – сдавленным голосом прошептал Хейворд. – Несчастный Мейсон! Джин, смотри на дверь!

Сначала я ничего не увидел. Затем дверь выгнулась внутрь, словно снаружи на нее надавили с невероятной силой. Панель громко треснула, и я затаил дыхание. Но дверь приняла прежнюю форму.

На металлической ручке осталась белая изморозь.

– Этого... не может быть, – произнес я, ничего не соображая, дрожа от пронизывающего холода.

– Еще как может. Они прорываются...

Тут Хейворд произнес нечто странное; я резко развернулся и уставился на него. Уставившись на меня пустым взглядом, как в гипнотическом трансе, он пробормотал непривычным гортанным голосом:

– В Нергу-К'ньяне зажжены огни, и Наблюдатели ищут в ночном небе Врагов... ни'гхан таранак грит...

– Хейворд!

Я встряхнул его за плечи, и жизнь вернулась в его глаза.

– Провал в памяти, – прошептал он. – Я что-то вспомнил... но теперь снова забыл...

Сверху раздались новые протяжные крики, и он вздрогнул.

Меня вдруг озарила удивительная, невероятная догадка. У нас был путь к спасению, ключ к освобождению от зла – все это время Хейворд держал его при себе и не подозревал об этом!

– Подумай, – затаив дыхание, произнес я. – Подумай хорошенько! Что ты вспомнил? Что это было?

– Какая теперь разница? Это... – Он заметил выражение моего лица и понял, что оно означает. Затем он ответил – не быстро, не медленно, а словно в забытьи: – Кажется, я стоял на вершине горы перед алтарем Ворвадосса, огромное пламя озаряло тьму. Вокруг были жрецы в белых одеждах – Наблюдатели...

– Хейворд! – вскрикнул я. – Ворвадосс... взгляни! – Я схватил наполовину исписанный лист рукописи и прочел: «Дружественные людям божества сразились с враждебными захватчиками».

– Так вот к чему ты клонишь! – воскликнул Хейворд. – Тогда мы победили. Но теперь...

– Хейворд! – в отчаянии не отступался я. – Подумай о том, что ты сейчас вспомнил! Ты был на горе, где Наблюдатели искали в небесах Врагов. Враги – это наверняка они, твари. Предположим, что Наблюдатели их увидели.

Вдруг дом содрогнулся от мощного толчка: явно не ветер. Господи! Неужели моя догадка пришла слишком поздно? Я услышал пронзительную переключку; дверь заскрипела, полетели щепки. Стало ужасно холодно. Нас отбросило к стене, я споткнулся и едва не упал.

Дом содрогнулся еще раз, как будто в него бил таран. Мои зубы клацали, я едва мог говорить. Меня окутывал черный морок, руки и ноги онемели. В водовороте тьмы я увидел бледное лицо Хейворда.

– Это наша последняя надежда, – выдохнул я, отчаянно борясь с темнотой. – Если Наблюдатели увидят Врагов, могут они призвать богов, дружественных богов? Ты... в той прошлой жизни ты был верховным жрецом. Ты должен помнить, как... призвать...

Дверь распахнулась и сломалась. Я услышал, как дерево разлетается на куски, но не отважился посмотреть туда.

– Да! – воскликнул Хейворд. – Я помню... было особое слово!

Он перевел испуганный взгляд с меня на тот неопиcуемый ужас, что терзал сломанную дверь. Я потянулся к плечам друга, заставил его повернуться:

– Думай, дружище! Ты должен вспомнить...

В его глазах вдруг вспыхнул огонь. Он наконец-то начал соображать.

Хейворд вскинул руки и принялся громко распевать что-то. Причудливые архаичные слова легко, плавно срывались с его языка. Но у меня не было времени любоваться – мой взгляд был прикован к ужасу, протиснувшемуся сквозь корявую дыру в стене.

Это была тварь с рисунка Хейворда во всей ее омерзительной реальности!

Головокружение и полубоморочное состояние не позволили мне отчетливо разглядеть ее. И все равно из моей глотки вырвался истошный вопль ужаса, когда в лихом водовороте тьмы я увидел чешуйчатый блестящий шар с извивающимися по-змеиному щупальцами, полупрозрачную бледную плоть, жуткую, покрытую язвами, и единственный фасетчатый глаз с ледяным взглядом мидгардского змея. Мне почудилось, что я падаю, кружусь и беспомощно лечу напрямик в объятия этих блестящих, беспорядочно раскинутых щупалец, – но я по-прежнему смутно слышал песнопение Хейворда.

– Ла! Рин таранак... Ворвадосс из Бел-Ярнака! Возмутитель песков! Тот, кто ждет во Внешней Мгле, Возжигатель пламени... н'гха шугги'хаа...

Он произнес Слово. Слово силы, которое едва расслышали мои истерзанные уши. Но я услышал и почувствовал, как Слово сияет и гремит по всему межгалактическому пространству, за пределами человеческого сознания и понимания, доносясь до самых далеких бездн. Нечто в первобытном мраке и хаосе услышало его, проснулось и явилось на зов.

Ибо внезапно, как гром с ясного неба, на комнату опустилась тьма, скрыв из вида бросившуюся на нас чудовищную тварь. Я услышал резкий, леденящий душу крик – и наступила гробовая тишина, в которой не было слышно даже неустанно накатывавших на берег волн. От нестерпимого холода мое тело раз за разом пронизывала резкая боль.

Вдруг из мрака перед нами появился лик, прикрытый, как вуалью, серебристой дымкой. Он было совершенно нечеловеческим, едва заметные черты его имели совершенно иной, нежели у людей, рисунок, прихотливую неземную геометрию. Но он не пугал меня, а, наоборот, успокаивал.

За серебристой дымкой я различил причудливые пустоты, невероятные изгибы и плоскости. Отчетливо видны были только глаза – черные, как пустые межзвездные пространства, холодные, но полные неземной мудрости.

В них плясали крошечные огоньки; такие же огоньки играли на нечеловеческом лице. И пусть в бесстрастных, задумчивых глазах не читалось ни тени эмоций, я почувствовал прилив уверенности. Все страхи разом покинули меня.

– Ворвадосс! – зашептал где-то рядом невидимый Хейворд. – Возжигатель пламени!

Тьма быстро рассеялась, лицо потускнело, превратившись в тень. Теперь я видел перед собой не знакомые стены коттеджа, а совсем другой мир. Мы с Хейвордом провалились в глубины прошлого.

Я стоял посреди черного агатового амфитеатра. Вокруг меня, простираясь до небес, усыпанных мириадами холодных звезд, возвышался огромный, потрясавший воображение город с многогранными черными башнями и крепостями, каменными и металлическими громадами, арочными мостами и циклопическими укреплениями. Этот кошмарный город кишел омерзительными отпрысками потустороннего измерения, и ужас вновь охватил меня.

Сотни, тысячи, миллионы тварей неподвижно висели в темном чистом небе, тихо дремали на ступенях амфитеатра, носились над открытым пространством. Я замечал сверкающие глаза, холодные и немигающие; блестящие, полупрозрачные мясистые туши; чудовищные рептилоподобные конечности, извивавшиеся передо мной, когда отвратительные твари проплывали мимо. Я чувствовал себя оскверненным, обгаженным. Кажется, я вскрикнул, и мои руки сами собой метнулись к глазам, чтобы не созерцать невыносимого Абаддона – родного измерения захватчиков.

Потустороннее видение исчезло так же внезапно, как появилось.

Я мельком увидел божественный лик, почувствовал холодный взгляд его удивительных, всезнающих очей. Затем он исчез, и наша комната как будто зашаталась в цепкой хватке космических сил. Я покачнулся и едва не упал, и в этот миг передо мной вновь возникли стены коттеджа.

Вокруг больше не стоял нестерпимый холод, не раздавалось ни звука, кроме шума прибоа. Ветер по-прежнему гнал туман мимо окон, однако мрачное, гнетущее ощущение древнего зла исчезло. Я обратил внимание на разбитую дверь, но от ворвавшегося в дом ужаса не осталось и следа.

Хейворд слабо привалился к стене и тяжело дышал. Мы тупо уставились друг на друга. Затем в едином порыве заковыляли к разбитой дверной раме и вышли на песок.

Туман рассеивался, разрываемый в клочья прохладным свежим ветром. В ночном небе над коттеджем блестела звездная дорожка.

– Их прогнали, – прошептал Хейворд. – Как и прежде, прогнали в их измерение и закрыли врата. Но они успели поживиться... отнять жизнь у нашего друга... да простят меня за это Небеса...

Он резко повернулся и, сотрясаясь от рыданий, пошел обратно в дом.

Мои щеки тоже были мокрыми от слез.

Затем он вышел. Я стоял рядом, пока он бросал в море наркотические капсулы времени. Никогда больше он не отправлялся в прошлое, живя настоящим и немного будущим – как подобает обычному добропорядочному человеку...

Колокола ужаса

*Здесь тишь не нарушают
Ни вопль, ни зов, ни стон,
Заря не пробуждает
Тяжелый небосклон,
Здесь нет весны беспечной,
Нет радости сердечной —
Здесь царство ночи вечной,
Где длится вечный сон.*

*Алджернон Ч. Суинберн. Сад Прозерпины.
Перевод Г. Бена*

Загадочная история потерянных колоколов миссии Сан-Хавьер вызвала большое любопытство. Многие задавались вопросом, почему найденные спустя сто пятьдесят лет колокола сразу же разбились, а их части тайно захоронили. Наслышанные о качестве колоколов и удивительной чистоте их звука, многие музыканты писали гневные письма, спрашивая, почему в колокола хотя бы не позвонили перед уничтожением и не записали их звучание для потомков.

На самом деле в колокола все-таки позвонили, и случившаяся за этим катастрофа стала непосредственным поводом для их уничтожения. И когда эти зловещие колокола безумно зывали к небывалой темноте, окутавшей Сан-Хавьер, лишь решительные действия одного человека спасли мир от – не побоюсь этих слов – хаоса и гибели.

Я, секретарь Калифорнийского исторического общества, был свидетелем этих событий почти с самого начала. Конечно, я не присутствовал при извлечении колоколов, но Артур Тодд, президент нашего общества, вскоре позвонил мне домой в Лос-Анджелес, чтобы сообщить о злополучной находке. Он был так взволнован, что не мог связно говорить.

– Мы нашли их! – кричал он в трубку. – Колокола, Росс! Вчера вечером у горы Пинос. Это величайшая археологическая находка со времен розеттского камня!

– Скажите еще раз, о чем вообще речь? – спросил я, плохо соображая спросонья. Звонок вытащил меня из теплой постели.

– О колоколах Сан-Хавьера, о чем же еще? – торжествуя объяснил он. – Видел их своими глазами. На том же месте, где Хуниперо Серра закопал их в тысяча семьсот семьдесят пятом. Один турист обнаружил в горе неизвестную ранее пещеру и нашел внутри гнилой деревянный крест с надписью. Я сразу собрал...

– О чем говорит надпись? – перебил его я.

– Что? А... секунду, сейчас достану расшифровку. Слушайте: «Пусть никто больше не звонит в захороненные здесь зловещие колокола муцунов, иначе ужасы ночи вновь восстанут над Новой Калифорнией». Муцунуны, как вам наверняка известно, участвовали в изготовлении колоколов.

– Да, я знаю, – ответил я в трубку. – Предполагают, что муцунские шаманы зачаровали их своими заклинаниями.

– В этом я сомневаюсь, – сказал Тодд. – Но тут творится нечто странное. Пока я вынес из пещеры только два колокола. Всего их три, но мексиканские рабочие отказываются возвращаться за третьим. Говорят... ну, они чего-то боятся. Но я достану третий колокол, даже если придется выкапывать его в одиночку.

– Хотите, чтобы я приехал?

– Буду признателен, – с жаром ответил Тодд. – Я звоню из хижины в каньоне Койота. Дентон, мой ассистент, присматривает за местом раскопок. Послать мальчика в Сан-Хавьер, чтобы он проводил вас до пещеры?

– Годится, – согласился я. – Пошлите его в гостиницу «Хавьер». Буду там через несколько часов.

От Лос-Анджелеса до Сан-Хавьера около ста миль. Я промчался вдоль побережья и спустя два часа оказался в сонном миссионерском городке, примостившемся у горной гряды Пинос на берегу Тихого океана. В гостинице меня уже ждал проводник, который, впрочем, не горел большим желанием возвращаться в лагерь Тодда.

– Сеньор, я объясню, как идти. Не заблудитесь. – Смуглое лицо мальчугана было неестественно бледным, а в карих глазах читалось беспокойство. – Я не хочу туда возвращаться...

– Что там такого плохого? – спросил я, звякнув монетами. – Боишься темноты?

– Sí⁵, сеньор, – мальчик вздрогнул, – тем... темноты. В пещере очень темно.

В конце концов мне пришлось идти одному, доверившись его указаниям и собственному умению ориентироваться на местности.

Когда я вышел на горную тропу, уже светало, но рассвет был каким-то тусклым. Безоблачное небо было причудливо сумрачным. Во время песчаных бурь гнетущие, мрачные дни не редкость, но в тот день было ясно. И непривычно холодно, хотя с высоты над океаном не было видно ни намека на туман.

Я продолжил восхождение. Наконец я добрался до хмурых прохладных ущелий каньона Койота, невольно поеживаясь от холода. Небо приобрело унылый свинцовый оттенок, стало тяжело дышать. Я был в хорошей форме, но подъем все равно измотал меня.

Не скажу, что я устал физически, – скорее впал в какую-то гнетущую летаргию. Глаза слезились, приходилось то и дело закрывать их, чтобы снять напряжение. Я многое бы отдал за то, чтобы из-за гор выглянуло солнце.

Затем я увидел нечто невероятное – и ужасное. Это была жаба, серая, жирная, уродливая. Она сидела на краю тропы и терлась о шероховатый камень, повернувшись ко мне одним глазом – точнее, тем местом, где обычно бывает глаз. Вместо него была лишь покрытая слизью дырка.

Жаба двигала своим отвратительным телом туда-сюда, стирая голову о камень. Я слышал резкое болезненное кваканье. Вдруг она отцепилась от камня и поползла по тропе в мою сторону.

Я посмотрел на камень, и меня едва не стошнило. Его серая поверхность была покрыта вонючими белесыми подтеками и кусочками жабьего глаза. Судя по всему жаба намеренно стерла свои лупастые глаза о камень.

Наконец она скрылась под кустом, оставив в пыли влажный след. Я невольно зажмурился и протер глаза – и резко отнял руки, с удивлением почувствовав, что костяшки пальцев чересчур сильно вжались в глазницы. Виски пронзила острая боль. Я вздрогнул, подумав об обжигающем зуде в глазах. Неужели эти же мучительные ощущения заставили жабу ослепить себя? Господи!

Я побежал вверх по тропе. Вскоре я оказался у хижины – вероятно, той, откуда звонил Тодд, потому что от крыши к высокой сосне тянулись провода. Постучал. Не дождавсь ответа, продолжил подъем.

Вдруг раздался крик мучительной боли, резкий и пронзительный, а за ним – быстрые шаги. Я остановился, прислушавшись. Кто-то бежал в мою сторону по тропе, за ним с криками гнались другие. Вскоре из-за поворота появился мужчина.

---

⁵ Да (исп.).

Он был мексиканцем. Заросшее черной щетиной лицо скривилось от боли и ужаса, рот перекосясь, из глотки вырывались безумные вопли. Но не это стало причиной того, что я отскочил с его пути и покрылся холодным потом.

У него были вырваны глаза, из пустых черных глазниц стекали ручейки крови.

Вышло так, что мне не пришлось останавливать слепого беглеца. Сразу за поворотом он с разгона врезался в дерево и на миг приник к стволу. Затем медленно осел на землю и растянулся без чувств. На грубой коре осталось большое кровавое пятно. Я быстро подскочил к мексиканцу.

К нам подбежали четверо мужчин. Я узнал Артура Тодда и его ассистента Дентона. Еще двое, очевидно, были рабочими. Тодд резко остановился:

– Росс! Боже всемогущий, он мертв?

Он быстро наклонился, чтобы осмотреть потерявшего сознание рабочего. Мы с Дентоном уставились друг на друга. Дентон был высоким, крепким мужчиной с густыми темными волосами и большим улыбочивым ртом. Но сейчас на его лице читались удивление и испуг.

– Господи, Росс... он устроил это у всех на виду, – прошептал Дентон бледными губами. – Завопил, вскинул руки и вырвал себе глаза.

Вспомнив, как все было, Дентон зажмурился.

Тодд медленно поднялся. Он был полной противоположностью Дентона: низкорослый, жилистый, со смуглым лицом и внимательным взглядом.

– Мертв, – констатировал он.

– Что случилось? – спросил я, стараясь говорить твердо. – Тодд, в чем дело? Он сошел с ума?

Все это время меня не покидал образ жирной жабы, стирающей глаза о камень.

– Не знаю. – Тодд покачал головой и хмуро свел брови. – Росс, у тебя глаза не чешутся?

По телу пробежали мурашки.

– Еще как, черт побери! Зудят и горят. Я всю дорогу их протираю.

– Все как у рабочих, – сказал Дентон. – И у нас. Видишь?

Он показал на свои глаза, которые покраснели и воспалились.

Двое рабочих – тоже мексиканцы – подошли к нам. Один что-то сказал на испанском. Тодд резко возразил, и они, помешкав, отошли, затем без лишних слов побежали вниз по тропе. Дентон с гневным криком бросился в погоню, но Тодд поймал его за руку.

– Пускай, – торопливо бросил он. – Сами достанем колокола.

– Вы нашли последний? – спросил я, когда он отвернулся.

– Нашли все три, – мрачно ответил Тодд. – Мы с Дентоном вдвоем откопали последний.

А еще вот это.

Он достал из кармана грязный зеленоватый металлический тубус и протянул мне. Внутри оказался листок пергамента, на удивление хорошо сохранившийся. Я не смог разобрать старинный испанский текст.

– Давайте я попробую, – сказал Тодд, осторожно беря пергамент. Он знал испанский блестяще. – «С Божьей помощью, двадцать первого июня нападение язычников-муцунов удалось отбить, и три колокола, отлитые месяц назад, были захоронены в этой тайной пещере, а вход завален...» После недавнего камнепада он, очевидно, открылся, – пояснил Тодд. – «Индейцы занимались нечистым колдовством; и когда колокола были повешены, от их звона под горой проснулся злой демон, которого муцуны зовут Зу-ше-куон, и посеял среди нас тьму, холод и смерть. Большой крест был повален, и многие из нас стали одержимы злым демоном, а единицам, что сохранили рассудок, пришлось сражаться с ними и снять колокола. Затем, вознеся Господу хвалу за спасение, мы помогли раненым. Души погибших отправились к Богу, и мы молились, чтобы святой Антоний как можно скорее освободил нас из жестокого плена одино-

чества. Если, волею Господа, я не смогу довершить начатое, пусть тот, кто найдет эти колокола, отправит их в Рим во имя его величества короля, нашего повелителя. Да хранит его Господь».

Тодд остановился и осторожно убрал пергамент в тубус.

– Подписано самим Хуниперо Серрой, – тихо сказал он.

– Господи, вот это находка! – воскликнул я. – Но... вы же не думаете, что здесь что-то...

– Кто сказал, что думаю? – рявкнул Тодд, не в силах скрыть нервное напряжение. – Всему есть логическое объяснение. Нельзя предаваться суевериям и самовнушению. Я...

– А где Сарто? – вдруг с опаской спросил Дентон.

Мы стояли на краю небольшой голой каменистой равнины.

– Какой еще Сарто? – поинтересовался я.

– Хозяин той хижины у тропы, – объяснил Тодд. – Вы должны были ее миновать. Я оставил его охранять колокола, когда у Хосе случился припадок.

– Может, лучше отнести тело Хосе в город? – спросил я.

Тодд нахмурился.

– Не считите меня беспринципным, – сказал он, – но эти колокола нельзя оставлять. Хосе мертв. Ему уже не поможешь. А чтобы отнести колокола в город, понадобится три пары рук. Жаль, что у бедняги было не так хорошо с ориентацией, как у Дентона, – мрачно усмехнулся он. – Тогда бы он не врезался в дерево.

Он был прав. Я готов был поспорить, что Дентон, однажды пройдя по тропе, смог бы потом прошагать по ней обратно с завязанными глазами. Память и умение ориентироваться были у него превосходными, почти как у индейцев, находящихся дорогу к своему вигваму через сотни миль прерии. Позже выяснилось, что эта способность Дентона жизненно важна для нас, но тогда мы об этом не оказались подозревали.

Мы поднялись по скалистому склону над равниной и оказались на маленькой полянке среди сосен. Рядом зияла яма, вокруг которой виднелись следы недавнего камнепада.

– Какого черта?! – воскликнул Тодд, озираясь. – Куда...

– Он смылся, – удивился Дентон. – И колокола унес...

Тут мы услышали слабый, музыкальный звук – удар колокола о дерево. Он донесся сверху, и мы, подняв глаза, увидели нечто невероятное. Худой бородатый мужчина с огненно-рыжими волосами тянул веревку, перекинутую через толстый сосновый сук. А на другом конце веревки...

Потерянные колокола Сан-Хавьера медленно поднялись, выстроившись в ряд на фоне неба. Изящные по форме, они отливали бронзой, даже несмотря на грязные потеки и патину. Но языков не было, и поэтому они молчали. Пару раз, ударившись о сосновый ствол, они издали глухой скорбный звук. Уму непостижимо, как один человек смог поднять такую тяжесть. Я видел, что узловатые мышцы его голых рук натянуты и напряжены. Глаза вылезли из орбит, зубы были стиснуты в ухмылке.

– Сарто! – крикнул Дентон, карабкаясь по склону. – Что ты вытворяешь?

Удивленный нашим внезапным появлением, Сарто покрутил головой и уставился на нас. Веревка выскользнула из его пальцев, и колокола полетели вниз. Сделав отчаянный рывок, он успел схватить конец веревки и на миг задержать падение колоколов, но потерял равновесие. Пошатнувшись, он упал и полетел вниз по склону, а за ним, обгоняя его и подпрыгивая, покатились колокола, гулко звеня при ударах о камни.

– Господи! – прошептал Тодд. – Сумасшедший чудак!

Наверху закружился вихрь из пыли и гальки. Раздался тошнотворный хруст, и Дентон резко бросился в сторону. Сквозь пыльное облако я увидел, что один колокол упал на скользящее тело Сарто, – и отшатнулся, неистово потирая глаза, ослепленные летящей грязью. Я прижался к дереву, дожидаясь, пока грохот и звон не прекратятся, затем поморгал и осмотрелся.

Один колокол лежал почти у моих ног. На нем было огромное кровавое пятно. Тело Сарто застряло в кустах чуть выше.

А под кустами, прижатая к ребристой скале, вертикально стояла его окровавленная, изувеченная голова!

На этом закончился первый акт драмы, которую мне довелось созерцать.

Колокола должны были повесить через две недели. Об этом писали газеты, среди историков случился настоящий ажиотаж. В Сан-Хавьере собрались члены исторических обществ со всего света.

Если рассуждать логически, то, за исключением зловещей атмосферы на горе Пинос, все необычные происшествия, случившиеся после откапывания колоколов, выглядели легко объяснимыми. Раздражение глаз и помешательство Сарто и мексиканца были вызваны острым отравлением – например, иприткой или каким-то грибом, выросшим в пещере, где схоронили реликвии. Мы с Тоддом и Дентоном не стали отрицать этих доводов, но часто обсуждали произошедшее в беседах друг с другом.

Дентон даже съездил в Хантингтонскую библиотеку, чтобы взглянуть на запрещенный перевод «Книги Иода» Иоганна Негуса – жуткий, отвратительный сборник древних эзотерических формул, о которых все еще ходили любопытные легенды. Утверждают, что сохранился лишь один экземпляр оригинального издания, написанного на дочеловеческом древнем языке. Даже о вычищенном переводе Иоганна Негуса знают немногие, но Дентон узнал от кого-то, что в книге могут быть тексты, связанные с легендами о колоколах Сан-Хавьера.

Он вернулся в Лос-Анджелес с листом писчей бумаги, исчерканным его корявым почерком. Переписанный им отрывок из «Книги Иода» гласил:

Глубоко под землей на берегу Западного океана живет Темный Безмолвный. Он не родич могущественным Древним из тайных миров и с далеких звезд, ибо он всегда жил в подземном мраке. Имени у него нет, ибо он – роковой конец, вечная пустота и безмолвие Древней Ночи.

Когда Земля станет безжизненной, а звезды погаснут, он восстанет вновь и подчинит всех своей власти. Ибо он не жалуется жизнь и солнечный свет, но любит темноту и вечное безмолвие бездны. Однако он может быть призван на Землю до назначенного часа, и коричневые люди, живущие на берегу Западного океана, знают древние заклинания и определенные низкие звуки, которые способны достичь его подземной обители.

Призыв грозит большой опасностью, ибо Темный Безмолвный может принести смерть и тьму до назначенного часа. Даже день он может сделать ночью, а свет – тьмой; все живое, все дышащее, все движущееся умирает при его приближении. Затмение – его вестник; и хотя у него нет имени, коричневые люди называют его Зушаконом.

– Следующий фрагмент был вырезан, – сказал Дентон, когда я оторвался от бумаги. – Книга подверглась серьезной цензуре.

– Весьма странно, – произнес Тодд, беря листок и пробегая по нему глазами. – Но это наверняка простое совпадение. Безусловно, фольклор вдохновлен природными явлениями, и современный читатель легко может понять, что с чем связано. Например, обычные молнии и солнечные лучи когда-то принимали за стрелы Зевса и Аполлона.

– «Никогда не являет оку людей там лица лучезарного Гелиос, – процитировал Дентон. – Ночь безотрадная там искони окружает живущих»⁶. Помните путешествие Одиссея в страну мертвых?

– Помню, и что? – криво усмехнулся Тодд. – Может, вы еще скажете, что сам Аид восстанет из Тартара, когда колокола повесят? Вздор! Двадцатый век на дворе, такое невозможно... да и никогда не было возможно.

⁶ Гомер. Одиссея. Перевод В. Жуковского.

– Уверены? – спросил Дентон. – Не говорите, что вас ничуть не смущает здешняя аномально холодная погода.

Я насторожился. Было самое время вспомнить про неестественно холодный воздух.

– Здесь и раньше бывали холода, – возразил Тодд с тоном человека, который сам очень хочет поверить в свои слова. – И тучи. Нельзя позволять воображению так разыгрываться из-за какой-то там погоды. Это... господи!

Мы едва не попадали на пол от толчка.

– Землетрясение! – воскликнул Дентон, и мы бросились к выходу, но не побежали на лестницу, а остались в дверном проеме. Конструкция любых зданий такова, что при землетрясениях это самое безопасное место.

Новых толчков не последовало. Дентон вернулся в комнату и выглянул в окно.

– Смотрите, – выдохнул он, подзывая нас. – Колокола вешают.

Мы подошли к окну. Из него была видна миссия Сан-Хавьер, в двух кварталах от дома. В арочных проемах колокольни мы заметили людей, подвешивающих три колокола.

– Говорят, что при отливке колоколов индейцы бросили в жидкий металл живую девушку, – как бы невзначай заметил Дентон.

– Слышал, – довольно резко парировал Тодд. – А шаманы зачаровали колокола с помощью магии. Хватит нести чушь!

– Разве особые колебания вроде звука колоколов не могут создавать необычных эффектов? – разгорячившись, спросил Дентон, и я различил в его голосе испуганные нотки. – Тодд, мы еще не изучили жизнь досконально. Мало ли что бывает... например, даже...

Дзы-ы-ынь!

Раздался гулкий зловещий звон. Удивительно глубокий, проникавший сквозь барабанные перепонки, он посылал причудливые вибрации прямо по нервам. У Дентона перехватило дух.

Дзы-ы-ынь!

Следующая нота была еще ниже, и я почувствовал необычную боль в голове. Назойливую, призывную!

Дзы-ы-ынь... Дзы-ы-ынь...

Громкая, фантастическая мелодия, словно сорвавшаяся с уст Бога или вылетевшая из трубы ангела Исрафила...

Мне показалось, или стемнело, или над Сан-Хавьером повисла тень? А Тихий океан из сверкающего синего вдруг стал свинцово-серым, а затем непроницаемо-черным.

Дзы-ы-ынь!

Я почувствовал, как задрожал пол перед толчком. Зазвенело стекло в раме. Комната пошатнулась, вызвав у меня приступ тошноты, горизонт начал безумно качаться вверх-вниз, как детская качель. Внизу раздался грохот, со стены на пол упала картина.

Мы с Тоддом и Дентоном раскачивались и спотыкались, будто пьяные. Я понял, что дом скоро не выдержит. Становилось все темнее. Комнату затянуло сумрачной пеленой. Кто-то пронзительно взвизгнул. Кругом билось стекло. От стены отвалился кусок штукатурки, подняв облако пыли.

И вдруг я ослеп!

Рядом со мной резко вскрикнул Дентон, и я почувствовал, как меня схватили за руку.

– Росс, это вы? – спросил Тодд, как всегда, спокойно и уверенно. – В доме темно?

– Темно, – ответил откуда-то из сумрака Дентон. – Значит, я не ослеп! Где вы? Где выход?

Резкий толчок заставил Тодда выпустить мою руку, и меня отбросило к стене.

– Здесь! – ответил я, пытаюсь перекрыть грохот и гул. – Идите на мой голос!

Вскоре кто-то тронул меня за плечо. Это был Дентон. Вскоре приполз и Тодд.

– Господи, что происходит?! – воскликнул я.

– Это все проклятые колокола! – проорал мне в ухо Дентон. – В «Книге Иода» правильно говорится. Он превращает день в ночь...

– Да вы спятили! – резко закричал Тодд, но его слова потонули в яростном, разрывавшем уши звоне колоколов, исступленно качавшихся во тьме.

– Почему они не прекращают звонить? – задумался Дентон и ответил сам себе: – Это землетрясение! Началось землетрясение, вот колокола и звонят!

Дзы-ы-ынь! Дзы-ы-ынь!

Что-то чиркнуло по моей щеке. Я поднял руку и нащупал теплую липкую кровь. Рядом снова обвалилась штукатурка. Подземные толчки не прекращались. Дентон что-то неразборчиво закричал.

– Что? – в унисон, не разобрав, спросили мы с Тоддом.

– Колокола... нужно их остановить! Это они вызвали тьму, а может, и землетрясение. Их звон – чувствуете? Они резонируют и колеблются таким образом, что блокируют солнечные лучи. Ведь свет – это электромагнитное колебание. Если заставить их замолчать...

– Гиблое дело! – крикнул в ответ Тодд. – Вы несете вздор...

– Тогда оставайтесь. Я найду дорогу. Росс, вы со мной?

Я ответил не сразу. В голове смешались все зловещие пророчества, обнаруженные нами в ходе изучения колоколов: древний бог Зу-ше-куон, которого муцуны будто бы призывали с помощью «определенных низких звуков». «Затмение – его вестник». «Все живое умирает при его приближении». «Он может быть призван на Землю до назначенного часа»...

– Дентон, я с вами, – ответил я.

– Тогда и я тоже, черт побери! – рявкнул Тодд. – Я помогу вам разобраться с этим. Если есть с чем...

Он не договорил и нащупал мою руку.

– Я пойду впереди, – сказал Дентон. – Осторожнее.

Я не знал, как Дентон находил дорогу в этой всеобъемлющей, непроницаемой тьме. Затем вспомнил о его непревзойденной памяти и умении ориентироваться. Даже почтовый голубь не нашел бы дорогу к месту назначения так хорошо, как Дентон.

Началась наша безумная одиссея – сквозь сумрачный ад и звенящие руины! Мимо нас летели предметы, рядом рушились невидимые стены и трубы. Перепуганные мужчины и женщины, впад в истерику, натыкались на нас в темноте и с криками разбежались, тщетно пытаясь спастись из смертельной стигийской ловушки.

Стоял холод – лютый холод! Воздух был ледяным, и я почти мгновенно отморозил уши и пальцы. При каждом вдохе ледяные лезвия, казалось, взрезали горло и легкие. Я слышал, как тяжело дышат и ругаются ковылявшие рядом Дентон и Тодд.

До сих пор не пойму, как Дентон нашел дорогу через этот водоворот хаоса.

– Сюда! – крикнул он. – Миссия здесь!

Нам удалось подняться по лестнице. Не знаю, как миссия не рухнула от яростных подземных толчков. Возможно, ее спасла их удивительная регулярность – толчки были не резкими и беспорядочными, как обычно случается при землетрясении, а ритмичными и медленными.

Рядом раздалось тихое пение, которое мы никак не ожидали услышать среди всего этого безумия.

– Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto...⁷

Францисканцы молились. Но какой толк был от молитв, пока колокола слали свой богохульный призыв? К счастью, мы довольно часто бывали в миссии, и Дентон знал, как подняться на колокольню.

---

⁷ Слава Отцу и Сыну и Святому Духу (*лат.*).

Не стану подробно описывать этот мучительный подъем, скажу лишь, что каждую секунду мы рисковали упасть и полететь вниз, к верной гибели. Но вот мы вышли на площадку, где во тьме гремели колокола. Казалось, звон раздается прямо у нас в ушах. Дентон выпустил мою руку и выкрикнул что-то нечленораздельное. Голову пронзила мучительная боль, тело задрожало от холода. Я почувствовал непреодолимое желание погрузиться в темное забвение, чтобы навсегда покинуть этот адский хаос. Глаза жгло, они зудели и слезились...

На миг мне показалось, будто я сам невольно потянулся, чтобы протереть их. Но тут я понял, что мою шею сжали чужие руки и чьи-то хищные пальцы вцепились мне в глаза. Я истошно завопил от пронзительной боли.

Дзы-ы-ынь... Дзы-ы-ынь!

Я отчаянно брыкался во тьме, отбиваясь не только от неизвестного нападавшего, но и от чудовищной мысли: я должен позволить ему вырвать мне глаза!

«Зачем тебе глаза? – нашептывал в голове незнакомый голос. – Свет приносит лишь боль... в темноте лучше! Темнота – это хорошо...»

Но я боролся как лев, молча, перекатываясь по шатающемуся полу колокольни, ударяясь о стены, отрывая от лица цепкие пальцы. И все же они вновь и вновь тянулись ко мне. А в голове все сильнее звучал жуткий, настойчивый шепот:

«Зачем тебе глаза?! Вечная тьма лучше...»

Я заметил, что звучание колоколов изменилось. Почему? Теперь слышалось только две ноты – третий колокол умолк. Холод больше не пробирал до костей. Сквозь мглу как будто пробивался сероватый свет.

Толчки заметно ослабли; отбиваясь от невидимого противника, я почувствовал, как они стали реже, спокойнее, а потом и вовсе прекратились. Два оставшихся колокола перестали звонить.

Мой противник вдруг дрогнул и застыл. Я откатился и встал на ноги в серой дымке, ожидая нового нападения. Его не последовало.

Тьма над Сан-Хавьером медленно, постепенно развеивалась.

На смену серой дымке пришел молочно-белый переливчатый рассвет, затем показались бледно-желтые пальцы солнца, и наконец оно ярко запылало, как в летний полдень! С колокольни я видел улицу, где мужчины и женщины, не веря глазам своим, радовались голубому небу. А под ногами у меня валялся язык одного из колоколов.

Дентон пошатывался, словно пьяный. Его бледное лицо было в крови, одежда изорвана и покрыта пылью.

– Готово, – прошептал он. – Это... существо можно было призвать единственным сочетанием звуков. Когда я испортил один колокол...

Он умолк и поглядел вниз. Там лежал Тодд; его одежда измялась, исцарапанное лицо кровоточило. Он тяжело поднялся на ноги. В его глазах стоял чудовищный ужас, и я невольно отшатнулся, прикрыв руками лицо.

Тодд вздрогнул.

– Росс, – прошептал он бледными губами. – Господи, Росс... Я... Я ничего не мог поделать! Я совершил это не по своей воле, клянусь! Что-то неустанно твердило мне, что я должен вырвать вам глаза... и Дентону тоже... а потом и себе! Какой-то голос в голове...

Тут я понял и вспомнил зловещий шепот, раздававшийся в мозгу, когда я боролся с беднягой Тоддом. Эта злобная сущность, названная в «Книге Иода» Зушаконем и известная муцунам как Зу-ше-куон, бросила зловещий могущественный клич, приказав нам ослепить себя. И мы едва не подчинились этим беззвучным жутким командам!

Но теперь все было хорошо. Или нет?

Я надеялся, что страшное происшествие навсегда останется заперто за дверями моей памяти, ибо не стоит забивать голову такими вещами. И, несмотря на резкие нападки и недоумение людей, после того как на следующий день колокола были разбиты с благословения главы миссии, отца Бернарда, я твердо решил никому не открывать правды.

Я надеялся, что тайна известна лишь троим – Дентону, Тодду и мне – и что мы унесем ее с собой в могилу. Но случилось нечто, заставившее меня нарушить молчание и предъявить миру факты. Дентон также согласился, что мистики и оккультисты, разбирающиеся в подобных вещах, смогут более эффективно применить свои познания, если случится то, чего мы опасаемся.

Спустя два месяца после происшествия в Сан-Хавьере наступило солнечное затмение. В тот день я был дома в Лос-Анджелесе, Дентон – в штаб-квартире Исторического общества в Сан-Франциско, а Артур Тодд – в своей квартире в Голливуде.

Затмение началось в семнадцать минут третьего, и уже через несколько секунд я почувствовал нечто странное. К моему ужасу, глаза снова начали зудеть, и я принялся отчаянно тереть их. Затем, вспомнив о возможных последствиях, я убрал руки и поспешно сунул в карманы. Но зуд не прекратился.

Зазвонил телефон. С радостью отвлекшись на него, я торопливо снял трубку. Звонил Тодд. Я не успел сказать ни слова.

– Росс! Росс... опять началось! – прокричал он в трубку. – Я борюсь с собой с самого начала затмения. На меня это действует сильнее, чем на других. Росс, помогите мне! Оно хочет, чтобы я... Я больше не могу...

И он умолк.

– Тодд! – закричал я. – Подождите... потерпите еще немного! Я скоро приеду!

Ответа не было. Я немного подождал, затем повесил трубку и поспешил на улицу, к машине. Обычно я доезжал до Тодда минут за двадцать, но тогда домчался за семь, рассеивая фарами тьму, принесенную затмением. В голове вились жуткие мысли. У дома меня нагнал полицейский на мотоцикле; нескольких слов хватило, чтобы он помог мне попасть внутрь. Дверь в жилище Тодда была заперта. Несколько раз мы окликнули его, не получили ответа и выбили дверь. Во всех комнатах горел свет.

Не хочу даже думать о том, каких космических чудовищ можно оживить с помощью древних заклинаний и звуков, ибо мне кажется, что в миг, когда прозвенели потерянные колокола Сан-Хавьера, началась страшная цепная реакция, и клич этих зловещих колоколов оказался гораздо действеннее, чем мы полагали.

Однажды пробужденное древнее зло не может с легкостью погрузиться обратно в тягостный сон, и я с любопытством и ужасом ожидаю того, что случится в день следующего солнечного затмения. В голове все время вертятся слова из адской «Книги Иода»: «Он может быть призван на Землю до назначенного часа», «День он может сделать ночью», «Все живое, все дышащее, все движущееся умирает при его приближении». И самые страшные и многозначительные: «Затмение – его вестник».

Не знаю, что случилось в тот день у Тодда. Телефонная трубка свисала со стены, а рядом с распростертым телом моего друга лежал пистолет. Но я пришел в ужас не от алого пятна крови на халате, с левой стороны груди, а от пустых темных глазниц, слепо глядевших с искаженного мукой лица, и окровавленных пальцев Артура Тодда!

Гидра

Погибли два человека; возможно, три. Это все, что известно. Бульварные газеты полыхали заголовками о загадочном увечье и гибели Кеннета Скотта, видного балтиморского писателя и оккультиста, а позже они точно так же спекулировали на исчезновении Роберта Людвига, чья переписка со Скоттом хорошо известна в литературных кругах. Столь же странная и еще более пугающая смерть Пола Эдмонда, хоть и отдаленная от ужасающей сцены смерти Скотта на ширину целого континента, явно была с ней связана. Это видно из присутствия некоего вызвавшего бурные дискуссии объекта, который обнаружили в окоченевших руках Эдмонда – и который, по утверждению легковерной публики, стал причиной его гибели. Подобная причина представляется неправдоподобной, тем не менее, бесспорно, Пол Эдмонд умер от потери крови, вызванной рассечением сонной артерии, как верно и то, что в деле имеются подробно-сти, труднообъяснимые в свете современной науки.

Бульварные журналисты донельзя раздули значимость дневника Эдмонда, и даже серьезным газетам непросто осветить сей необычный документ, не подвергнув себя при этом обвинениям в «желтизне». Лучше всех вышла из положения «Голливуд ситизен ньюс», опубликовав наименее фантастичные фрагменты дневника и недвусмысленно дав понять, что Эдмонд был беллетристом и что записки этого человека изначально не задумывались как беспристрастное изложение событий. Напечатанная неизвестной типографией брошюра «Об отсылании души», которой в дневнике отведена столь важная роль, имеет в своей основе, судя по всему, чистый вымысел. Ни один из местных книготорговцев о ней не слышал, и мистер Рассел Ходжкинс, виднейший библиофил Калифорнии, заявляет, что и заголовок, и само это издание, судя по всему, родились в уме несчастного Пола Эдмонда.

Тем не менее, согласно дневнику Эдмонда и некоторым другим документам и письмам, обнаруженным в его столе, именно эта брошюра побудила Людвига и Эдмонда предпринять роковой эксперимент. Людвиг решил нанести своему калифорнийскому корреспонденту визит и отправился из Нью-Йорка в неспешный вояж через Панамский канал. «Карнатик» пришвартовался пятнадцатого августа, и Людвиг успел несколько часов побродить по Сан-Педро. Именно там, в пахнущем плесенью магазине старой книги, он и приобрел брошюру «Об отсылании души». Когда молодой человек прибыл в голливудскую квартиру Эдмонда, книжка была при нем.

И Людвиг, и Эдмонд глубоко интересовались оккультными знаниями. Они даже попробовали свои силы в колдовстве и демонологии, что стало результатом их знакомства со Скоттом, который располагал одной из лучших в Америке оккультных библиотек.

Скотт был странным человеком. Худощавый, с острым взглядом, молчаливый, почти все время он проводил в Балтиморе, в старом особняке. Глубина его познаний в эзотерических материях граничила с феноменальной. Он прочел «Ритуал Чхайи» и в письмах к Людвигу и Эдмонду упоминал, какие смыслы на самом деле кроются за намеками и угрозами этого полумифического манускрипта. В его обширной библиотеке встречались такие имена, как Синистрари⁸, Занкерий и печально известный Гужено де Муссо⁹, а в сейфе своей библиотеки он, по слухам, хранил солидный альбом, заполненный выписками из таких фантастических источников, как «Книга Карнака», грандиозный «Шестидесятизначник»¹⁰ и кощунственный «Старший ключ», о котором рассказывают, что на земле существует лишь два его экземпляра.

---

⁸ *Синистрари, Людовико Мария* (1622–1701) – монах-францисканец, теолог, автор книг по демонологии.

⁹ *Гужено де Муссо, Роже* (1805–1876) – французский писатель, исследователь эзотерики, развивавший антисемитские идеи.

¹⁰ «Шестидесятизначник» – название артефакта из книги Артура Мейчена «Повесть о черной печати».

Не приходится удивляться, что двум студентам не терпелось сорвать покров неведомого и узреть потрясающие воображение тайны, о которых так осторожно намекает Скотт. В дневнике Эдмонд признался, что прямой причиной трагедии стало его собственное любопытство.

И тем не менее приобрел брошюру Людвиг, и они с Эдмондом принялись изучать ее на квартире последнего. Эдмонд описал книжицу достаточно четко, поэтому странно, что ни один библиофил не смог ее идентифицировать. Если верить дневнику, она была невелика, примерно четыре дюйма на пять, переплетена в обложку из грубой оберточной бумаги и от возраста пожелтела и крошилась. Печать – шрифтом восемнадцатого века с «длинной s» – была небрежной, и в книге не значилось ни выходных данных, ни имени издателя. Она насчитывала восемь страниц, семь из которых были наполнены, по выражению Эдмонда, обычными софизмами о мистике, но на последней приводились конкретные указания по достижению того, что нынче называется «выходом в астрал».

В общих чертах процесс был обоим студентам знаком. Их исследования позволили им узнать, что душа – или на современном оккультном языке «астральное тело» – считается эфирным двойником, призраком, способным проецироваться на расстояние. Но что касается конкретных инструкций – это была необычная находка. К тому же инструкции казались не слишком сложны в исполнении. Эдмонд намеренно темнит о приготовлениях, но нетрудно сделать вывод, что для получения необходимых ингредиентов два студента посетили несколько аптек; где они раздобыли *cannabis indica*¹¹, позже обнаруженную на месте трагедии, – загадка, но, разумеется, не из тех, которые не поддаются решению.

Пятнадцатого августа Людвиг – очевидно, не поставив в известность Эдмонда – послал авиапочтой письмо Скотту, где описал брошюру и ее содержание и спросил совета.

В ночь на девятнадцатое августа, приблизительно через полчаса после того, как Кеннет Скотт получил письмо Людвига, два молодых оккультиста затеяли свой трагический эксперимент.

Позже Эдмонд корил во всем себя. В дневнике он упоминает обеспокоенность Людвига, словно тот чувствовал некую скрытую опасность. Людвиг предложил повременить с опытом несколько дней, но Эдмонд посмеялся над его страхами. В конце концов молодые люди сложили требуемые ингредиенты в жаровню и подожгли смесь.

Они осуществили и другие приготовления, но Эдмонд говорит о них довольно уклончиво. У него бегло проскальзывает пара упоминаний о «семисвечнике» и «инфрацвете», но что скрывается за этими терминами, понять не удастся. Двое молодых людей решили попробовать спроецировать свои астральные тела через весь континент. Целью была попытка связаться с Кеннетом Скоттом. Во всем этом явственно слышится нотка юношеского тщеславия.

Cannabis indica входила в смесь на жаровне как один из ингредиентов, что подтверждает и химический анализ. Именно присутствие индийского наркотика многих побудило считать, что позднейшие записи в дневнике Эдмонда порождены таким ненадежным источником, как фантомы опиумного или гашишного опьянения, которые приняли такие причудливые формы исключительно потому, что обоих студентов в то время крайне занимали соответствующие темы. Эдмонду снилось, что он видит дом Скотта в Балтиморе. Но необходимо помнить, что до этого он много смотрел на фотографию этого дома, которую поставил перед собой на столе, и сознательно желал к этому дому отправиться. Иными словами, нет ничего более логичного, чем то, что Эдмонд попросту увидел во сне предмет, который желал увидеть.

Но точно такое же видение посетило и Людвига, или, по крайней мере, так он впоследствии утверждал – если, конечно, в этой записи Эдмонд не лжет. По мнению профессора Перри Л. Льюиса, признанного эксперта в области сновидений, Эдмонд во время гашишного опьяне-

---

¹¹ Индийская конопля (лат.).

ния говорил о своих иллюзиях вслух, не имея к тому сознательного намерения и позднее не сохранив об этом никаких воспоминаний. А Людвиг, как в гипнотическом трансе, всего лишь видел фантазмы, вызванные у него в мозгу словами Эдмонда.

Эдмонд указывает в дневнике, что, понаблюдав несколько минут за горящей жаровней, впал в состояние дремоты, но различал окружающую обстановку четко, хоть и с некоторыми любопытными изменениями, которые можно приписать исключительно действию наркотика. Курильщик марихуаны видит, как крошечная каморка превращается в огромную сводчатую залу; точно так же Эдмонд утверждал, что комната, в которой он сидел, словно бы увеличивается в размерах. Но, как ни странно, этот рост был неестественного свойства: постепенно искажалась геометрия комнаты. Эдмонд подчеркивает этот момент, не пытаясь объяснить его. Когда именно сдвиг стал заметным, он не упоминает, но в какой-то момент юноша оказался в центре помещения, которое хоть и узнавалось как его собственное, изменялось до тех пор, пока не сошло в определенной точке.

Здесь заметки почти утрачивают связность. Эдмонду явно непросто описать, что представлялось ему в этих видениях. Все линии и изгибы комнаты, со странной настойчивостью повторяет он, словно указывали на одну конкретную точку: жаровню, где тлела смесь одурманивающих веществ и химикатов.

Постепенно в его уши проник очень тихий настойчивый звон, но стал сходить на нет и наконец полностью затих. В тот момент Эдмонд приписал звук действию наркотика. Лишь позднее он узнал об отчаянных попытках Скотта пробиться к нему посредством междугородного телефонного звонка. Пронзительный сигнал телефона мало-помалу ослабел и умолк.

Эдмонд был по натуре испытателем. Он старался перемещать взгляд на конкретные объекты, которые помнил: на вазу, на лампу, на стол. Но комната, казалось, обладала необъяснимой вязкой текучестью, и он неизменно обнаруживал, что его взгляд скользит вдоль искривленных линий и закруглений и вновь оказывается устремлен на жаровню. Тогда-то Эдмонд и осознал, что в этом месте происходит нечто необычное.

Смесь уже не тлела. Вместо нее внутри жаровни выстраивалось странное кристаллическое образование. Описать этот объект Эдмонд не нашел возможным. Он смог лишь сказать, что кристалл казался продолжением искривленных линий комнаты, выводил их за пределы точки, в которой они сходились. Очевидно, не ощущая безумности подобного концепта, он далее указывает, что его глаза начинали болеть, когда он рассматривал кристаллический объект, но он не мог отвести взгляд.

Кристалл тянул Эдмонда к себе. Тот почувствовал резкое и мучительное притяжение, в воздухе зазвучал высокий монотонный гул, и внезапно с нарастающей скоростью Эдмонд поплыл к предмету в жаровне. Кристалл всосал его – такова необъяснимая фраза самого Эдмонда. На мгновение он ощутил невероятный холод, а затем ему явилось новое видение.

Серый туман и зыбкость. Эдмонд подчеркивает это странное ощущение неустойчивости, которое, по его заявлению, возникло у него внутри. Он чувствовал себя, по собственному неясному выражению, облаком дыма, колышущимся и бесцельно дрейфующим в пространстве. Но, глянув вниз, он увидел свое тело, полностью одетое и, без сомнения, вполне материальное.

Его ум начало теснить крайнее беспокойство. Туман сгущался и закручивался водоворотами. Кошмарный беспричинный страх, знакомый курильщикам опиума, схватил его в тиски. Эдмонд чувствовал, что к нему приближается нечто – невероятно ужасное и несущее мощную угрозу. А потом туман совершенно внезапно пропал.

Далеко внизу Эдмонд увидел то, что поначалу принял за море. Он висел без какой-либо опоры в пустом пространстве, а от горизонта до горизонта мерцала и расплзалась вздымающаяся и опадающая серая масса. Колеблущуюся свинцовую поверхность усеивали круглые темные пузырьки; их было несметное количество. Он почувствовал, как вопреки своей воле

устремляется вертикально вниз; по мере приближения к таинственной серой массе он все яснее ее разглядывал.

Он не мог определить ее природу. Субстанция казалась морем серой слизи, бесформенной, как протоплазма. Но теперь он различил, что темные пузырьки – это головы.

К пугающему полчищу
Вниз Эдмонда влекло.

В памяти Эдмонда промелькнул фрагмент повествования, которое он некогда читал. Оно было написано в двенадцатом веке монахом Альберико, и считается, что этот текст представляет собой описание схождения в ад. Подобно Данте, Альберико видел муки проклятых. «Хулители Господа, – пишет он своей выпренней, многоумной латынью, – были погружены по шею в озеро расплавленного металла». Теперь Эдмонд припомнил слова Альберико. Затем он увидел, что головы принадлежат не существам, погруженным в серую слизь; они представляли с серой массой одно целое. Головы росли из нее!

Страх покинул Эдмонда. С каким-то отстраненным любопытством он разглядывал растилавшуюся под ним невообразимую поверхность. На сером море покачивались и кивали человеческие головы, бессчетные тысячи голов, но еще большее количество голов принадлежали не людям. Некоторые из них несли на себе антропоидные черты, но в прочих едва можно было опознать живые объекты.

Головы жили. Их глаза таращились в пространство в неизмеримых страданиях, губы кривились в беззвучных lamentациях; у многих по впалым щекам лились слезы. Даже отвратительно нечеловеческие головы – подобные птичьим, змеиным, головам монструозных существ из живого камня, металла или растительности – являли следы непрекращающихся мук, которые их терзали. К пугающему полчищу вниз Эдмонда влекло.

Снова его охватила чернота. Она оказалась скоротечной, но, очнувшись от секундного беспамятства, Эдмонд почувствовал себя (по его собственным словам) причудливым образом преображенным. Нечто произошло с ним в этот роковой период темноты. Его ум затуманивала какая-то неопределенность, так что все окружающее он воспринимал в полумраке и словно сквозь дымку. В этом новом видении ему представлялось, что он очутился высоко в воздухе над безмолвными, залитыми лунным светом улицами и стремительно движется вниз.

Стояла полная луна, и в ее свете он понял, что спускается к знакомому старому дому из песчаника. Это был дом Кеннета Скотта, выученный Эдмондом по фотографии. Дрожь ликования согрела его: значит, эксперимент удался!

Теперь дом возвышался перед ним. Эдмонд парил снаружи, перед открытым неосвещенным окном. Заглянув в комнату, он узнал худощавую фигуру Кеннета Скотта, сидевшего за письменным столом. Губы оккультиста были плотно сжаты, а лицо омрачала тревожная гримаса. Перед ним лежал огромный фолиант с пожелтевшими пергаментными страницами, и ученый внимательно рассматривал его. Время от времени его обеспокоенный взгляд устремлялся на стоявший рядом с ним на столе телефон. Эдмонд попытался окликнуть Скотта – тот поднял глаза и пристально взгляделся в окно.

В ту же секунду лицо Скотта исказила пугающая трансформация. Человек словно обезумел от страха. Он вскочил на ноги, опрокинув стул, и одновременно с этим Эдмонд почувствовал неодолимую силу, потянувшую его вперед.

Все, что произошло после, – запутанно и туманно. Записи Эдмонда в этом месте фрагментарны, и можно лишь догадываться, что Эдмонд очутился в комнате и с необъяснимым и ненормальным упорством преследовал впавшего в панику Скотта. Эдмонд плыл по воздуху... а Скотт оказался загнан в угол... и здесь записки Эдмонда обрываются полностью, словно воспоминания об этом эпизоде оказались сильнее него.

В тот момент милосердная чернота поглотила Эдмонда, но, прежде чем сон стал таять и пропал, вспыхнуло напоследок еще одно видение. Он снова оказался снаружи перед окном Скотта, быстро удаляясь в ночь, а в светящемся желтом квадрате открытого окна виден был край стола Скотта и обмякшее тело самого хозяина, лежащее на ковре. По крайней мере, Эдмонд заключил, что это тело Скотта, поскольку либо шея у человека была согнута под невозможным углом, так что голову скрывал торс, либо человек был обезглавлен.

На этом сон закончился. Эдмонд проснулся и обнаружил, что комната погружена в темноту; рядом сонно пошевелился Людвиг. Оба студента были растеряны и перевозбуждены. Они взволнованно заспорили, время от времени позволяя себе нервные всплески эмоций, и Людвиг признался, что его видение в точности совпадает с тем, что испытал Эдмонд. К сожалению, ни один из них не потрудился проанализировать произошедшее и найти ему логическое объяснение, но как-никак оба были мистиками и целиком приняли все на веру.

Раздался звонок. Бесстрастная телефонистка спросила, согласен ли Эдмонд принять вызов из Балтимора. Она добавила, что уже некоторое время пытается дозвониться в их квартиру, но никто не отвечает. Эдмонд резко перебил ее и потребовал, чтобы его соединили. Но сделать это не удалось. Телефонистка на коммутаторе в Балтиморе сообщила, что ее абонент не ответил, и после непродолжительных бессмысленных расспросов Эдмонд повесил трубку. Тогда Людвиг признался, что писал Скотту, и посетовал на собственную скрытность, пометавшую ему рассказать балтиморскому оккультисту о цели эксперимента: о месте назначения, в которое были направлены астралы.

Не унял их страхов и обнаруженный в жаровне предмет. Очевидно, хотя бы частично видение основывалось на истине – неизвестные химикалии выкристаллизовались в нечто из плоскостей и углов. Предмет состоял из некой хрупкой субстанции, напоминающей матовое стекло, имел приблизительно пирамидальную форму и от вершины до основания составлял около шести дюймов. Людвиг хотел немедленно его разбить, но Эдмонд не позволил.

Их споры пресекла телеграмма от Скотта. Она гласила:

НИКАКИХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ С БРОШЮРОЙ О КОТОРОЙ ВЫ ГОВОРИЛИ ТЧК ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ОПАСНО И МОЖЕТ ПРИВЕСТИ К МОЕЙ СМЕРТИ ТЧК СЕГОДНЯ ПРИШЛЮ ВСЕ ПОДРОБНОСТИ АВИАПОЧТОЙ ТЧК БРОШЮРУ РЕКОМЕНДУЮ СЖЕЧЬ

КЕННЕТ СКОТТ

За этим последовали еще две новости, в результате чего Пол Эдмонд провел некоторое время в голливудской больнице. Первая новость подоспела к утреннему выпуску «Лос-Анджелес таймс» от двадцатого августа. В заметке коротко сообщалось, что Кеннет Скотт, известный писатель и оккультист, проживавший в Балтиморе, штат Мэриленд, загадочным образом убит. Никаких улик, указывающих на личность убийцы, не найдено, а тело обнаружили только днем девятнадцатого. Тот факт, что голова жертвы была отделена от тела и необъяснимым образом исчезла, сперва поставил под сомнения результаты опознания, но врач Скотта подтвердил логические выводы. Таинственности делу придали следы сероватой слизи, которой был испачкан ковер. По заявлению судебного эксперта, голова Скотта была аккуратно отсечена от тела острым лезвием. Полиция заявила, что арест обвиняемого последует в ближайшее время.

Излишне говорить, что арест так и не произвели. Бульварные газеты ухватились за лакомый кусочек и выжали из новости все возможное, а один предприимчивый репортер раскопал, что незадолго до времени, в которое зафиксировали гибель Скотта, тот отправил с главпочтамта Балтимора письмо авиапочтой. Это сообщение и стало непосредственной причиной нервного срыва и госпитализации Эдмонда.

Письмо было обнаружено в квартире Эдмонда, но оно практически не пролило света на дело. Скотт был визионером, и письмо подозрительно напоминает его литературные труды.

Как вы оба знаете, – в частности, говорилось в этом пространным письме, – за старыми легендами и фольклором часто скрываются факты. Циклопы уже не миф, как подтвердит вам любой врач, знакомый с врожденными патологиями. Вам также известно, что мои теории эликсира жизни подтвердились с открытием тяжелой воды. Так вот, миф о Гидре также основан на фактах.

Имеется бесчисленное количество сказок о многоголовых монстрах, и в их основе лежит описание реальной сущности, о которой на протяжении веков было известно очень немногим. Существо это появилось не на земле, но в безднах Запределья. В определенном смысле это была вампирическая сущность, но питающаяся не кровью своих жертв, а их головами – их мозгом. Вам это может показаться странным, но сейчас вы уже знаете, что в Запределье обитают сущности, чьи потребности и плоть отличаются от наших. Множество эпох эта сущность рыскала в поисках добычи в бесконечности за границами нашего измерения, посылая зов, чтобы собрать свои жертвы, где возможно. Ибо, поглощая головы и мозг разумных существ как нашего мира, так и других планет, эта сущность многократно приумножает свою мощь и жизненную силу.

Вы оба знаете, что веками появлялись люди, желающие поклоняться Великим – даже злобным Чужим, которые дошли до нас в фольклоре в образе демонов. У каждого бога и каждой сущности, от Черного Фараола до самого мелкого из Чужих, чья сила выше человеческих, есть свои почитатели. И культы эти перемешиваются очень любопытным образом, поэтому мы обнаруживаем, что следы забытых верований прорастают в более поздних временах. Например, когда римляне в темных лесах Италии поклонялись Великой Матери, как вы думаете, почему они включали в свой ритуал мистическое славословие: «Горго, Мормо, тысяча-челюкая луна»?¹² Выводы ясны.

Я углубился в подробности, но это было необходимо, чтобы подготовить вас к моему объяснению происхождения брошюры, которую Роберт обнаружил в Сан-Педро. Я знал об этой книжице, напечатанной в Салеме в 1783 году, но решил, что ни одного ее экземпляра больше не существует. Эта брошюра – ловушка, и наигнуснейшая. Создали ее служители Гидры, чтобы заманивать жертв во чрево своей богини!

В книге заявляется, что она представляет собой описание невинного эксперимента с астральной сущностью. Однако подлинная ее цель – открыть портал и подготовить жертву для Гидры. Когда эти брошюры начали распространять по секретным подземным каналам, в Новой Англии вспыхнула эпидемия смертей. Десятки мужчин и женщин были найдены обезглавленными, и вокруг – никаких следов убийцы в человеческом обличье. На самом деле настоящими убийцами были те, кто осуществлял эксперимент в соответствии с инструкциями, приведенными в брошюре, и невольно позволял Гидре использовать их жизненные силы и материализоваться на этой планете.

Грубо говоря, происходит вот что: субъект, следуя инструкциям, вдыхает дым наркотика, который разрывает завесу между нашим миром и Запредельем. Экспериментатор сосредотачивается на человеке, которому хочет нанести визит своей астральной сущностью, и этот человек обречен, поскольку его утаскивает в Запределье, в другое измерение, и посредством определенного психического и химического процесса он временно ставится одним целым с Гидрой. Сводится это к следующему: Гидра, используя астрал экспериментатора как носителя, приходит на Землю и забирает свою добычу – человека, на котором субъект сосредоточился. Для самого экспериментатора никакой реальной опасности нет, за исключением разве что возможности получить мощное нервное потрясение. Но второго – жертву – Гидра забирает себе. Он обречен на вечные муки, кроме некоторых необычных случаев, когда может поддерживать психическую связь с чьим-то земным разумом. Но не стоит об этом.

---

¹² Слова из ритуала поклонения Гекате. Упомянуты в рассказе Г. Ф. Лавкрафта «Кошмар в Ред-Хуке».

Я серьезно встревожен. Я заказал междугородний звонок в квартиру Эдмонда, и, без сомнения, вы все узнаете задолго до того, как придет это письмо. Если вы окажетесь настолько опрометчивы, что предпримете эксперимент раньше, чем я с вами свяжусь, мне будет грозить серьезная опасность, поскольку вы, вероятно, попытаетесь осуществить проекцию вашего астрала в Балтимор, ко мне. После того как я отправлю это письмо и пока я ожидаю телефонного соединения, я предприму все возможное, чтобы найти охранительную формулу, хотя не думаю, что она существует.

Кеннет Скотт

Именно это письмо уложило Эдмонда на несколько дней в больницу, где ему пришлось поправлять состояние нервов. Людвиг, видимо, оказался покрепче; по просьбе Эдмонда он остался в квартире последнего и занялся собственными экспериментами.

Что именно произошло в квартире Эдмонда в следующие несколько дней, мы никогда не узнаем наверняка. Людвиг ежедневно навещал хозяина квартиры в больнице и рассказывал ему о своих опытах, а Эдмонд записывал все, что запомнил, на листках бумаги, которые потом вставлял между страницами своего дневника. Есть основания верить, что необыкновенная смесь веществ в жаровне еще оказывала влияние на умы двух студентов, поскольку эксперименты Людвига, судя по записям Эдмонда, весьма напоминали продолжение исходного наркотического сна.

Как и следовало ожидать, брошюру Людвиг сжег. А затем, на следующую ночь после отъезда Эдмонда в больницу, второй молодой человек, по собственному утверждению, услышал, как с ним разговаривает Скотт.

Будучи исключительно восприимчивым ко всему необычному, Эдмонд не стал поднимать его на смех. Он внимательно выслушал Людвига, который заявил, что ученый еще жив, хотя и существует в другом измерении пространства. Гидра захватила Скотта, но у оккультиста хватило силы связаться с Людвигом. Необходимо не упускать из виду, что ни один из двух юношей после перенесенного нервного потрясения окончательно не пришел в себя.

Итак, каждый день Людвиг прибавлял к своей истории все новые и новые подробности, а Эдмонд слушал. Говорили они тайно, шепотом, и Эдмонд тщательно следил, чтобы его заметки не попали в руки скептиков. Вся суть, говорил Людвиг, заключалась в странном кристаллическом объекте, который образовался в жаровне. Именно он держал открытым путь в Запределье. Размером кристалл меньше человеческой головы, но при желании через него можно пройти, поскольку он создает «искривление в пространстве» – термин, который Эдмонд упоминает несколько раз, хотя объяснить не удосуживается. Гидра же способна вернуться на землю, только если будут воспроизведены первоначальные условия эксперимента.

Людвиг сказал, что слышал слабый шепот Скотта из кристаллического предмета, состоящего из невообразимых граней и углов. Оккультист испытывал страшные муки и постоянно просил Людвига спасти его. Это несложно, если студент будет неукоснительно следовать инструкциям. Опасность есть, но надо проявить смелость и попытаться исправить причиненное зло. Только так Скотт сможет избавиться от бесконечных мучений и вернуться на Землю.

И Людвиг, как он рассказывал Эдмонду, прошел сквозь кристалл – опять эта неясная и странная фраза! – взяв с собой то, что велел ему Скотт. Главным среди всего этого был острый как бритва кухонный нож с костяной рукояткой. Были и другие предметы, причем некоторые добыть было непросто; какие именно, Людвиг не уточнял, а если и уточнял, то Эдмонд не упоминает о них в своих записях.

По рассказам Людвига, он прошел через кристалл и отыскал Скотта. Но не сразу. Были ночи, когда он на ощупь пробирался сквозь фантастические и жуткие видения из кошмаров, все время направляемый настойчивым шепотом Скотта. Нужно было проходить ворота и пересекать странные измерения. И Людвиг шел сквозь жуткие бездны пульсирующей, пугающей

тьмы; он миновал место с необычным фиолетовым светом, который заходил у него за спиной дребезжащими глумливыми порывами ведьмовского хохота; он прошел сквозь опустевший циклопический город из черного камня, в котором с содроганием узнал легендарный Дис. Наконец он отыскал Скотта.

Людвиг проделал все необходимое. Когда на следующий день он пришел в больницу, Эдмонда потрясла бескровная бледность друга и бегающие в его глазах огоньки безумия. Зрачки были неестественно расширены, а говорил Людвиг в тот день бессвязным шепотом, разбирать который Эдмонду было непросто. Это сказалось на записях. Как можно понять, Людвиг заявил, что освободил Скотта из плена Гидры, и беспрестанно бормотал что-то про ужасную серую слизь, которая испачкала лезвие его кухонного ножа. Он уверял, что его дело еще не закончено.

Без сомнения, за Людвигу говорило его затуманенное наркотиком сознание, когда он рассказывал, как оставил Скотта или, по крайней мере, живую его часть в некоем измерении, не враждебном человеческой жизни и не подверженном естественным законам и процессам. Скотт желал вернуться на землю. Теперь он мог вернуться, сообщил Эдмонду Людвиг, но удивительная витальность, которая поддерживала жизнь в том, что осталось от Скотта, на земле немедленно улетучится. Существование как таковое было возможно для Скотта лишь в отдельных планах и измерениях, а чужеродная сила, которая поддерживала его в живых, постепенно уходила – теперь, когда он больше не получал энергетической подпитки от Гидры. Людвиг сказал, что действовать необходимо быстро.

В Запределье существует место, где Скотт мог исполнить свое желание. В этом месте мысль неявно связана с энергией и материей из-за пронзительных звуков труб (так рассказывал Людвиг), которые с начала времен просачиваются сквозь пелену мерцающих оттенков. Оно расположено очень близко к Центру – Центру Хаоса, где обитает Азатот, Повелитель Всего Сущего. Все было создано мыслями Азатота, и только в Центре Абсолютного Хаоса Скотт обретет возможность снова жить на земле в человеческом облике. На этом месте часть записок Эдмонда стерта, и возможно разобрать лишь один фрагмент: «...материализовавшейся мысли».

Людвиг с побелевшим лицом и ввалившимися щеками говорил, что должен завершить свое дело. Он считал себя обязанным отвести Скотта в Центр, хотя признавался, что невероятный ужас заставляет его колебаться. На пути подстерегают опасности и ловушки, в которые легко угодить. Хуже всего, что завеса, ограждающая Азатота, тонка, а если даже случайно увидеть Повелителя Всего Сущего, это будет означать полное и окончательное уничтожение узревшего. Скотт говорил об этом, добавил Людвиг; кроме того, упоминал о непреодолимом желании, которое будет притягивать взгляд юного студента к роковому месту, если тот не сумеет изо всех сил этому желанию сопротивляться.

Нервно покусывая губы, Роберт Людвиг ушел из больницы и, как мы можем предполагать, по дороге к квартире Эдмонда стал жертвой насилия. Поскольку на земле Эдмонд своего друга больше не увидел.

Полиция еще разыскивала пропавшую голову Кеннета Скотта. Так Эдмонд заключил из газет. На следующий день он с нетерпением ожидал появления Людвигу и, когда безрезультатно прошло несколько часов, позвонил к себе в квартиру, но никто не ответил. В конце концов обеспокоенный Эдмонд, которому было уже не по себе от тревоги, провел десять минут в бурной беседе со своим врачом и еще десять – с полицейским инспектором. Наконец он добился своего, вызвал такси и поехал домой, пренебрегая запретом больничных властей.

Людвиг исчез. Пропал без следа. Эдмонд хотел было вызывать полицию, но быстро отказался от этой мысли. Он нервно мерил шагами квартиру, изредка отводя взгляд от кристаллического объекта, который так и покоился на жаровне.

Дневник едва ли проясняет события той ночи. По записям можно восстановить, что Эдмонд приготовил еще одну дозу наркотического снадобья или что вредоносное воздействие паров, которые он вдыхал за несколько дней до того, в конце концов нанесли его мозгу такое разрушение, что он уже не различал вымысел и реальность. Запись в дневнике, датированная следующим утром, начинается внезапно: «Я его слышал. Как и рассказывал Боб, он говорил через ту кристаллическую вещь. Он в отчаянии и говорит мне, что у Боба ничего не вышло. Он не отвел Скотта в Центр, иначе С. снова бы материализовался на земле и спас Боба. Нечто – не знаю, что именно, – захватило Боба, да поможет ему Бог. Да поможет Бог всем нам... Скотт говорит, мне надо начать там, где бросил свою задачу Боб, и довершить ее».

На последних страницах этой записи он обнажает душу, и это зрелище не из приятных. Почему-то самые пугающие из потусторонних ужасов, описанных дневником, не настолько ужасающи, как последний конфликт, произошедший в квартире над Голливудом, когда человек боролся со своим страхом и осознал собственную слабость. Пожалуй, только к лучшему, что брошюра была уничтожена, поскольку наркотик, настолько разрушающий мозг, как в ней описано, явно возник в аду столь же ужасном, как тот, что описал Эдмонд. Последние страницы дневника являют нам ум, рассыпающийся в прах:

«Я прошел. После Боба легче; я могу начать там, где он остановился, как говорит Скотт. И я прошел через Холодное пламя и Вихревые водовороты и наконец достиг места, где находится Скотт. Вернее, находился, поскольку я подхватил его и пронес через несколько уровней, пока мне не пришлось вернуться. Боб не сказал о тяге, с которой приходится бороться. Но крепчает она только после того, как я продвинулся вглубь на довольно существенное расстояние».

Очередная запись датирована следующим днем. Ее едва можно разобрать.

«Не выдержал. Пришлось выйти. Час гулял по Гриффит-парку. Потом вернулся в квартиру, и Скотт тотчас же заговорил со мной. Мне страшно. Мне кажется, он это ощущает и тоже испуган – и сердится.

Он говорит, что нельзя больше терять время. Его жизненные силы на исходе, и ему нужно быстро добраться до Центра и вернуться на землю. Видел Боба. Мельком, так что даже не узнал бы, если бы Скотт не сказал. Боб был весь какой-то искаженный и пугающий. Скотт говорит, что, когда его захватило, атомы его тела адаптировались к другому измерению. Надо быть осторожным. Мы уже почти у Центра».

Последняя запись.

«Еще раз – и дело сделано. Боже, как же мне страшно, как же мне невероятно страшно. Слышал трубы. От них леденеет мозг. Скотт кричал на меня, заставлял идти дальше и, мне кажется, пытался заглушить тот... другой звук, но, конечно же, не смог. В отдалении виднеется очень слабое сиреневое сияние и разноцветные вспышки. За ними, по словам Скотта, Азатот.

Не могу. Не хватает духу – эти трубы и эти формы, которые движутся вдалеке. Если я посмотрю в ту сторону, когда окажусь у завесы, это будет означать... Но Скотт злится на меня как безумный. Говорит, это я всему причиной. Мной овладел неутолимый порыв позволить этой тяге утянуть меня назад, а затем разбить врата – кристаллическую штуку. Может быть, когда я снова пройду сквозь нее, я пойму, что не могу не смотреть на завесу, я именно так и сделаю. Я сказал Скотту, что если он отпустит меня обратно на Землю сделать еще один глоток воздуха, то в следующий раз я закончу. Он согласился, но велел поторопиться. Его жизненные силы быстро иссякают. Он сказал, что, если я через десять минут не пройду через врата, он придет за мной. На самом деле не придет. Жизнь, которая поддерживает его в Запределье, на земле ему не поможет, разве что на секунду-другую.

Мои десять минут истекли. Скотт зовет из врат. Не пойду! Мне не вынести – только не последний ужас Запределья, когда за завесой движутся эти штуки и орут эти ужасные трубы...

Не пойду, я тебе сказал! Скотт, нет – мне не вынести! Тебе не выбраться, вот и все. Ты умрешь – я сказал тебе, что не пойду! Тебе меня не заставить – прежде я разобью врата!.. Что? Нет! Нет, ты не... ты этого не сделаешь! Скотт! Не надо, не надо... Боже, он выходит...»

Это последняя запись в дневнике, который полиция обнаружила открытым на столе Эдмонда. После того как раздался ужасающий вопль, а потом из-под двери квартиры медленно потекла красная жидкость, на месте оказались два офицера из патрульной машины.

Тело Пола Эдмонда нашли у двери. Голова и плечи лежали в расширяющейся багровой луже.

Неподалеку валялась перевернутая медная жаровня, а по ковру были рассыпаны хлопья белого вещества. Окоченевшие пальцы Эдмонда крепко сжимали объект, о котором с тех пор не умолкают споры.

Этот объект поразительно хорошо сохранился, принимая во внимание его природу. Он частично покрыт странной сероватой слизью, а его челюсти плотно стиснуты. Зубы страшно изуродовали горло Эдмонда и перерубили сонную артерию.

Необходимость в дальнейших поисках пропавшей головы Кеннета Скотта отпала.

Охота

Элвин Дойл вошел в Дом волшебника с тупоносым короткоствольным пистолетом в кармане, замышляя убийство.

Судьба благоволила ему: он смог выследить своего кузена Уилла Бенсона до того, как на его след вышли душеприказчики старого Андреаса Бенсона. Фортуна была на его стороне и теперь. Хижина Бенсона стояла в небольшом ущелье, в двух милях от городка Монкс-Холлоу, и по ночам суеверные горожане не совали туда нос.

Уилл Бенсон был ближайшим родственником покойного Андреаса Бенсона. В случае смерти Уилла Дойл становился наследником. Поэтому Дойл приехал в Монкс-Холлоу и, пряча пистолет, чтобы не вызвать подозрений, как бы невзначай расспросил о местонахождении своего кузена.

Уилл Бенсон жил отшельником, но, как рассказали Дойлу местные после пары кружек пива, это было еще полбеды. Они шепотом поведали, что ночами в своей хижине тот творил всякие непотребства и ужасы, закрывая ставни, чтобы не подсматривали прохожие. Еще они слышали зловещие звуки, не предвещавшие ничего хорошего.

Но однажды хозяин салуна Эд Деркин увидел на крыше хижины Бенсона дымчато-черную тварь, смотревшую на него горящими глазами, пока он не бросился наутек, – и с тех пор к жилищу Бенсона никто не подходил.

Дойл усмехнулся про себя; ему доводилось слышать и не такие истории про отшельников. Теперь его задача стала гораздо легче – можно было не опасаться, что выстрел услышат. Для ночной поездки он предусмотрительно взял напрокат неприметный черный родстер рас пространенной марки и на закате с непроницаемым видом отправился в путь по колдобистой проселочной дороге.

На его лице вообще редко отражались эмоции. Лишь изредка он чуть поджимал тонкие губы, и его холодные серые глаза будто покрывались ледяной коркой. Впрочем, когда дверь хижины открылась на его стук и на крыльце появился мужчина, он улыбнулся. Но улыбка эта не была дружелюбной.

Дойл помнил Уилла Бенсона по фотографиям и, хотя те были сняты двадцать лет назад, сразу узнал его. Тот же широкий и высокий лоб, тот же взгляд хмурых темных глаз. Носогубные складки стали глубже, густые брови удивленно сходились вместе; на висках серебрилась седина. Но глаза Бенсона мигом загорелись.

– Кто... Эл! – воскликнул он, но тут же засомневался. – Ты же Эл, верно? Сразу не признал.

Дойл улыбнулся шире, но мысленно проклял хорошую память кузена. Он сомневался, что Бенсон его вспомнит. Что ж, ничего не поделаешь. Изначально у него было два плана действий; теперь приходилось отказаться от основного в пользу запасного. Он пожал Бенсону руку с напускной приветливостью.

– Он самый. Не думал, что вы меня вспомните. Почти двадцать лет прошло. Я был мелким сорванцом, когда мы виделись в последний раз. Пустите на огонек?

Бенсон явно не хотел его пускать.

– Конечно, – ответил он, нахмурившись и как будто торопливо оглянувшись, после чего пропустил Дойла внутрь. – Входи.

Дойл отметил, что Бенсон закрыл дверь на два замка. Его взгляд блуждал по комнате. Его охватило любопытство. Горожане неспроста прозвали хижину Бенсона Домом волшебника!

Со стен свисали черные портьеры, складки которых создавали ощущение простора. Столы и кресла располагались вдоль стен, на полу был начерчен какой-то хитрый узор. Дойл

смутно припомнил, что он называется пентаграммой – круги со звездой внутри, нарисованные при помощи слабо светившейся в полумраке зеленоватой субстанции.

Вокруг пентаграммы на равном удалении друг от друга стояли вычурные серебристые лампы, а посередине, в центре звезды, – кресло, стол, на котором лежала громадная раскрытая книга в железном окладе, и треножник с кадилом. И правда, комната волшебника! Тем не менее в Дойле закипели злоба и раздражение. Что этот болван будет делать с наследством старого Бенсона, если получит его? Наверняка истратит на шарлатанские приблуды!

Тут же пришла другая мысль: а надо ли его убивать? Может, проще добиться признания Бенсона сумасшедшим? Но Дойл отмел ее, еще не успев как следует поварить. Лишний риск ни к чему. Пистолет надежнее.

– Удивлен, а? – Бенсон как-то странно посмотрел на него. – Пожалуй, на первый взгляд это и в самом деле необычно. Потом объясню. Садись, рассказывай, как твои дела... и зачем пожаловал.

Он притащил стоявшее у стены мягкое кресло. Дойл сел и достал портсигар.

– Долгая история. Вы ведь давно отошли от повседневных дел? Мы с вашим дедом вспоминали вас не далее как позавчера. – Дойл пристально следил за Бенсоном, но тот хранил спокойствие. Судя по всему, он еще не знал о смерти деда. – Вот я и задумался, как...

– Э... послушай, – перебил его Бенсон. – Не надо здесь курить.

– А? – Дойл непонимающе уставился на него, потом убрал сигарету в портсигар. – Без проблем.

Бенсон почувствовал, что должен объясниться.

– У меня тут довольно деликатный... кхм, эксперимент. Любая мелочь может помешать. Эл, не хочу показаться нерадушным хозяином, но ты приехал не в самое подходящее время. – Он замаялся и снова бросил мимолетный взгляд через плечо. – Ты собирался заночевать у меня?

– Ну, раз такие дела, то, пожалуй, нет, – нарочито тактично ответил Дойл. – Не хочу вас обременять...

– Нет, что ты, ничего подобного, – поспешил ответить Бенсон. – Просто я уже начал эксперимент и должен его закончить. Он довольно опасен...

Дойл быстро все обдумал. Его кузен, очевидно, был сумасшедшим. Что это за бред про эксперименты? Но уходить было рано.

– Ждете гостей, Уилл? – подмигнул он и многозначительно кивнул.

Бледное лицо Бенсона залилось краской.

– Нет, – ответил он. – Все не так. У меня правда идет эксперимент, и весьма опасный, уж поверь. Эл, послушай. Переночуй сегодня в городе, а завтра возвращайся, а? Я в самом деле рад тебя видеть, просто... ну, сложно объяснить. Поначалу это всем кажется ерундой. Представь себе научный эксперимент... со взрывчаткой.

– Господи... Извините, – быстро ответил Дойл. – Я был бы рад уехать, но не смогу. Машина забарахлила. Сюда кое-как добрался, но механик из меня никудышный. Можно позвонить кому-нибудь в город, чтобы меня забрали?

Он затаил дыхание. Вряд ли у Бенсона был телефон, но мало ли...

– У меня нет телефона, – ответил Бенсон и закусил губу. – Что ж, Дойл, раз ты здесь, я за тебя в ответе. Я... думаю, опасности не будет, если ты станешь делать, что я скажу.

– Годится. Могу сходить в другую комнату и почитать, пока вы здесь занимаетесь. Я... – Он запнулся, ошеломленный тем, как Бенсон переменялся в лице.

– Господи, не надо! Оставайся со мной! Только здесь ты будешь в безопасности. Это... это... – Он быстро оглянулся. Дойл заметил, что от кадила заструился густой голубоватый дымок. – За мной! – поторопил его Бенсон, и Дойл поднялся, дав кузену затащить кресло внутрь пентаграммы. Затем медленно подошел к Бенсону.

Тот словно из ниоткуда достал свечу и вставил в настольный подсвечник. Он затушил масляную лампу, и теперь единственными источниками света были свеча и шесть серебряных ламп. По комнате поползли тени. Стена мрака снаружи пентаграммы как будто придвинулась, а темнота стала казаться пугающе неизмеримой из-за черных портьер. Воцарилась тишина.

– Я уже начал, – объяснил Бенсон, – и остановиться нельзя. Эксперимент нужно довести до конца. Садись, ждать придется долго.

Он склонился над громадной книгой в железном окладе и перелистнул желтую страницу. Дойл понял, что текст на латинском, но этого языка он почти не знал. Бледное лицо Бенсона, задумчиво глядящего в книгу, напомнило Дойлу изображения средневековых колдунов. Колдовство! Что ж, пистолет в его кармане обладал большей магической силой, чем вся эта сумасшедшая абракадабра. Но пускай Бенсон повеселится. Свои шансы в драке Дойл оценивал невысоко, а из-за привычки кузена постоянно оглядываться нужно было полагаться на первый же выстрел.

Бенсон бросил в кадило какой-то порошок, и дым стал еще гуще. Постепенно воздух подернулся слабой дымкой. Дойл поспешил спрятать улыбку, когда Бенсон оглянулся на него.

– Думаешь, я сумасшедший? – спросил Бенсон.

– Нет, – ответил Дойл и замолчал. Он достаточно узнал о своем собеседнике, чтобы оправдываться. Бенсон сразу распознает фальшь.

Бенсон улыбнулся и расслабился, глядя на кузена. Вытащив из кармана потертую трубку, он вожаделенно посмотрел на нее и сунул обратно.

– Главный недостаток эксперимента, – произнес он и усмехнулся, но тут же вновь посерьезнел. – Горожане, наверное, говорили, что у меня не все дома. Но они сами в это не верят. Эл, они меня боятся – бог знает почему, ведь я не причинял им вреда. Меня интересуют лишь знания, а они этого не понимают. Ну и ладно, главное, что меня не тревожат попусту. Мои исследования лучше вести в одиночестве. К тому же в таком случае они не рискуют попасть туда, где простым смертным бывать не следует.

– Они прозвали вашу хижину «Домом волшебника», – не преминул согласиться Дойл.

– Да, я слышал. В некотором роде они правы. Давным-давно людей, ищущих тайных знаний, звали волшебниками. На самом деле, Эл, это все наука, пусть и такая, о которой ученые в привычном понимании этого слова ничего не знают. Но любому толковому ученому известно, что за пределами нашего трехмерного мира, познаваемого при помощи зрения, слуха, вкуса, обоняния и осязания, есть и другие миры, тоже обитаемые. То, что я рассказываю, может показаться невероятным, но ради сохранности твоего рассудка, прошу, выслушай меня. Ты должен быть готов к тому, что увидишь сегодня. Другая вселенная... – Он задумался и заглянул в книгу. – Сложно объяснить. Я зашел очень далеко, а ты почти ничего в этом не понимаешь.

Дойл беспокойно заерзал. Он сунул руку в карман и оставил там, заметив, что Бенсон смотрит на него. Резко выдернув ее, он мог выдать свои намерения.

– Скажем так, – продолжил Бенсон, – человек – не единственная разумная форма жизни. Это доказано наукой. Но наука не признает, что существует сверхнаука, позволяющая человеку вступать в контакт с этими так называемыми ультралюдьми. С давних пор существовали тайные, по необходимости скрывающиеся практики, посредством которых можно глубоко погружаться в эти знания. Тех, кто ими пользовался, всегда преследовали. Среди так называемых магов прошлого было много шарлатанов – взять, например, Калиостро. Но другие, вроде Альберта Великого или Людвиг Принна, не были обманщиками. Только слепой не увидит неопровержимых доказательств наличия этих потусторонних существ!

Бенсон рассказывал так увлеченно, что его щеки залились краской.

– Вот здесь, в «Книге Карнака», все написано. – Он ткнул тонким пальцем в лежавший перед ним фолиант. – И в других книгах тоже: в «Святейшей тринософии», «Ритуале Чхайя», «Инфернальном словаре» де Планси. Но люди не верят, потому что не хотят. Нарочно гонят от

себя веру. С древнейших времен нам передавался лишь страх – страх перед ультрачеловеческими сущностями, некогда населявшими Землю. Что я могу сказать? Динамит тоже опасен, но находит применение. Господи! – воскликнул Бенсон, и его мрачные глаза вдруг загорелись странным огнем. – Вот бы мне жить в те времена, когда по Земле ходили древние боги! Я бы столько всего узнал!

Он остановился и почти подозрительно посмотрел на Дойла. Кадило тихо зашипело. Бенсон поспешно осмотрел шесть светильников. Те всё еще горели причудливым голубоватым пламенем.

– Мы в безопасности, пока они горят, – сказал он. – И пока пентаграмма не нарушена.

Дойл не сдержался и раздраженно нахмурился. Безусловно, Бенсон был сумасшедшим, но Дойл все равно разнервничался – и немудрено. Даже человека, привычного к напряжению, могут взволновать все эти фантастические ритуалы и безумные разговоры о чудовищных, как их там, ультрачеловеческих сущностях. Твердо решив как можно скорее положить конец этой комедии абсурда, Дойл погладил пальцем спусковой крючок.

– Я как раз вызываю одну из этих сущностей, – продолжил Бенсон. – Запомни: что бы ни случилось, не пугайся. Внутри круга тебе ничто не угрожает. Я призову божество, которому человечество поклонялось много веков назад, – Иода, Иода-Охотника.

Дойл молча выслушивал рассказы кузена о забытых тайных знаниях, сокрытых в древних томах и манускриптах. Бенсон говорил, что узнал много удивительного, почти невероятного, – но самой удивительной, пожалуй, была легенда об Иоде, Охотнике за Душами.

В стародавние времена люди поклонялись Иоду, у которого имелось много других имен. Он был одним из старейших богов, прибывших на Землю в дочеловеческую эпоху, когда древние божества странствовали среди звезд, а Земля была местом отдыха для этих удивительных путешественников. Греки знали его под именем Трофония, этруски приносили жертвы Вейовису, Живущему-за-водами-Флегетона, Огненной реки.

Этот древний бог жил не на самой Земле, и египтяне придумали ему весьма подходящее прозвище, в переводе означающее нечто вроде «Путешественник сквозь измерения». В пользующейся дурной славой книге «De Vermis Mysteriis»¹³ Иода называют Сияющим Гончим, Охотником за Душами в Тайных мирах – то есть, если верить Принну, в других измерениях.

Души не привязаны к конкретному пространству, и, по словам фламандского колдуна, древний бог охотился за людскими душами. Охота доставляла ему чудовищное удовольствие; он загонял души, как гончий пес – напуганного зайца, но если умелый маг предпримет необходимые меры предосторожности, он сможет призвать Иода без опасности для себя и, более того, получить от него удивительные, но полезные услуги. Но даже в запрещенном труде «De Vermis Mysteriis» не содержалось заклинания для вызова Путешественника сквозь измерения.

Лишь после долгих и усердных поисков в малоизвестных криптограммах – таких как ужасный «Ишакшар» и легендарный «Старший ключ» – Бенсону удалось расшифровать заклинание, с помощью которого бога можно было призвать на Землю.

Кроме того, нельзя было предугадать, какой облик примет Иод; рассказывали, что он не всегда принимал одну и ту же форму. В Радажгрихе, колыбели буддизма, древние дравиды писали об Иоде с особым отвращением. Основой индийских верований была реинкарнация, и единственной истинной смертью индийцы считали смерть души.

Тело истлеет, рассыплется в прах, но душа будет жить в других телах, пока не станет добычей ужасного охотника Иода. Ибо Иод никогда не прекращает погоню, шептал Бенсон, и как бы ни бежала душа от Сияющего Гончего сквозь множество потайных миров, спрятаться от него она не сумеет. А для живого человека, не предпринявшего мер предосторожности, явление Иода во всем его устрашающем великолепии означает верную и быструю гибель.

---

¹³ «Таинства Червя» (лат.).

– У этого есть параллели в науке, – заключил Бенсон. – В известной науке. Это синапсы. Области контакта нервных клеток, через которые проходят импульсы. Если в такую область поставить барьер и заблокировать импульсы, наступит...

– Паралич?

– Точнее, каталепсия. Иод извлекает из существа жизненную силу, оставляя лишь сознание. Мозг продолжает жить, хотя тело умирает. То, что египтяне звали жизнью-в-смерти. Они... Пстой!

Дойл резко поднял глаза. Бенсон таращился в темный угол за пентаграммой.

– Чувствуешь какие-нибудь перемены? – спросил он.

Дойл помотал головой, потом задумался.

– Хотя... кажется, стало холоднее, – хмуро признал он.

Бенсон поднялся:

– Да, точно. Эл, теперь послушай. Не двигайся. Если сможешь, вообще не шевелись. Так или иначе, не выходи из пентаграммы, пока я не отправлю восвояси... того, кого призову. И не мешай мне.

Глаза Бенсона горели на бледном лице. Он изобразил левой рукой какой-то причудливый жест и низким монотонным голосом начал декламировать на латыни.

– *Veni diabole, discalceame... recede, miser...*¹⁴

Температура в комнате изменилась. Наступил лютый холод. Дойл задрожал и встал с кресла. Бенсон стоял к нему спиной и не заметил этого. Заклинание перешло в рифмованную абракадабру на незнакомом Дойлу языке:

Bagabi laca bachabe
Lamac cahi achababe
Karrelyos...

Дойл вынул из кармана черный короткоствольный пистолет, аккуратно прицелился и нажал на спусковой крючок.

Выстрел был негромким. Тело Бенсона дернулось, и он повернулся, изумленно уставившись на кузена.

Дойл сунул пистолет обратно в карман и отошел. Нельзя было допустить, чтобы кровь попала ему на одежду. Он внимательно следил за Бенсоном.

Умирающий противным звуком шлепнулся на пол. Руки и ноги слабо задергались, словно в чудовищной пантомиме, изображающей пловца. На всякий случай Дойл снова взял пистолет. Тут его заставил развернуться резкий звук, раздавшийся поблизости.

Из темноты за пентаграммой донесся тихий шепот, сумрачный воздух слабо всколыхнулся. В тихой комнате, казалось, подул легкий ветерок. Тьма в углу как будто зашевелилась, и шепот сразу стих. Дойл натянуто улыбнулся, опустил оружие и прислушался. После этого не раздавалось ни звука, пока металлический лязг не заставил Дойла посмотреть на пол.

---

¹⁴ Приди, дьявол, разуй меня... прочь, презренный... (лат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.